

mysterium

**БЛЕСТЯЩЕ И
УЖАСАЮЩЕ...**

Страшное и захватывающее
чтение, и я наслаждался
каждой его минутой.

Стивен Кинг

ДЖОН СЭНДФОРД

**БЕЗМОЛВНЫЙ
УБИЙЦА**

СЕРИЯ СУПЕРБЕСТСЕЛЛЕРОВ

О ДЕТЕКТИВЕ ЛУКАСЕ ДЭВЕНПОРТЕ

ЭКСМО

Annotation

Майкл Беккер, опасный убийца и психопат, снова на свободе. Переехавшись в Нью-Йорк, он продолжает убивать. Нью-йоркская полиция не способна найти его, и к делу подключают детектива Лукаса Дэвенпорта, того самого человека, который поймал Беккера в первый раз. У Дэвенпорта личные счеты к преступнику, который жестоко убил его подругу. И теперь детективу предоставляется второй шанс навсегда покончить с кошмаром по имени Майкл Беккер...

Джон Сэндфорд
Безмолвный убийца

Глава 1

В хаосе, царящем в голове Беккера, вспыхнула мысль: «Присяжные».

Он поймал ее — так ловким движением руки человек хватает пролетающую муху.

Беккер без сил опустился на стул рядом с адвокатом, чувствуя себя словно посреди цирковой арены. Пустыми голубыми глазами, блеклыми и широко раскрытыми, как у пластмассовой куклы, он обводил зал суда, выхватывая взглядом горящие лампы, электрические розетки, лица людей, пялившихся на него. Его коротко остригли, как это принято в тюрьме, но позволили оставить растрепанную светлую бороду. Акт милосердия: борода скрывала путаницу розовых шрамов, уродующих его лицо. Под усами блестели влажные красные губы. Они открывались и закрывались, точно у задыхающегося угря.

Беккер вернулся к мысли, которую ему удалось ухватить. Присяжные. Домохозяйки, пенсионеры; отбросы, живущие за счет государства. И они будут его судить. Это же нелепо: он доктор медицины, в своих кругах он занимает высокое положение, его уважают! Беккер покачал головой.

— Понимаете? — произнесла судья в черной мантии.

Слово эхом пронеслось в голове.

— Вы понимаете, мистер Беккер?

«Что?..»

Адвокат, идиот с плоским лицом, потянул Беккера за рукав.

— Встаньте.

«Что?..»

Прокурор повернулась и строго посмотрела на него. Ее ненависть добралась до Беккера, коснулась его, и он открыл свое сознание, чтобы отправить ее обратно. «Я бы хотел заполучить тебя минут на пять. Хороший острый скальпель рассек бы твое тело, как проклятого омара: вжик-вжик. Как чертову устрицу».

Прокурор почувствовала интерес Беккера. Она была жесткой женщиной: благодаря ей шестьсот человек отправились за решетку. Их жалкие угрозы и глупые мольбы больше не трогали прокурора. Но она вздрогнула и отвернулась от Беккера.

«Что? Встать? Время пришло?»

Беккер изо всех сил пытался вернуться в реальность. Во время суда он позволил себе расслабиться. Процесс его не интересовал. Он отказался давать показания: исход был известен, а ему требовалось разобраться с гораздо более серьезными проблемами. Например, как выжить в окружной тюрьме Хэннепина без его лекарств.

Но время пришло.

Кровь все еще слишком медленно текла в его теле, пробираясь по артериям, точно клубничный джем. Он боролся с собой и старался скрыть это.

«Сосредоточься».

С огромным трудом он начал возвращаться в зал суда. Слушание дела продолжалось двадцать один день и было главной новостью газет и телевизионных передач. Затаившиеся в засаде камеры подстерегали его днем и ночью, их невыносимо яркий свет бил по лицу, операторы отскакивали назад, снимая его в цепях во время этапирования из тюрьмы в зал суда.

Помещение, где проходило заседание, было отделано светлым ламинированным

деревом. На возвышении стоял стол судьи, напротив — места для защиты и обвинения, справа расположились присяжные. Длинная решетка разделяла помещение на две части. За ней, на жестких стульях, привинченных к полу, сидела публика. Места были заняты за час до начала рассмотрения дела: половину отдали прессе, другая досталась тем, кто пришел первым. И на протяжении всего заседания он слышал, как зрители постоянно повторяли его имя: «Беккер, Беккер, Беккер...»

Присяжные гуськом вышли из зала, и ни один из них не посмотрел в его сторону. Их, его «судей», запрет в комнате, и, проговорив приличествующее ситуации время, они вернутся и объявят, что он виновен в совершении нескольких убийств первой степени, Приговор не вызывает сомнений. А когда он прозвучит, судья отправит его в тюрьму.

Так сказал ему черный придурок из соседней камеры, который разговаривал на фальшивом уличном диалекте: «Они запрет твою вонючую задницу в Оук-парке, приятель. Будешь жить в клетке размером с чертов холодильник и даже шелохнуться не сможешь без присмотра, там везде камеры понатыканы. Соберешься на горшок — они тебя снимут на пленку, а потом сварганят киношку. Никто никогда не выходит из Оук-парка. Это настоящий ад».

Но Беккер туда не собирался. Та мысль, что он сумел ухватить, снова вывела его из ступора, и он встряхнулся, пытаясь подчинить ее себе.

«Сосредоточься».

Он заставил себя сконцентрироваться на мелких деталях. Спортивные трусы на резинке впиваются в тело. Бритва спрятана под мошонкой. Бейсболка «Сокс», которую он выменял на сигареты, засунута за ремень брюк. Ногам жарко в нелепых кедах. Спортивные туфли и белые носки со светлыми полосками, какие часто носят врачи, — он выглядел глупо и знал это. Только придурок станет надевать белые носки с полосками, но белые носки и спортивная обувь — это уже слишком. Все вокруг будут над ним потешаться.

Он мог надеть ботинки с острыми носами, в последний раз, — человек считается невиновным, пока его вина не доказана, — но он отказался. Никто не понял почему. Все решили, что это очередная эксцентричная выходка: кеды с костюмом за семьсот долларов. Никто не догадался...

«Сосредоточься».

Все встали, Черная Мантия уставилась на него, адвокат дергал за рукав. А еще там был Реймонд Шолти.

— Поднимайся, — наклонившись над ним, рявкнул он.

Шолти был помощником шерифа, тучным надзирателем в плохо сидящей серой форме.

— Сколько? — спросил Беккер у адвоката, подняв голову и пытаясь внятно выговаривать слова, хотя язык у него во рту распух.

— Тсс...

— ...подождать, но, если вы оставите номера своих телефонов моему секретарю, мы с вами свяжемся, как только присяжные сообщат... — говорила судья, обращаясь к ним.

Адвокат кивнул, глядя прямо перед собой. Он не смотрел в глаза подзащитному. У Беккера не было ни единого шанса. В глубине души адвокат не хотел, чтобы ему такой шанс представился. Беккер был безумен, и его требовалось посадить в тюрьму. Пожизненно плюс несколько дополнительных дней.

— Сколько? — снова спросил Беккер.

Судья ушла в свой кабинет. «С ней я бы тоже хотел разобраться».

— Не могу сказать. Им придется рассматривать каждый эпизод в отдельности, — ответил адвокат.

Он был назначен судом и нуждался в деньгах.

— За вами придут.

«Ясное дело».

— Пошли, — велел Шолти.

Он взял подсудимого за локоть, нажав пальцами на болевую точку — старый трюк конвоиров, чтобы обеспечить подчинение арестованного. Резкая вспышка боли, словно сильный удар, заставила Беккера полностью прийти в себя.

Он окинул взглядом комнату, чувствуя, что погружается в ледяное спокойствие. Хаос, в котором он находился постоянно, отступил, сжавшись в тугий комок и спрятавшись в дальнем уголке сознания, дикие мысли метались, будто крысы в клетке. И он жалобно, точно маленький ребенок, пролепетал:

— Мне нужно сходить...

— Ладно, — кивнул помощник шерифа.

Рэй Шолти был хорошим человеком. Он проработал в суде двадцать лет, и этот опыт смягчил его, научил видеть людей даже в самых закоренелых преступниках. А Беккер был худшим из всех.

Тем не менее он был человеческим существом — так считал Шолти. «Пусть бросит камень тот, кто сам без греха...» Беккер ступил на путь зла, но все равно оставался человеком.

Жалобным голосом, быстро выговаривая слова, Беккер рассказал ему про свой геморрой. «Тюремная пища мне вредит, — прохныкал он. — Сыр, хлеб и макароны. Недостаточно грубой еды. Мне нужно...»

Он всегда ходил в туалет в полдень, все три недели, пока продолжался процесс. Рэй Шолти ему сочувствовал: он сам страдал от геморроя. Помощник шерифа взял Беккера за руку и провел мимо опустевших мест присяжных. Подсудимый с ничего не выражающими глазами тащился за ним, словно ребенок, еще неуверенно стоящий на ногах. Около двери Шолти развернул его — послушного, тихого, явно улетевшего в другой мир — и надел наручники, а потом ножные кандалы. Другой помощник шерифа наблюдал за ними, а когда Беккер был надежно скован, зашагал по коридору, раздумывая о ланче.

— Нужно сходить, — повторил Беккер и посмотрел на Рэя Шолти.

— Хорошо, хорошо, — ответил помощник шерифа.

На его галстук остались следы от супа, на плечах лежали хлопья перхоти. «Какой олух», — подумал Беккер. Шолти вывел его из зала суда, Беккер тащился за ним тюремной походкой, с трудом переставляя ноги, поскольку мог делать шаги длиной лишь в тридцать дюймов. Узкий коридор вел к внутренней лестнице, а оттуда в камеру. Слева находился служебный мужской туалет с раковиной, одной кабинкой и писсуаром.

Помощник шерифа прошел за Беккером внутрь.

— Ну вот ты и здесь.

В его голосе прозвучало предупреждение. Рэй Шолти был слишком старым, чтобы драться.

— Да, — проговорил Беккер, вращая светло-голубыми глазами.

За блуждающим взглядом пряталась четкая работа мысли, адреналин возбуждал мозг, точно доза чистейшего амфетамина. Беккер повернулся и протянул руки к Шолти. Тот

вставил ключ и расстегнул наручники: конвоир нарушал правила, но человек не в состоянии потерпеть со скованными руками. Кроме того, куда Беккер мог деться, находясь на одном из верхних этажей правительственного здания, да еще в ножных кандалах? Убежать ему не удастся. А его лицо с всклокоченной бородой является самым узнаваемым в Городах-близнецах, по крайней мере сейчас.

Беккер шаркающей походкой вошел в кабинку, спустил брюки и сел на унитаз. Перед глазами у него прояснилось, он все прекрасно видел и был сосредоточен. В тюрьме пользовались одноразовыми бритвами фирмы «Бик». Он отломал ручку от станка, оставив только головку и небольшой кончик, которые легко спрятать во время обыска. Когда у него появилась возможность, он обжег края на спичке, закруглив их, чтобы бритву было удобнее держать. Сегодня утром он прикрепил ее пластырем под мошонкой. Сейчас он сорвал лезвие с тела, снял остатки пластыря и принялся подрезать бороду.

Он отрастил ее, чтобы скрыть изуродованное шрамами лицо. Беккер, когда-то невероятно красивый мужчина, обладатель классического нордического лица — бледного, безупречного овала с розовыми губами, — был избит до такого состояния, что превратился в мерзкого гнома. Его лицо было разорвано на куски, весьма неаккуратно собранные вместе врачами. «Дэвенпорт. Нужно добраться до Дэвенпорта». Беккер погрузился в приятные размышления о том, как распоросует полицейского, ножом сдерет кожу с его лица, дюйм за дюймом...

Он отбросил эти мысли. Фантазии — для тех, кто сидит в камере. Беккер заставил себя прогнать образ Дэвенпорта и продолжал бриться, быстро, криво, царапая сухую кожу. Он почувствовал боль и застонал, и Шолти, стоящий за дверью, поморщился.

— Ну, скоро ты там? — крикнул помощник шерифа.

В туалете пахло аммиаком, хлоркой, мочой и мокрой шваброй.

— Да, Рэй.

Беккер убрал бритву в карман куртки и принялся за держатель для туалетной бумаги, крепившийся четырьмя винтами. Он выкрутил и спустил в унитаз два из них во время первых трех дней суда и раскачал два оставшихся. Накануне он даже вытащил их, чтобы убедиться, что сможет воспользоваться держателем. У него все получилось. Теперь он вынул шурупы, бросил в унитаз и снял держатель со стены, ухватив его за перекладину. Тот подошел к его руке, точно стальная боксерская перчатка.

— Я готов, Рэй.

Беккер встал, натянул брюки, снял куртку, набросил ее на железный кулак и спустил воду в унитазе. Затем сделал глубокий вдох, наклонил голову, словно рассматривал молнию на штанах, открыл дверь и, медленно переставляя ноги, вышел наружу.

Шолти ждал его с наручниками, щекастый, веснушчатый, туповатый.

— Повернись...

Увидев лицо Беккера, он понял, что оно изменилось.

— Эй...

Беккер стоял вполоборота, приготовившись к атаке. Он бросил куртку на пол, правая рука взлетела, точно кнут. Белые зубы сверкнули в свете флуоресцентных ламп. Шолти отшатнулся и попытался прикрыть голову рукой. Он опоздал. Стальной кастет ударил его над ухом, и помощник шерифа упал, разбив голову о край фарфоровой раковины.

Беккер схватил его, поднял стальной кулак и обрушил его на голову Шолти, снова ударил, почувствовал, что череп раскололся и брызнула кровь.

«Бей, бей, бей, бей!»

В мозгу Беккера вспыхивали электрические разряды. Он сражался с ними, пытаясь подчинить себе, но это было непросто — запах свежей крови дурманил его. Наконец он опустил правую руку и обнаружил, что левой сжимает горло помощника шерифа. Беккер отпустил его и приподнялся, еще не до конца контролируя свои действия.

— Тсс. Тсс, — произнес он вслух, прижав палец к губам и успокаивая самого себя.

Затем он выпрямился. Кровь бежала по его венам, точно горный поток, наполняла его, как полноводная река. Что теперь? Дверь. Он проковылял к двери, сдвинул защелку. Заперто. Хорошо. После этого он вернулся к Шолти, расплостертому на полу. Кровь пузырилась, вытекая из сломанного носа. Беккер видел, как помощник шерифа возился с ключами, и знал, что они лежат в правом кармане. Он нашел их, открыл замки на ножных кандалах. Свободен. Свободен!!!

Стоп. Беккер заставил себя вернуться назад и посмотрел в зеркало. Лицо представляло собой настоящий кошмар. Он достал бритву из кармана куртки, намочил щеки, намыллил жидким мылом и провел по ним бритвой. Прислушался к Шолти — тот дышал, потом издал булькающий звук. Голова помощника шерифа лежала в луже крови, и Беккер чувствовал ее запах.

Он выбросил бритву в мусорную корзину, наклонился, подхватил Шолти под мышки, затащил в кабинку и прислонил к стене. Помощник шерифа захрипел, и из его носа снова потекла кровь. Беккер не обратил на это внимания. У него было мало времени.

Он снял штаны, надел бейсболку «Сокс» и брюками вытер с пола кровь. Закончив с этим, он набросил костюм, рубашку и галстук на тело Шолти. Взглянул на себя в зеркало: зеленая майка, красные трусы, спортивные туфли, бейсболка. Бегун. Лицо выглядело не лучшим образом, но никто не видел Беккера вблизи без бороды вот уже несколько недель. Кое-кто из копов узнал бы его, да еще несколько юристов. Но если повезет, никто не станет слишком внимательно смотреть на человека, вышедшего пробежаться.

Дэвенпорт. Мысль о нем заставила Беккера остановиться. Если полицейский пришел на вынесение приговора, это конец.

Но тут ничего не поделаешь. Беккер отбросил эту мысль и сделал глубокий вдох. Готов. Он вошел в кабинку, где находился Шолти, запер ее, лег на спину, прополз под дверью и снова поднялся на ноги.

— Твою мать! — громко сказал Беккер, научившийся в тюрьме этому стандартному ругательству на все случаи жизни.

Затем он снова лег на пол, заполз обратно в кабинку и принялся искать бумажник Шолти. Нашел его, заглянул внутрь и обнаружил двенадцать долларов. А еще кредитную карту «Visa». Плохо. Деньги могут оказаться проблемой... Он засунул портмоне в трусы и, подойдя к двери, прислушался.

Беккер слышал, как дышал помощник шерифа, время от времени издавая булькающие звуки. Он хотел вернуться и задушить его ремнем, чтобы отплатить за унижения прошедших недель, за страдания, которые он перенес, когда у него отобрали лекарства... Но на это не было времени. Нужно уходить.

Он оставил Шолти жизнь, повернул ручку замка и выглянул во внутренний коридор. Никого. Беккер приблизился к следующей двери — за ней оказался холл, в котором находилось человек пять-шесть. Все стояли в противоположном конце, около лифтов, и о чем-то разговаривали. Ему не придется проходить мимо них. Лестница была с другой

стороны: он видел табличку «Выход» сразу за пожарным шлангом.

Еще один вдох. Вперед! Беккер шагнул в коридор, низко опустив голову. Обычный служащий, который решил выйти на пробежку во время ланча. Он с уверенным видом направился по коридору к лестнице, все больше удаляясь от лифтов, ожидая услышать за спиной окрик, топот бегущих ног, увидеть указывающие на него пальцы.

И вот он уже на лестнице. Ею никто не пользовался — слишком высоко...

Он помчался по ступенькам, считая этажи. Когда миновал шестой, где-то внизу хлопнула дверь и он услышал, что кто-то спускается по лестнице впереди него.

Беккер замедлил шаг, потом услышал, как открылась и захлопнулась еще одна дверь, и снова двинулся быстрее.

Внизу он остановился и выглянул наружу. В вестибюле толпились десятки людей. Это был второй этаж, ему требовалось спуститься еще на один. Он быстро преодолел лестничный марш и обнаружил простую стальную дверь без таблички. Беглец толкнул ее и оказался на площади. Ярко светило летнее солнце, ветерок приносил запахи попкорна и голубей. На скамейке сидела женщина с ребенком и резала яблоко перочинным ножом, а малыш ждал, когда она даст ему дольку.

Опустив голову, Беккер миновал их — еще один полоумный, который предпочитает спорт вместо ланча. Он пробирается между людьми; он бежит, высоко поднимая колени, его лицо блестит от пота в лучах жаркого солнца.

Беккер понесся, как безумный.

Глава 2

Лукас мчался по асфальтированным проселочным дорогам Висконсина, вцепившись одной рукой в руль, другой — в рычаг переключения скоростей и лихорадочно нажимая на педали. Солнце отражалось от запыленного ветрового стекла его «порше». По мосту Сен-Круа около Тейлорс-Фоллс, ведущему в Миннесоту, он проехал медленно, но, убедившись в отсутствии полицейских, снова нажал на акселератор и полетел в сторону солнца и Городов-близнецов.

Он выехал на 36-ю автостраду к западу от Стиллуотера. В полдень движение было вялым и машины встречались редко. Пикапы и фургоны проносились мимо выпасов для коров, мимо сараев и заболоченных участков, заросших тимофеевкой. В восьми милях к востоку от 694-й автомагистрали Лукас задел дверцу красного «форда таурус SHO». Дорога была пустой, если не считать встречающихся время от времени ворон, которые пиروвали на останках животных, попавших под колеса.

Лукас опустил глаза и посмотрел на спидометр. Сто семь миль.

«Что, черт тебя подери, ты вытворяешь?»

Он и сам не вполне понимал это. Накануне, когда уже спускался вечер, он выскочил из своего домика у озера и проехал восемьдесят миль на север, в Дулут, сказав себе, что хочет купить книги: в том захолустье в Висконсине, где он жил, приличных книжных магазинов не было. Он и в самом деле купил книги, но в восемь часов вечера обнаружил, что сидит в баре гостиницы «Ви-Блю» и пьет пиво. Лукас был в темно-голубой рубашке, какие носят с вечерним костюмом, в шелковом пиджаке, слаксах цвета хаки, коричневых мокасинах и без носков. Безработный матрос с рудовоза был явно возмущен его голыми ногами, и на одно счастливое мгновение, пока не появился бармен, Дэвенпорту показалось, что парень к нему привяжется.

«Мне необходимо с кем-нибудь подраться», — подумал он. Но ему совсем не нужно было то, что последует потом, — полицейские. Лукас вернулся в свой домик с купленными книжками, на следующий день попытался порыбачить, потом сдался и отправился в Города-близнецы, выжимая из машины всю скорость, на какую она была способна.

Через несколько миль после встречи со злосчастным красным «фордом» Лукас проехал мимо первых жителей пригородов, возвращающихся домой с работы из центра города. Покопавшись в бардачке, он нашел радар-детектор, прикрепил к защитному козырьку и вставил шнур в прикуриватель, продолжая гнать «порше» по разбитому асфальту. Он еще сильнее нажал на педаль акселератора и включил приемник, станцию «Города-97». «Little fit» играли зажигательный буги «Shake Me Up» — отличное музыкальное сопровождение серьезному превышению дозволенной скорости.

Промелькнула магистральная эстакада, и движение стало плотнее. Сто восемнадцать миль. Сто девятнадцать. Неожиданно впереди появился стоп-сигнал, о котором Лукас забыл; голубой седан сворачивал направо, пока не включился красный свет. Дэвенпорт сманеврировал, обогнал седан, потом микроавтобус, на короткую долю секунды выхватив взглядом удивленное и испуганное лицо светловолосой женщины средних лет, у которой была полная машина светловолосых детей.

Это искаженное страхом лицо еще какое-то время стояло у него перед глазами. Лукас вздохнул, немного отпустил педаль газа и покатил по инерции. Снизил скорость до ста,

потом до девяноста, до восьмидесяти. Проехал через северный пригород Сент-Пола к выезду на 280-е шоссе. Когда он работал в полиции, то частенько сбегал на озеро. Теперь, после отставки, свободное время опутывало его, точно бесконечная бумажная лента, и тишина, царящая там, стала нравиться ему гораздо меньше...

День выдался теплым, солнце пятнало дорогу, играя с тенями туч на стеклянных башнях Миннеаполиса на западе. И тут появился патрульный автомобиль.

Лукас заметил его в зеркале заднего вида, когда тот выезжал с Бродвея. Никакой sireны. Он снова взглянул на спидометр. Шестьдесят миль в час. Пределом было пятьдесят пять, значит, шестьдесят — это нормально. Впрочем, копы часто привязывались к владельцам «порше». Он еще немного сбросил скорость. Полицейская машина приближалась и вскоре оказалась прямо за его бампером. В зеркало Лукас увидел, что коп разговаривает по рации: видимо, сверяет номера. Затем загорелись огни на крыше и включилась сирена.

Лукас застонал и съехал на обочину. Патрульный следовал за ним на расстоянии пятнадцати футов. Знакомый парень: когда-то он служил в юго-западном отделе, а сейчас работает в Сент-Поле. И нередко заходит в продуктовый магазин неподалеку от дома Лукаса. Как же его зовут? Лукас принялся копать в памяти. Келли... Ларсен? Полицейский вылез из машины. Суровое лицо, темные очки, в руках ничего нет. Значит, штрафа не будет. Кроме того, он не шел, а бежал к «порше»...

Лукас перевел рычаг переключения скоростей в нейтральное положение, нажал на тормоза, открыл дверь и развернулся на сиденье, опустив ноги на асфальт.

— Дэвенпорт, проклятье, я так и подумал, что это твоя развалюха, — сказал Ларсен, стукнув кулаком по крыше «порше». — Все сбились с ног в поисках тебя.

— В чем дело?

— Чертов Беккер сбежал из правительственного центра. Пока что он напал на двоих людей.

— Что?!

Лукас Дэвенпорт был в рубашке цвета хаки с коротким рукавом, джинсах и кроссовках. На его загорелом дочерна лице резко выделялся неровный белый шрам, рассекающий бровь. Прилив адреналина чуть не заставил Лукаса задохнуться.

— Два твоих приятеля устроили засаду у тебя дома. Они думают, что он может явиться за тобой, — сказал Ларсен.

Этот высокий полицейский постоянно подтягивал ремень форменных брюк и оглядывался по сторонам, как будто опасался, что Беккер выскочит из придорожной канавы.

— Пожалуй, я поеду туда, — решил Дэвенпорт.

— Валяй.

Ларсен снова стукнул кулаком по крыше автомобиля.

Выехав обратно на шоссе, Лукас взял трубку автомобильного телефона и набрал прямой номер департамента полиции Миннеаполиса. Он почувствовал смутное довольство собой. Ему не нужен был этот телефон, и он редко им пользовался. Лукас установил его через неделю после того, как купил «ролекс» из золота и стали, красующийся теперь на его запястье, — два бесполезных символа свободы от службы в полиции. Признаки того, о чем предположительно мечтает каждый коп, — жить собственной жизнью и добиться успеха. В настоящий момент его бизнес поворачивал в новом направлении, игры уступили место компьютерным симуляциям полицейских тактических задач. «Игры и симуляции

Дэвенпорта». Учитывая, как возросли продажи, ему, возможно, придется снять офис.

— Миннеаполис, — ответила диспетчер.

— Соедините меня с Хармоном Андерсоном.

— Это ты, Лукас? — спросила диспетчер, Мелисса Желтый Медведь.

— Ага.

Он ухмыльнулся: еще не все его забыли.

— Хармон ждет твоего звонка. Ты дома?

— Нет, в машине.

— Ты слышал о том, что случилось? — затаив дыхание, спросила Мелисса.

— Да.

— Будь осторожен, милый. Я тебя переключу...

Через минуту Андерсон взял трубку и без лишних слов сразу перешел к сути:

— Дел и Слоун сейчас у тебя дома. Слоун взял ключ у твоего соседа, но они зря теряют там время. Он уже не придет. Прошло три часа.

— А как насчет квартиры Дела? Они с Беккером в каком-то смысле родственники.

— Мы отправили и туда пару ребят, но он где-то прячется. Так быстро он не высунет нос.

— Как ему удалось...

— Поезжай домой, Слоун тебе все расскажет, — перебил его Андерсон. — Я спешу. У нас тут настоящий дурдом.

И он повесил трубку. Ясное дело: «Нужно выполнять полицейскую работу, для гражданских нет времени». Лукас съехал с Университетской авеню, добрался до Вандалии, пересек I-94 и покатил по Критин-авеню и окутанной тенями деревьев дороге, бегущей вдоль реки. «Для Дэвенпорта нет времени».

Он жалел себя и знал это.

За два квартала от своего дома он поехал медленнее, внимательно глядя по сторонам, и остановился перед поворотом. В районе, где он жил, скрыться было сложно, разве что внутри домов. Открытые дворы, засаженные деревьями, полыхали самыми разными красками: дикие яблони с розовыми цветами, длинные ряды тюльпанов, клумбы с ирисами, розовыми пионами и ослепительно-желтыми нарциссами и — совершенно неожиданно — пятачок белоголовых одуванчиков, каким-то чудом не попавших под струи водораспылителей. День стоял теплый, и люди работали на лужайках или на крышах домов. Двое ребятшек в шортах бросали мячи в корзины, закрепленные на стенах гаражей.

Беккер не мог спрятаться в одном из этих открытых дворов, а забраться в дом очень непросто — слишком много людей вокруг. Лукас завернул за угол и медленно поехал к своему коттеджу.

Женщина из агентства недвижимости охарактеризовала его как «приятный загородный дом»: камень и деревянная обшивка, камин, большие деревья, гараж на две машины. В конце заасфальтированной подъездной дорожки Лукас притормозил, нажал на кнопку, открывающую гараж, и стал ждать, когда дверь поднимется до конца. В гостиной шевельнулась занавеска.

Въехав в гараж, Лукас обнаружил Слоуна, который стоял, засунув руки в карманы, около двери, ведущей в дом. Слоун был худощавым, с высокими скулами и глубоко посаженными глазами. В тот момент, когда хозяин дома выбрался из машины, за спиной Слоуна появился Дел, из-за пояса у него торчала рукоять девятимиллиметрового компактного пистолета. Этот

детектив был старше, и его лицо напоминало наждак — результат многолетней работы на улице.

— Что вообще произошло? — спросил Лукас, как только дверь гаража опустилась.

— Старый помощник шерифа снял с него наручники, чтобы он мог оправиться, — ответил Слоун. — Беккер всем говорил, что у него геморрой, и всегда ходил в туалет во время дневного перерыва.

— Приучал их, — сказал Дэвенпорт.

— Похоже на то, — кивнул Дел.

— Так вот, присяжные ушли, и конвоир повел его в уборную, перед тем как отправить в камеру, — продолжал Слоун. — В кабинке Беккер отвинтил от стены стальной держатель для бумаги. Вышел наружу и отделал старика.

— Он умер?

— Пока нет, но у него вытекают мозги. Скорее всего, он останется парализованным.

— Я слышал, что Беккер напал на двоих?

— Да, на второго позже, — ответил Дел и принялся объяснять, что случилось.

Свидетели у зала заседаний суда видели, как Беккер уходил, но только позже догадались, что это был он. Другие заметили, как он пересек площадь перед зданием, миновал тех, кто любит перекусить на улице, потом распугал голубей и помчался дальше прямо в трусах.

— Судя по свидетельствам, он пробежал примерно десять кварталов до склада-магазина, взял там стальной арматурный стержень и напал на клерка, который работал внутри в диспетчерской. Забрал одежду и бумажник. Там мы его потеряли.

— А как тот парень?

— В тяжелом состоянии.

— Меня удивляет, что Беккер его не убил.

— Сомневаюсь, что у него было время, — проговорил Дел. — Он спешил, как будто направлялся в определенное место. Вот почему мы приехали сюда. Но чем больше я об этом думаю, тем сильнее сомневаюсь, что мы поступили правильно. Беккер смертельно тебя боится. Не думаю, что он сунется к тебе.

— Он псих, — сказал Дэвенпорт. — Так что вполне может сунуться.

— Как бы там ни было, у тебя есть разрешение на ношение оружия? — спросил Слоун.

— Нет.

— Нужно будет это организовать, если мы не поймаем Беккера.

Они его не поймали.

Следующие сорок восемь часов Лукас провел, встречаясь со своими старыми информаторами, но никто не был расположен с ним разговаривать. Впрочем, с копами тоже. Все оказались очень заняты.

Лукас достал из сейфа в подвале «кольт гоулд кап» сорок пятого калибра, почистил, зарядил и спрятал под кроватью, положив на книгу. Днем он возил его с собой в «порше» и испытывал удовольствие от тяжести в кармане и запаха чистящего средства, от которого потом болела голова. Он проторчал целый час в гравийном карьере в Висконсине, расстреляв две коробки безоболочечных экспансивных пуль в ростовую мишень.

Через два дня после того, как Беккер сбежал из суда, соседи нашли тело Кэтрин Маккейн. Она занималась продажей антиквариата и была подругой жены Беккера. Беккеры

побывали у нее на вечеринке примерно за шесть или восемь недель до того, как была убита Стефани. Беккер хорошо знал ее дом и то, что она жила одна. Он подждал ее возвращения домой и убил ее молотком. Прежде чем уехать в ее машине, он ножом вырезал ей глаза, чтобы ее призрак не подсматривал за ним из другого мира.

А потом он исчез.

В конце концов автомобиль Маккейн нашли на стоянке аэропорта в Кливленде. К тому моменту Беккера давно и след простыл. В тот день, когда обнаружили машину, Лукас убрал пистолет обратно в сейф. Он так и не получил разрешения на ношение оружия. Слоун забыл об этом, а потом это стало ненужным.

Лукас временно перестал встречаться с женщинами и неожиданно понял, что ему трудно сосредоточиться на мысли о свидании. Он пытался рыбачить, целую неделю ежедневно играл в гольф. Не помогло. С некоторым изумлением он осознал, что его жизнь похожа на его же холодильник, в котором лежали упаковка из шести бутылок светлого пива, три банки кока-колы без кофеина и медленно переходящая в стадию окаменелости банка горчицы.

Ночью, не в силах заснуть, он не мог выбросить Беккера из головы. Не мог забыть чувство погони, ощущения, испытанные, когда он подбирался к убийце, загонял его в угол...

Лукасу не хватало этого. Нет, он не скучал по департаменту полиции с его совещаниями и грубой политикой. Ему не доставало охоты. И напряжения.

Слоун дважды звонил из Миннеаполиса, сказал, что, похоже, Беккер куда-то убрался. Один раз позвонил Дел, предложил как-нибудь выпить пивка.

Лукас согласился: «Конечно».

И стал ждать.

Беккер был настоящим подонком.

Дэвенпорт знал, что он обязательно появится.

Луис Кортес умирал.

Ослепительно-яркий свет падал на его восковое лицо и кровь на щеках, подчеркивая желтизну глаз. Губы мужчины были искривлены, словно у бесенка на средневековой картине.

Беккер наблюдал. Нажал кнопку, услышал, как щелкнул затвор камеры. Он чувствовал, как смерть опускалась на тех, кто находился в его маленькой комнате, пока под ярким светом ламп жизнь Луиса Кортеса утекала в пластиковый кувшин.

Мозг Беккера походил на калькулятор, на пустой сосуд, на клубок энергии, на процессор компьютера и на опытного специалиста по анатомии. Но никогда больше одной ипостаси одновременно.

Три месяца, проведенных в заключении, изменили его навсегда. Надзиратели отобрали у него наркотики, сожгли мозг и навечно разрушили электрохимические связи, удерживающие его сознание.

В тюрьме, когда он лежал в своей камере, планируя будущее, ему представлялось, что его мозг похож на старомодный автомат по продаже жевательной резинки «Лайонс клуб». Если бросить туда пенни, получишь шарик, но никогда не знаешь заранее, какого он будет цвета.

Воспоминание о Рэе Шолти и побеге было неповторимого оттенка, обладало его любимым вкусом, с громким грохотом катилось вниз по крутым горкам психики. Когда оно приходило к Беккеру, то, подобно широкоформатному фильму с оглушительным стереозвуком, заставляло его замирать на месте, где бы он ни находился. Он снова был там, нанося Рэю Шолти удары стальным кулаком...

Беккер вернулся в реальность.

Он сидел на стальном хромированном стуле и наблюдал за предсмертными судорогами Кортеса, переводя глаза с экранов мониторов на лицо умирающего. В шею мужчины была вставлена прозрачная пластиковая трубка, она выкачивала кровь из сонной артерии в огромный кувшин для воды, стоящий на полу. Кровь была малинового цвета, как вареная свекла, и ноздри Беккера подергивались от ее запаха. ЭКГ показывала учащенный ритм биения сердца Кортеса, и Беккер не мог сдержать дрожь. Сознание Кортеса покидало тело, расширялось, соединялось с... с чем оно соединялось?

Что ж, возможно, ни с чем.

Кто знает, может быть, сущность Кортеса — это всего лишь пузырек, плывущий к поверхности космического стакана с содовой; расширяясь, пузырек лопнет, и все закончится. От этой мысли брови Беккера невольно поползли вверх и задержались, и он прижал ко лбу руку, чтобы их успокоить.

За гранью должно что-то быть. Неужели он тоже может просто взять и погаснуть?.. Нет. Это немыслимо.

Кортес рванулся, удерживающие его нейлоновые ремни натянулись под напором конвульсий, охвативших тело, голова подалась вперед, глаза вытаращились. Воздух с хриплым бульканьем вышел из легких, словно мужчина чем-то подавился. Он смотрел в

пустоту, но ничего не видел. Он был уже за чертой...

Прибор, фиксирующий давление, издал сигнал тревоги, то же самое сделал электрокардиограф, и два пронзительных звука слились в один. Продолжая прижимать левую руку ко лбу, чтобы удержать на месте непослушные брови, Беккер повернулся к мониторам. Сердце Кортеса остановилось, кровяное давление быстро снижалось до нуля. Беккер почувствовал, как его собственные мышцы спины и ягодиц напряглись от предвкушения.

Он посмотрел на дисплей электрокардиографа, затем на монитор, который отмечал состояние головного мозга. Всего несколько секунд назад на нем была изображена ломаная линия, а теперь она начала выравниваться, выравниваться...

Беккер знал, что Кортес умирает, осознавал, что уходит его сущность. Он не мог ее оценить или измерить — пока не мог, — но чувствовал ее. Он купался в этом ощущении, цеплялся за него. Беккер сделал полдюжины снимков, слыша в голове жужжание незримого моторчика. Наконец магическое нечто ускользнуло, и Беккер вскочил на ноги, отчаянно пытаясь его удержать. Он наклонился над Кортесом так низко, что его глаза оказались всего в четырех дюймах от лица несчастного. Смерть и глаза обладали какой-то тайной...

А потом испытуемый умер, ушел за пределы досягаемости. Его тело, оболочка личности, обмякло в руках Беккера.

Это мгновение обладало такой силой, что Беккера развернуло на месте. Тяжело дыша, он посмотрел на свое отражение в блестящем шкафу из нержавеющей стали. Он видел себя в нем десятки раз в день, когда работал: грубое лицо, грешное лицо, полосы красной плоти в тех местах, где кожу разорвало дуло пистолета.

— Ушел, — проговорил он тихим, тонким голосом.

Но не совсем. Беккер почувствовал спиной какое-то давление, его позвоночник напрягся, и он ощутил укол страха. Он повернулся и увидел, что на него смотрят глаза мертвеца. Они, разумеется, были открыты. Беккер аккуратно отрезал веки, чтобы они такими и оставались.

— Не делай этого, — резко проговорил он.

Кортес молчал, но его взгляд следил за Беккером.

— Не делай этого, — повторил Беккер громче, и у него прервался голос.

Кортес наблюдал за ним.

Беккер схватил со стального подноса скальпель, подошел к краю стола, наклонился над телом и вонзил инструмент в глаза. Он был профессионалом: на операцию у него ушла всего секунда. Он вырезал глаза, точно вареные яйца, и стекловидная жидкость потекла по щекам трупа, будто слезы, превратившиеся в желе.

— Прощай, — мечтательно произнес Беккер.

Вырезанные глаза больше ему не угрожали. Шарик жевательной резинки вывалился из автомата, и Беккер улетел...

Толстый остановился около обочины, раскачиваясь на пятках и терпеливо дожидаясь, когда переключится светофор. Он швырнул на проезжую часть окурков, и тот взорвался каскадом искр. Мимо сплошным потоком проносились машины, потрепанные «тойоты» и дребезжащие «форды», «доджи» с погнутыми бамперами, пикапы и фургоны, закрывавшие собой все, что находилось за ними. Грузовики, разрисованные граффити, и автобусы катили по улице, окутанные смрадными дизельными парами. Они мчались мимо, точно стая

лососей из железа, идущая на нерест вверх по реке. Тут и там такси — желтые пятна в транспортном потоке — пытались отыскать подходящее местечко, сообщая о своих маневрах короткими гудками. В Нью-Йорке царил шум: под землей громыхали поезда метро и паровые трубы, на улице, раздавался грохот различных моторов, механизмов и неисправных глушителей, миллионы людей разговаривали одновременно, а громче всего было жужжание бесчисленного числа кондиционеров.

И все это сплавлено жарой.

— Слишком жарко, — сказал Толстый.

Так оно и было; он чувствовал жар на шее, под мышками, под подошвами ботинок. Он взглянул на Тощего, остановившегося у обочины рядом с ним. Тот кивнул, но ничего не ответил. Они были в рубашках с длинными рукавами, опущенными до самых запястий. Тощий представлял собой проблему, и Толстый не знал, что с ним делать. «На самом деле, — печально подумал он, — я не знаю этого вот уже почти сорок лет».

Включился зеленый сигнал, и они с Тощим перешли на другую сторону улицы. На углу стоял столб с дорожными знаками, загаженный голубями и покрытый коркой грязи, которая копилась десятилетиями. В нижней части, там, куда можно было дотянуться, столб облепили выцветающие объявления. Над ними под прямым углом друг к другу находились два знака: автобусная остановка, обращенная к улице, и временный объезд со стрелкой, указывающей налево. Выше располагались две перекладины, на одной висел светофор, а на второй — уличный фонарь.

«Их бы следовало отправить в какой-нибудь музей. В качестве дурацких тотемных столбов», — подумал Толстый.

— Дайте доллар... — обратилась к нему женщина, сидящая на тротуаре.

Она держала в руке грязную табличку с надписью: «Помогите мне накормить детей». Толстый прошел мимо, подумав, что у такой просто не может быть детей. Ей было, наверное, за сорок. Сморщенная, точно пролежавшая неделю морковка, она сидела, подобрав под себя тощие ноги с босыми ступнями, покрытыми гноящимися язвами. Глаза подернуты тускло-белой пленкой, не катарактой, но чем-то подобным. У нее совсем не осталось зубов, только дыры в серых деснах, словно пустые места в початке кукурузы, из которого выпали зерна.

— Я как-то читал книгу о Шанхае, как там было до Второй мировой войны, — сказал Толстый, когда они прошли мимо.

Тощий смотрел прямо перед собой и молчал.

— Тогда попрошайничество считалось профессией, представляешь? Но для того чтобы получать подаяние, нужно было быть особенным. Поэтому они брали детей и выжигали им глаза или разбивали руки и ноги молотками, чтобы они вызывали жалость и им подавали в городе, переполненном нищими.

Тощий посмотрел на него, но ничего не сказал.

— Вот и мы к этому идем, — продолжил Толстый, оглянувшись на женщину на углу. — Кто станет давать деньги обычному нищему, если он каждый день проходит мимо такого?

Он повернулся вполборота, чтобы посмотреть на попрошайку.

— Доллар, — заныла она. — Всего один доллар...

Толстый никак не мог прогнать беспокойные мысли. Ему не давали покоя слова Тощего о том, что он больше так не может. Толстый взглянул на своего партнера. Глаза у Тощего были злыми, и он смотрел прямо перед собой. Думал...

Толстый держал в руках большую плоскую коробку из картона. Не очень тяжелую, но неудобной формы, и он задержался, чтобы сунуть ее под мышку.

— Я был бы не против... — начал Толстый и замолчал.

Он поднял руку, чтобы почесать лицо, но это ему не удалось из-за того, что он был в тонких хирургических перчатках телесного цвета. Они продолжали путь, поспешно направляясь к дому на противоположной стороне от ресторана, где подавали стейки. Толстый держал в свободной руке ключ, которым и отпер дверь.

— Я не могу, — сказал Тощий.

— Мы должны. Господи, если мы этого не сделаем, мы все мертвецы!

— Послушай...

— Не на улице. Давай войдем внутрь.

Вестибюль и лестничная площадка за дверью были тускло освещены желтой лампочкой в шестьдесят ватт. Лестница находилась справа, и Толстый начал подниматься по ней. Тощий нерешительно оглянулся на улицу и неохотно последовал за напарником, потому что тот уже ушел вперед. На верхней площадке они на мгновение остановились и прислушались, затем подошли к ближней квартире и открыли дверь ключом. Единственным источником света было выходящее на улицу окно, занавешенное пожелтевшими шторами. Здесь пахло застоявшимся воздухом, старым молотым кофе и сухими растениями. Хозяева уехали на неделю в Рим, чтобы увидеть Папу. А потом, в июле, собирались отправиться в Святую землю. У них там расплавятся мозги, если они у них, конечно, вообще есть, что весьма сомнительно, раз они едут туда в июле.

— Послушай... — начал Тощий, закрыв дверь.

— Если ты не хочешь в этом участвовать, тогда что ты здесь делаешь?

— Ты нас в это втянул. Я не хочу, чтобы ты засветился.

— Господи... — Толстый покачал головой, осторожно прошел по темной комнате к окну и поднял штору. — Достань винтовку.

— Я не...

— Ладно, я сам все сделаю. Если ты так к этому относишься, уходи. Убирайся к чертовой матери, — сказал Толстый со злостью в голосе.

Он был старше Тощего на двадцать три года и два дня, его лицо избороздили шрамы и морщины, которыми одаривает улица. Он поднял коробку, которую принес с собой.

— Уходи.

Тощий колебался, не сводя с него глаз. Коробка была пяти футов в длину и трех в ширину и всего восьми дюймов в высоту. В ней могло лежать зеркало или даже картина, но на самом деле там находилась винтовка «Кольт AR-15» с пламегасителем, обоймой на двадцать патронов, оптическим и лазерным прицелами. Оружие, изначально полуавтоматическое, было переделано мастером из Провиденса таким образом, что теперь огонь можно было вести как в автоматическом, так и в одиночном режиме.

Толстый провел целый вечер в горах Адирондак, стреляя с края оврага по пластиковым бутылкам от молока. Галлоновые бутылки соответствовали зоне поражения на груди человека с любого угла. Толстый был очень хорошим стрелком и пользовался усиленными патронами, снаряженными вручную. Когда такая пуля попадала в цель, она буквально взрывалась.

Толстый разрезал бечевку перочинным ножом, снял несколько полос клейкой ленты, открыл коробку и достал оружие из пробковой упаковки. Новые оптические прицелы были

не такими хрупкими, как те, с которыми он вырос, но все равно рисковать не следовало, и он действовал аккуратно. Рядом с винтовкой лежала полная обойма. Каждый патрон был старательно протерт замшей, чтобы уничтожить отпечатки пальцев. Руками в резиновых перчатках Толстый вставил магазин на место.

— Подтащи диван! Быстрее!

— Нет! Он полицейский. Если бы он не был копом...

— Чушь!

Толстый подошел к окну, окинул взглядом пустынную улицу, затем сдвинул щеколду и осторожно поднял створку, пока она не оказалась полностью открытой. Затем он повернулся, посмотрел на Тощего и взял винтовку.

— Раньше у тебя таких проблем не было.

— Он ничего не сделал. Те, другие, были настоящим дерьмом. А это коп...

— Проклятый компьютерный таракан собирается посадить в тюрьму ребят, которые сделали то, что следовало сделать. Ты прекрасно знаешь, что будет, если нас упекут за решетку! Нам конец, вот что. Лично я сомневаюсь, что мне удастся продержаться там неделю. Если за мной придут, я суну пистолет в рот, потому что не собираюсь...

— Господи...

Толстый, стоявший довольно далеко от окна, посмотрел сквозь оптический прицел на ресторан, расположенный на противоположной стороне улицы. К стеклянной двери, сразу под названием и фирменным знаком ресторана, была прикреплена эмблема «Visa». При виде ее в голове у него всплыла песня из старого телевизионного шоу: «„Возьми ружье и в путь“ — вот визитная карточка мужчины».

Стрелок навел оптический прицел на эмблему «Visa» и прикоснулся пальцем к кнопке лазерного прицела. На эмблеме тут же появилась красная точка. У Толстого была большая голова с маленькими ушами, которые в полумраке напоминали сушеные абрикосы.

— Он хуже назойливой мухи.

— Он...

Тощий смотрел в сторону улицы, и Толстый проследил за его взглядом. Ресторанная дверь начала открываться.

— Не тот, — выпалил Тощий.

— Вижу...

Мужчина в белой тенниске и туфлях того же цвета стоял в дверях и ковырял в зубах зубочисткой. Тощий знал, что зубочистки имеют форму меча. Накануне вечером они сходили на разведку в ресторан, чтобы определиться со временем и местом. Человек, которого им предстояло убрать, всегда приходил сюда по пятницам, когда подавали фирменное блюдо — нью-йоркский стейк с запеченным в сметане картофелем и бочковое пиво. Мужчина в тенниске зашагал по улице.

— Чертов педик, — выругался Толстый, нажал на кнопку лазерного прицела, и на эмблеме «Visa» снова появилась красная точка.

Беккер вздохнул и отвернулся от тела Кортеса.

Его сознание походило на переплетенные спирали колючей проволоки, туго натянутые, острые, опасные. Он прикоснулся к нагрудному карману рубашки и обнаружил, что там пусто. Охваченный легким беспокойством, Беккер вышел из комнаты и направился к старому комоду, в котором хранил одежду. На его поверхности было разбросано примерно

полгорсти таблеток, и он расслабился. Этого достаточно. Он нетерпеливо схватил несколько штук и положил в рот все сразу, мгновение наслаждался горьковатым вкусом, а затем проглотил. Как хорошо, но как же мало... Он посмотрел на поверхность комода, где лежали таблетки. Хватит только на один день. Позже нужно будет об этом подумать.

Он вернулся в свою мастерскую, выключил мониторы, и зеленые экраны потемнели. Все равно смотреть не на что: просто горизонтальные линии и ничего больше. Беккер не обращал внимания на тело. Кортес был самым обычным мусором, который надо выбросить.

Но перед смертью... Новый шарик жевательной резинки вывалился из автомата, и Беккер замер около своего рабочего стола, чувствуя, как сознание ускользает от него.

Луис Кортес: темноволосый мужчина тридцати семи лет, рост — семьдесят один с половиной дюйм, вес — сто восемьдесят шесть фунтов. Все это было старательно отмечено в записной книжке Беккера. Кортес был выпускником инженерного факультета Университета имени Джона Пардью. До того как Беккер срезал его веки, когда подопытный еще пытался снискать его расположение, отталкивая от себя мысль о том, что умрет, он сказал Беккеру, что он Рыба по гороскопу. Беккер плохо представлял себе, что это означает, но его это не волновало.

Тело Кортеса лежало на столешнице из нержавеющей стали, которая стоила шестьсот пятьдесят долларов в магазине в Квинсе, торгующем оборудованием для ресторанов. Столешница, в свою очередь, была прикреплена к старому библиотечному столу из дерева. Беккеру пришлось отпилить ножки, чтобы достичь удобной для работы высоты. Над столом висели в ряд три люминесцентные лампы, заливая его холодным сиянием.

Поскольку его подопытные сначала были живыми, Беккер прикрепил к столу удерживающие кольца. Коричневый нейлоновый ремень был пропущен через кольцо сразу под правой подмышкой Кортеса, обхватывая по диагонали грудь между соском и плечом, проходил через другое кольцо под шеей, затем возвращался к левой подмышке. Он удерживал Кортеса на месте, как безупречно проведенный прием «нельсон». Дополнительные ремни пересекали тело на поясе и коленях и фиксировали запястья и лодыжки.

Одну из рук также удерживал пластырь: Беккер измерял кровяное давление при помощи катетера, введенного в лучевую артерию, поэтому запястье следовало полностью обездвижить. Челюсти Кортеса были широко раскрыты, зафиксированные в таком положении конусом из жесткой резины. Подопытный мог дышать носом, но не ртом. Его крики, когда он пытался кричать, слегка походили на мурлыканье.

По большей части он молчал, как будто онемел.

В голове стола Беккер установил оборудование, которое в магазине распродаж называлось «Домашний развлекательный центр». Оно приятно удивило его своими профессиональными качествами. Мониторы показывали температуру тела, кровяное давление, сердечные ритмы, деятельность мозга. Кроме того, у Беккера был прибор, измеряющий внутричерепное давление, но он его не использовал.

Комната тоже была прекрасно оборудована: Беккер целую неделю возился с ней, прежде чем остался доволен результатом. Он выскоблил все с помощью дезинфицирующих средств, выложил потолок звуконепроницаемой плиткой, а стены обшил ослепительно-белыми панелями фирмы «Формика». На пол он положил ярко-синий ковер. Затем принес необходимые приборы. Самым трудным оказалось достать мониторы. В конце концов ему удалось приобрести их у Уайтчерча, дилера, работающего в больнице Беллвью. За две

тысячи наличными Уайтчерч добыл их в ремонтной мастерской, сначала позаботившись о том, чтобы оборудование было исправным.

Вздых.

Один из мониторов пытался ему что-то сообщить.

Что именно? Как трудно сосредоточиться...

Температура тела двадцать восемь градусов.

«Двадцать восемь? Слишком низкая». Беккер посмотрел на часы. Семь минут десятого...

Он снова улетел.

Беккер с беспокойством потер затылок. Иногда он выпадал из реальности на целый час. У него сложилось впечатление, что этого не случилось в критические моменты, но все же он должен был узнать этот звук, звук своего возвращения. Он всегда глубоко вздыхал, когда возвращался из очередного полета.

Он подошел к магнитофонам, посмотрел на счетчики. Их показания слегка не совпадали. На одном значилось «504», на другом — «509». Беккер перемотал их до двухсот и стал слушать первый.

«Прямая стимуляция вызвала лишь слабую реакцию, сужение зрачка не больше чем на миллиметр...»

Его собственный голос, хриплый и возбужденный. Он выключил первый магнитофон, нажал на кнопку воспроизведения второго.

«...не больше чем на миллиметр, за которым сразу последовало испускание...»

Он выключил магнитофон. Оба прекрасно работали. Одинаковые «Сони», с батарейками на случай, если отключится электричество, лучше тех, какими он пользовался в университете в Миннесоте.

Беккер вздохнул, обратил на это внимание и бросил взгляд на часы, опасаясь, что снова выпал из реальности. Нет. Девять минут десятого. Нужно навести порядок, избавиться от тела Кортеса, обработать цветные слайды, сделанные «Полароидом». Кроме того, у него появились кое-какие идеи насчет получения материала для исследований, и их следовало записать. Так много всего нужно сделать! Но он не мог, по крайней мере прямо сейчас. «Пи-си-пи»^[1] еще не начал действовать, и Беккер чувствовал себя... спокойным. Эксперимент удался.

Глубокий вздох.

Беккер взглянул на часы и ощутил легкий укол страха. Девять двадцать пять. Он снова улетел, замерев на одном месте; колени затекли от неудобного положения. Это стало происходить слишком часто. Ему требовалось больше лекарств. Кокаин, который продают на улицах, хорош, но он недостаточно чистый.

Затем послышалось: дзинь!

Беккер повернул голову. Нарушивший его размышления звук доносился из угла его квартиры в подвале. Почти звонок, но не совсем. Вместо продолжительного сигнала он издавал короткое треньканье всякий раз, когда старуха нажимала на кнопку.

Дзинь!

Беккер нахмурился, подошел к интеркому, откашлялся и включил переговорное устройство.

— Миссис Лейси?

— У меня руки болят.

Пронзительный, резкий старушечий голос. Восемьдесят три года, проблемы со слухом, слепая на один глаз. Артрит, который донимает ее все сильнее.

— У меня так болят руки, — пожаловалась она.

— Я принесу таблетку... через несколько минут, — сказал Беккер. — Но у меня осталось только три штуки. Завтра мне снова придется выйти из дома.

— Сколько? — спросила она.

— Триста долларов.

— О господи...

Его слова захватили ее врасплох.

— Их стало очень трудно доставать, миссис Лейси, — объяснил Беккер.

Так было уже много десятилетий, и она это знала. В ее жизни морфий никогда не продавался легально на улицах города. Как, впрочем, и марихуана.

Через несколько дней после того, как он тут поселился и начал работать помощником по гостиной — так называла его старуха, потому что ей не требовалась помощь в ванной комнате, — он показал ей статью в «Уолл-стрит джорнал» о разорившихся банках. Она прочитала ее, едва сдерживая слезы. У нее имелась карточка социального обеспечения и сбережения — около трехсот семидесяти тысяч долларов, а еще ей принадлежал дом. Если банк прогорит...

Эдит Лейси видела старых бездомных женщин, которые проходили мимо, толкая перед собой магазинные тележки со своим драгоценным тряпьем. Она говорила, что знает их, но Беккер ей не верил. Она смотрела на улицу и сочиняла про них истории:

— Вот этой когда-то принадлежала бакалейная лавка на Гринвич...

Беккер предложил ей разделить свои наличные между тремя или четырьмя не связанными друг с другом банками, уверяя, что так вклады будут обеспечены в рамках Федеральной программы страхования вкладов.

— Наступили смутные времена, — сказал он ей своим вкрадчивым голосом.

Старуха поговорила об этом с единственной близкой подругой, Бриджит Ленд. Той не нравился Беккер, но она посчитала, что поместить деньги в разные места — хорошая идея, и вызвалась сходить туда вместе с ними.

— Чтобы убедиться, что все будет в порядке, — сказала она, невольно взглянув на Беккера. — Я имею в виду, в банках.

Они перевели деньги за один день. Две старухи страшно нервничали, оберегая банковские чеки, словно курицы цыплят. Эдит Лейси спрятала свой чек под блузку, а Бриджит Ленд положила свой в карман и застегнула его на пуговицу — «на всякий случай». Они столь напряженно следили за чеками, что не особенно обращали внимание на Беккера, когда он проверял заявление Эдит на открытие нового счета. А он просто поставил галочку, означавшую «да», напротив вопроса, хочет ли заявитель получить карту банкомата. Он брал почту каждый вечер и через неделю после того, как они открыли новые счета, перехватил письма с кодами, а еще через неделю и сами карточки. По каждой из них можно было получать пятьсот долларов в день. В первый месяц Беккер почти ежедневно снимал деньги, пока у него не набралось двадцать тысяч наличными.

— Купи фруктов, — велела ему старуха.

— Я зайду в «Макгуайр», — сказал он по интеркому.

— Абрикосов.

— Хорошо, — бросил он, отворачиваясь.

— Пожалуйста, купи абрикосы.

— Ладно! — рявкнул он.

— В прошлый раз я их так и не дождалась.

Беккеру вдруг очень захотелось подняться и задушить ее. Совсем не та непреодолимая тяга, которую он испытывал к своим подопытным, а почти человеческое желание удавить старую клячу.

— Извините, — проговорил он подобострастно, пытаясь скрыть ярость. — Я постараюсь достать ваше лекарство.

Это заставит ее заткнуться.

Беккер отвернулся от интеркома, бросил взгляд через темную гостиную и увидел тело Кортеса, залитое ослепительным сиянием света в операционной. «Вполне можно сделать это и сейчас».

Он принес из кухни длинный рулон черного полиэтилена, купленного в лавке художников, развернул его около анатомического стола, скальпелем отрезал нужную длину, затем разгладил кусок. Отстегнул ремни, удерживающие тело, вытащил из запястья катетер и датчик температуры. Она опустилась до двадцати градусов — тело быстро остывало.

Обращаться с трупами сложно, но Беккер, обладавший огромным опытом, просто подошел к противоположному концу стола и приподнял его. Тело скатилось и с громким шлепком упало на пластиковую простыню. Беккер снова обогнул стол, завернул труп, заправил лишний кусок и связал все бельевой веревкой. На поясе он сделал две лишние петли, чтобы использовать их вместо ручек. Затем он с трудом протащил труп через гостиную и вверх по лестнице к черному ходу дома. Даже когда тебе наплевать, пострадает ли тело, с ним совсем не просто справляться. К тому же Кортес был крупным мужчиной. «Нужно будет выбирать невысоких людей», — подумал Беккер.

Задняя дверь дома Лейси пряталась от улицы под пристройкой, изначально задуманной как навес для машин. Беккер открыл дверь, не снимая цепочки, и огляделся. В прошлом здесь ночевали бродяги. Но сейчас стоял только «фольксваген», никем не тронутый. Беккер вытащил наружу тело и с трудом засунул на пассажирское сиденье. Покончив с этим, он подошел к ограде участка и посмотрел на улицу. Никого. Он вернулся внутрь, запер дверь и торопливо спустился по лестнице.

Беккер принял душ, старательно побрился, оделся и воспользовался косметикой. Это было совсем не просто: толстый слой грима скрывал изуродованное лицо, но его следовало наносить очень аккуратно, чтобы он не контрастировал со светлой кожей на висках и не собирался в складках и морщинах. На это ушло полчаса. В тот момент, когда Беккер закончил, миссис Лейси снова позвонила.

— Что?

«Старая кляча...»

— Мои руки, — прохныкала она.

— Я уже иду, — сказал он и подумал: «Может, стоит ее прикончить?»

Пару мгновений он позволял себе наслаждаться этой мыслью. Но тогда ему придется объяснять Бриджит Ленд, куда исчезла ее подруга. Впрочем, он мог бы убрать и ее. Но это привело бы к целой куче нерешаемых вопросов и риску: а вдруг у Ленд есть друзья и они

знают, что она навещает Эдит Лейси? Если Ленд исчезнет, придет ли кто-нибудь ее искать?

Ее нельзя убивать, это опасно... Нет, он не станет их трогать. Пока. Лейси прекрасная ширма, а Ленд до сих пор представляла собой лишь небольшое неудобство. Раздумывая о них, Беккер достал из письменного стола пузырек с таблетками, вытряхнул одну на ладонь, подошел к лестнице, включил свет и начал подниматься.

Лестница выходила на заднюю часть первого этажа, затем поворачивала и вела на второй и третий. Когда-то первый этаж был занят магазином сантехники, но уже много лет он пустовал. Днем с улицы проникал внутрь угрюмый зеленоватый свет. Ночью закрытые решетками окна казались темными панелями, расположенными по обе стороны от входной двери.

Старуха обитала на втором этаже, где поселилась вместе с двумя котами после смерти мужа. Здесь отчаянно воняло этой троицей: вареной морковью, марихуаной и кошачьей мочой. Беккер ненавидел котов. Они знали, что он собой представляет, и наблюдали за ним с полок. Их глаза сверкали в полумраке, когда старуха сидела перед телевизором, кутаясь в пеструю шаль.

Когда муж миссис Лейси был жив, третий этаж тоже использовался, но сейчас он пустовал, как и первый.

Беккер поднялся на второй этаж, чувствуя, как его окутывает запах моркови и марихуаны.

— Миссис Лейси?

— Я здесь.

Она была миниатюрной женщиной и носила толстые очки, которые увеличивали ее слезящиеся голубые глаза. У нее был нос пуговкой, крошечный круглый ротик и жесткие седые волосы, плотно прилегающие к голове. Она сидела в гостиной в большом кресле перед телевизором, кутаясь в халат. У нее было четыре халата, все стеганые, разных пастельных цветов. Беккер сходил на кухню, налил стакан воды и принес ей таблетку. Из-под стула выскочил кот и спрятался в соседней комнате, глядя оттуда на Беккера злыми глазами.

— Это поможет. Завтра я принесу еще.

— Благодарю.

Она взяла таблетку и принялась жадно пить из стакана.

— Ваша трубка и зажигалка при вас?

— Да.

— Марихуаны достаточно?

— Да, большое спасибо.

Миссис Лейси хихикнула. Она вращалась среди богемы сороковых годов, но продолжала курить марихуану и сейчас.

— Я ненадолго выйду, — сказал Беккер.

— Будь осторожнее, гулять в такое позднее время опасно.

Беккер оставил ее в кресле, снова спустился вниз по лестнице и внимательно проверил пристройку за домом. Никого.

Дом Лейси выходил фасадом на Грин-стрит. Здания по обе стороны улицы тянулись до Мерсер, но дом Лейси занимал лишь половину участка. Двор, заросший сорняками и буйным сумахом, был огорожен десятифутовой изгородью из металлической сетки. До того как здесь появился Беккер, бродяги и хулиганы перебравшись через него и сломали замок на воротах. Но как только Беккер купил машину, он позаботился о том, чтобы изгородь починили, и

укрепил ее сверху мотками колючей проволоки.

Сейчас он задом выкатился на «фольксвагене» из-под навеса, выскочил из машины, открыл ворота, проехал через них, еще раз остановился и запер ворота.

«Это Нью-Йорк, — подумал он. — Рогалики и копченая лососина. Колючая проволока и замки».

Беккер захихикал.

— Дверь, — сказал Толстый, который стоял у окна, держа у плеча винтовку AR-15.

Внизу по улице промчался старый «фольксваген жук». Толстый, прикинувший к оптическому прицелу, не обратил на машину никакого внимания. Из ресторана вышел человек. У него были слегка растрепанные светлые волосы, очки в золотой оправе и узкие плечи. Он улыбался и шевелил губами, будто разговаривал сам с собой. На мужчине были голубая рубашка с коротким рукавом и слишком длинные джинсы. Средним пальцем он то и дело поправлял очки, соскальзывающие с носа.

— Да, — пробормотал Толстый, и его палец напрягся на спусковом крючке.

— Нет... — сказал Тощий и сделал два шага по направлению к окну.

На груди мужчины появилась красная точка. Возможно, у жертвы был один короткий миг, чтобы о ней подумать. Прозвучал оглушительный выстрел, и вспышка показалась Тощему ярче, чем он ожидал. Возникло ощущение, что человек отскочил назад, а затем начал исполнять безумный танец. Однажды Тощий видел фильм, в котором Гитлер танцевал джигу после того, как немцы захватили Францию. Пару мгновений мужчина на улице делал похожие движения. Снова загрохотал гром; шесть выстрелов, восемь, двенадцать раздалось очень быстро, с одинаковыми промежутками. Вспышки освещали лица.

Примерно на середине обоймы Толстый сдвинул переводчик огня и выпустил длинную очередь. Убитый лежал на спине на тротуаре, а пули шлепались вокруг его головы, точно одетые в медь капли дождя.

Тощий молча стоял у окна.

— Иди, — сказал его напарник и уронил винтовку на пол. — Руки.

Закрыв лица ладонями в перчатках, они прошли по коридору в заднюю часть здания, сбежали вниз по лестничному пролету, потом по другому коридору и выскочили через боковую дверь в переулок, который увел их от места преступления.

— Не беги, — приказал Толстый, когда они вышли на улицу.

— Осторожно! — вскрикнул Тощий.

Промчавшийся мимо «фольксваген жук» залил их светом фар, и их бледные лица стали похожи на уличные фонари, горящие в ночи. Это была та самая машина, что появилась у ресторана в тот момент, когда компьютерщик вышел на улицу.

Из-за того, что рядом с ним лежал труп, Беккер волновался и нервничал. Он следил за патрульными автомобилями и вообще за всем, что проносилось мимо. У него имелся маленький пистолет, двуствольный «дерринджер специал» тридцать восьмого калибра, но Беккер знал: если придется им воспользоваться, ему конец.

Впрочем, пока все шло хорошо.

Ночью на улицах Сохо^[2] царил тишина. Когда он покинет этот район, все станет гораздо сложнее. Он не хотел, чтобы на дороге рядом с ним появилась какая-нибудь высокая машина — грузовик или фургон. Совсем ни к чему, чтобы водитель заглядывал в

«фольксваген», хотя, скорее всего, он вряд ли сумеет увидеть что-нибудь определенное. Тело, завернутое в пластик, больше всего походило на куколку бабочки или кокон. А чего еще можно ожидать от «жука»?

Беккер почти рассмеялся. Но нет, он был слишком безумен для настоящего чувства юмора.

— Твою мать, — произнес он вместо этого.

Ему требовалось найти стену или неохраняемое здание с нишей. Такое место, где никто ниоткуда не выглянет и не увидит, как он сгружает тело. Беккер не продумал вопрос о том, как избавляться от трупов, и это никуда не годилось. Нужно разработать особую схему, чтобы никому не пришло в голову связать тела с районом, где он живет. Кроме того, необходимо рассчитать оптимальное расстояние — достаточно далеко от Сохо, но не настолько, чтобы поездка стала рискованной.

Он проехал мимо ресторана «Манхэттенский кабальеро», где подавали стейки, и обратил внимание на яркие плакаты с рекламой пива, выставленные в маленьких зарешеченных окнах. В этот момент открылась дверь и на улицу вышел худощавый мужчина. На мгновение его залил свет, падающий из распахнутой двери. У него за спиной Беккер успел заметить автомат по продаже сигарет.

Выстрелы прозвучали, точно лопающаяся воздушная кукуруза. Или так, будто женщина оторвала кусок от подола платья. Беккер посмотрел в окно и увидел вспышку. Он побывал во Вьетнаме, и этот звук, донесшийся с расстояния, словно насмешливый кукурузный гром, и сопровождающий его мерцающий свет были ему знакомы. Мужчина, которого он заметил около двери, повалился на тротуар, когда в его тело вошли пули.

— Твою мать! — выкрикнул Беккер, оскалившись.

Он невиновен в этом убийстве, но его могут поймать прямо здесь! Охваченный паникой, опасаясь, что свидетели запишут номера всех машин, которые попадутся им на глаза, Беккер вдавил в пол педаль газа и помчался в конец длинного квартала. Стрельба продолжалась всего две или три секунды, и прошло еще пять секунд, прежде чем он смог свернуть налево и скрыться из виду на улочке с односторонним движением. Адреналин бушевал у него в крови, смешавшись со страхом, рожденным «пи-си-пи». А впереди, на улице, начали вспыхивать желтые огни.

«Что это?»

Паника полностью подчинила Беккера себе. Он нажал на тормоз, забыв про сцепление, и «фольксваген» остановился. Тело рядом зашуршало своей пластиковой оберткой и наклонилось на сиденье в сторону Беккера. Он оттолкнул его одной рукой, прижимая кулак к горлу и хватая ртом воздух в попытке сделать вдох. В следующее мгновение он снова повернул ключ зажигания, отпустил сцепление и отчаянно нажал на педаль газа. Мотор завелся, и Беккер включил вторую передачу.

Он резко развернул машину налево, все еще ошарашенный тем, что произошло, и только сейчас понял, что желтые огни горят на ограждении части дороги, где ведутся ремонтные работы. Поворачивать не было никаких причин, но он уже свернул и помчался дальше. В конце квартала из переулка вышли два человека. Фары машины залили их светом, и Беккер увидел, что они подняли руки. Люди пытались спрятать лица, но прежде чем они успели это сделать, он разглядел их во всех подробностях.

Беккер свернул и поехал дальше.

Заметили ли они номера его машины? Узнать это невозможно. Он посмотрел в зеркало

заднего вида, но двое незнакомцев уже скрылись в темноте. Значит, все в порядке. Беккер попытался прогнать страх. Задние номера были старыми и заляпанными грязью.

Но стрельба...

Господи, нужно подумать. Ему требуется помощь. Он поискал коробочку с таблетками. Нет, пожалуй, не стоит. Но ему нужен «спид». Совсем немного, чтобы легче было думать.

Сирены. Где-то позади.

Беккер уже плохо понимал, где находится. Он повернул налево, покатил вперед и оказался на большом перекрестке. Судя по вывескам, это Бродвей. А там какая улица? Беккер проехал еще несколько футов. Бликер-стрит. Ладно. Хорошо. Он поедет по Бликер. Необходимо вытащить из машины тело. Он оказался в окутанном тенями квартале, увидел темно-красное здание с нишами в стене, но там негде было остановиться. Еще пятьдесят футов... Вот здесь!

Беккер притормозил у обочины, выскочил наружу и огляделся по сторонам. Никого. Он слышал, как кто-то громко разговаривает. Голос звучал так, словно человек сильно набрался. Беккер быстро обошел машину, вытащил тело и бросил в дверном проеме. Затем поднял голову. Потолок над глубоко утопленной дверью был украшен сложным орнаментом из белой керамики, этот орнамент привлек внимание Беккера и потащил в лабиринт с множеством ответвлений...

К реальности его вернула еще одна сирена. Она прозвучала где-то на Бликер, но огней не было видно. Беккер поспешно вернулся к машине, покрывшись испариной от страха, забрался внутрь и посмотрел в раскрытую дверь на останки Луиса Кортеса. Уже с расстояния в пятьдесят футов сверток был похож на бродягу, спящего на улице. А в этом районе сотни бездомных.

Беккер рискнул бросить последний взгляд на рисунок из керамики, почувствовал его притяжение, затем с трудом отвел глаза и захлопнул дверь. Сгорбившись над рулем, он поехал домой.

Толстый нашел телефон-автомат и набрал номер, нацарапанный на листке бумаги. После двух гудков он положил трубку, подождал пару секунд и повторил свои действия.

Тощий молча ждал в машине.

— Все будет хорошо, — попытался успокоить его напарник.

Тощий довольно долго молчал, а потом выдавил из себя:

— Нет, не будет.

— Все отлично, — сказал Толстый. — Ты молодец.

Беккер вернулся к дому Лейси, припарковал «фольксваген», спустился в подвал, снял всю одежду, тщательно вымыл лицо и надел спортивный костюм. Он задумался об убийстве, свидетелем которого стал. Нью-Йорк — опасное место, и кто-то должен позаботиться о том, чтобы ситуация изменилась...

Ему предстояло навести порядок в операционной. Он работал десять минут, используя губку, бумажные полотенца и универсальное чистящее средство. Закончив уборку, он свернул использованные бумажные полотенца и бросил в мусорное ведро. О крови он вспомнил в тот момент, когда собирался выключить свет, взял кувшин и вылил его содержимое в канализацию. Кровь была густой и малиновой, как антифриз.

Беккер снова потянулся к выключателю и увидел четыре крошечных кусочка кожи на

поверхности резервуара с анестетиком. Ну конечно, он положил их туда, потому что в тот момент это казалось самым удобным местом.

Он взял их. Сморщенные, с длинными блестящими ресницами, они напоминали новый вид пауков, лохматых с одного бока. На самом деле это были гораздо более прозаические предметы — веки Кортеса. Беккер положил их на ладонь и некоторое время разглядывал. Он ни разу не видел их отдельно от тела. Бестелесными.

Ха, вот и еще одна шутка! Он посмотрел на свое отражение на дверце шкафа из нержавеющей стали, рассмеялся, прижал к животу руки и наставил палец на себя. Бестелесный...

Он вернулся к векам. Поразительно!

Прикрыв глаза, Дэвенпорт в легкой полудреме лежал на крыше собственного дома. Он выложил крышу одним слоем черепицы из зеленого стеклопластика и не собирался крыть ее по второму разу. Лопатками Лукас чувствовал тепло крыши, легкий ветерок шевелил черные волоски на его руках. Влажный воздух был насыщен запахом приближающейся грозы, на западе тут и там возникали серо-розовые вспышки молний.

Лежа с закрытыми глазами, Лукас слышал, как по улице шлепают кроссовки любителей вечерних пробежек, грохочут ролики, вопят радиоприемники в проезжающих машинах. Если бы он открыл глаза и посмотрел в небо прямо над собой, то увидел бы орла, оседлавшего теплый воздушный поток над крутым берегом. Внизу, под утесами, его глазам предстала бы Миссисипи, похожая на толстую коричневую змею, свернувшуюся на солнышке. В грязной воде подпрыгивал буй цвета кетчупа, который направлял лодочное движение в сторону шлюза Форд.

Все казалось прекрасным, как будто здесь, на крыше, время остановилось.

Когда у тротуара припарковалось такси, Лукас подумал о нем, но не стал смотреть, кто приехал. Никто из его знакомых не мог явиться к нему в гости без предупреждения. Такой стала теперь его жизнь: никаких сюрпризов.

Хлопнула дверца машины, и высокие каблучки застучали по тротуару.

Лили.

Она ходила не так, как местные. Возможно, как полицейский или просто жительница Нью-Йорка. Как человек, который прекрасно знаком с потрескавшимся асфальтом и собачьим дерьмом и внимательно смотрит, куда ставит ноги. Лукас лежал не шевелясь, с закрытыми глазами.

— Что ты делаешь там, наверху?

У нее был точно такой же, как он запомнил, голос, чуть низкий для женщины, со старательно контролируемые бруклинскими интонациями.

— Охраняю свою собственность.

На его лице появилась улыбка.

— Ты меня чуть не обманул, — возмутилась Лили. — У тебя такой вид, будто ты спишь.

— Я отдыхаю между приступами бешеной активности, — сказал Лукас, сел, открыл глаза и посмотрел на нее.

Он заметил, что она похудела. Лицо казалось уже, его черты стали более резкими. А еще она подстригла волосы: прежде они были длинными, до плеч. Теперь она носила короткую прическу, не такую, как у панков, а асимметричную, с выстриженными почти до самой кожи участками около ушей. Необычно и сексуально.

Ее волосы изменились, а вот улыбка — нет. И зубы остались такими же жемчужно-белыми на фоне оливковой кожи.

— Ты выглядишь потрясающе, — сказал он.

— Даже не начинай, Лукас. Мне и без тебя хватает проблем, — ответила она, но не сдержала улыбку, и один из верхних резцов зацепился за нижнюю губу. — Это деловая командировка.

— Вот как...

Беккер. Газеты только о нем и трубят. Шесть человек убито. Трупы без век. Множество

различных повреждений, но тела не изуродованы. Беккер делал все очень профессионально, как и положено дипломированному патологоанатому. Он писал статьи о совершенных убийствах — странные, извращенные, квазинаучные рассуждения о своих умирающих жертвах и о том, что происходило с ними перед самой смертью, а потом отсылал заметки в научные журналы.

— Ты занимаешься этим делом?

— Нет, но я... имею к нему отношение, — ответила она.

Лили смотрела на него с комичной беспомощностью, с какой стоящий на земле смотрит на человека, сидящего на крыше.

— Я себе шею сверну. Спускайся.

— А как же моя собственность? — чтобы подразнить ее, спросил Дэвенпорт.

— Ну ее к черту, — ответила Лили.

Лукас медленно спустился по лестнице, понимая, что делает это сознательно. «Пять лет назад я бы просто сбежал вниз... Проклятье, да еще три года назад... Я старею. Скоро сорок пять. Пятьдесят за горизонтом, но тень уже маячит».

Он делал растяжки, занимался тяжелой работой, колотил грушу до тех пор, пока не начинали болеть руки. В атлетическом клубе потел у тренажеров «Наутилус» три раза в неделю и пытался плавать в те дни, когда не ходил в спортивный зал. Сорок четыре, скоро сорок пять. В волосах появилась седина, а вертикальные морщины на переносице никуда не исчезают по утрам.

Глядя на Лили, он заметил, что два прошедших года оставили и на ней свой след. Она выглядела жестче, словно пережила сильное потрясение. А еще Дэвенпорт видел, что она страдала — в глазах сохранялась осторожность.

— Давай зайдём внутрь, — предложил он, наклонившись, чтобы она поцеловала его в щеку.

Ему не пришлось нагибаться слишком сильно: Лили была примерно одного с ним роста. «Шанель № 5», точно далекий ветерок, принес аромат деревенских цветов. Он взял ее за руку.

— Господи, ты прекрасно выглядишь. И пахнешь здорово. Почему ты не звонила?

— А ты?

— Хм, конечно...

Он провел ее через главную дверь на кухню, которая два года назад пострадала от пожара и пуль. Над этим делом они с Лили работали вместе. Лукас покрасил здесь стены и установил новую дверь.

— Ты похудела, — сказал он по пути на кухню, пытаясь найти какую-нибудь личную тему для разговора.

— На двенадцать фунтов, согласно показаниям весов сегодня утром, — ответила она, бросила сумочку на стойку для завтрака и огляделась по сторонам. — Тут мило. — Она подтащила к себе табурет и села. — Я умираю, так хочу есть.

— У меня есть две бутылки холодного пива, — сообщил Лукас, заглянув в холодильник. — И я готов разделить с тобой сэндвич с ростбифом и салатом, без майонеза.

— Минутку, — отмахнулась от него Лили.

Дэвенпорт закрыл дверцу холодильника и прислонился к нему, глядя, как она достает из сумочки маленький коричневый блокнот на спирали. Шевеля губами, Лили произвела быстрые подсчеты.

— Еда в самолете вряд ли содержала много калорий, — сказала она скорее самой себе, чем Лукасу.

— Совсем немного, — согласился он.

— Пиво светлое?

— Нет... но, проклятье, у нас же праздник.

— Точно.

Она с невероятно серьезным видом записывала калории в свой блокнотик, и Дэвенпорт изо всех сил старался не рассмеяться.

— Ты сдерживаешь смех, — заявила она, неожиданно подняв голову и поймав его на этом.

У нее были золотые сережки-кольца, и когда она наклоняла голову набок, золото легкими прикосновениями ласкало оливковую кожу.

— И у меня получается, — сказал Лукас.

Он попытался ухмыльнуться, но вдруг понял, что ему трудно дышать; свисающие из ушей серьги гипнотизировали его, точно в магическом шоу.

— Господи, я ненавижу людей с ускоренным метаболизмом, — проворчала Лили и снова вернулась к своему блокнотику, не заметив, что Лукас задыхается.

Или заметив?

— Ускоренный метаболизм — это ерунда, — сказал Лукас. — Я читал в «Таймс».

— Еще один знак упадка: там пишут очевидную чушь, — проговорила Лили, сунула блокнотик обратно в сумку, отставила ее в сторону, положила ногу на ногу и обхватила руками колена. — Ладно, пиво и половинку сэндвича.

Сидя напротив друг друга за стойкой, они ели, говорили о пустяках, изучали друг друга. Дэвенпорт ушел из полиции и скучал по своей работе. Лили поднялась по служебной лестнице, больше не выезжала на места преступлений и занималась политическими вопросами вместе с заместителем начальника полиции.

— Как Дженнифер и Сара? — спросила она.

Лукас покачал головой, доедая свою половину сэндвича.

— У нас с Джен все закончилось. Мы попытались, но ничего не получилось. Слишком много плохого в прошлом. Мы остались друзьями. Она встречается с одним парнем с телестанции, где работает. Может быть, они поженятся.

— Хороший парень?

— Наверное, — ответил Лукас.

Но он невольно покачал головой, когда произносил эти слова.

Лили уловила его тон.

— Ты думаешь, что он придурок?

— Проклятье... Нет. Ну, не совсем.

Дэвенпорт прикончил сэндвич, подошел к раковине, вылил на ладонь «Айвори ликвид», включил воду и смыл следы оливкового масла. У него были большие и сильные руки, как у боксера.

— Он хорошо относится к Саре, к тому же у него есть свой ребенок, примерно на семь месяцев старше Сары. Они ведут себя...

— Как семья, — закончила за него Лили.

Лукас отвернулся и стряхнул воду с рук, а она быстро проговорила:

— Извини.

— Да в общем... какого черта, — сказал Лукас. Он вернулся к холодильнику, достал оттуда еще одну бутылку «Лейненкугеля» и открутил крышку. — На самом деле я совсем неплохо себя чувствовал, когда понял, что все закончилось. Я зарабатываю кое-какие деньги, путешествую, смотрю на мир. Пару недель назад побывал в Литл-Бигхорне. Потрясающее впечатление. Ты стоишь перед памятником Кастеру и представляешь себе это провальное сражение. ^[3]

— Правда?

Он выжидал, когда она скажет, зачем приехала в Города-близнецы. Но Лили оказалась терпеливее, и наконец он сам спросил:

— Почему ты здесь?

Она слизнула крошку жареного мяса с уголка рта, ловко поймав ее длинным языком, а затем ответила:

— Я хочу, чтобы ты поехал в Нью-Йорк.

— Из-за Беккера? — скептически спросил он. — Ерунда это. Вы, ребята, и сами можете справиться с ним. А будь я нью-йоркским копом, мне бы очень не понравилось, если бы ко мне явился кто-нибудь со стороны. Да еще парень из маленького городка.

Она кивала, пока он говорил.

— Да, мы можем найти Беккера. У нас говорили самые разные вещи: что мы поймаем его через неделю, через десять дней... Но прошло шесть недель, Лукас. Мы его, конечно, возьмем, но политики начали терять терпение.

— И тем не менее...

— Было бы неплохо, если бы ты взял на себя средства массовой информации. У тебя хорошо получается общение с репортерами. Мы хотим, чтобы ты им сказал, что мы делаем все возможное и вызвали полицейского, который поймал его в первый раз. Тебе нужно подчеркнуть, что мы не сидим на месте. Наши ребята это поймут и оценят — они будут знать, что мы пытаемся снять напряжение.

— И все? Трюк из области связей с общественностью?

Дэвенпорт поморщился и покачал головой. Он не желал иметь никаких дел с репортерами. Ему отчаянно хотелось схватить кого-нибудь за глотку.

— Нет-нет. Ты примешь участие в расследовании, — сказала Лили. Она доела свой сэндвич и растопырила пальцы в поисках салфетки. Лукас протянул ей бумажное полотенце. — Будешь работать на улицах города вместе с остальными. Со всеми полномочиями, высший приоритет и так далее. Я действительно ценю твои способности.

Дэвенпорт уловил что-то в ее голосе.

— Но?

— Но если отставить все это в сторону, есть кое-что еще.

Он рассмеялся.

— Третий уровень? Уровень Лили Ротенберг? Чем ты занимаешься?

— Дело в том, что у нас серьезные проблемы. Даже хуже, чем Беккер, если такое можно себе представить.

Лили помедлила, потом пристально посмотрела на Лукаса, и он почувствовал ее напряжение. Она скатала кусочек бумажного полотенца в шарик и, не вставая, швырнула в мусорное ведро.

— Это должно остаться между нами.

Лукас раздраженно отмахнулся от ее слов, словно от назойливой мухи. Она кивнула, соскользнула с табурета, обошла кухню по кругу, взяла эмалированную кофейную чашку, повертела в руках и поставила назад.

— Мы расследуем тринадцать убийств, — сказала она наконец. — Беккер не имеет к ним никакого отношения. Там действует кто-то другой. Они все... совершенны целенаправленно. По крайней мере, так кажется. Из этих тринадцати жертв — тринадцати, о которых мы знаем наверняка, но мы полагаем, что их больше, около сорока, — десять были настоящими преступниками. Двое из них довольно крупные деятели: оптовик картеля «Кали» и известный представитель мафии. Остальные восемь — разная мелкая рыбешка.

— Номер одиннадцать?

— Адвокат, — ответила Лили. — Защищал многих крупных наркодилеров. Он был хорошим юристом и сумел вернуть на улицы города достаточно тех, кому там находиться не следовало. Но большинство считали, что он работает честно.

— При таком роде деятельности трудно оставаться незапятнанным, — заметил Лукас.

— Но мы уверены, что он был честным человеком. Расследование не выявило ничего такого, что заставило бы нас поменять точку зрения. Совместно с федеральной и городской налоговой службой мы тщательно изучили его банковские счета и ничего не обнаружили. В самом деле, ему не было никакой необходимости преступать закон, он зарабатывал такие деньги, что больше просто не нужно. Три миллиона баксов за не самый удачный год.

— Хорошо. Кто был двенадцатым?

— Номер двенадцать — профессиональный черный... представитель. Лидер общины, крикун, демагог, как хочешь, так и называй. Но он не был негодяем. Всего лишь местный политик, который пытался подняться повыше. Его застрелили из проезжающей машины, предположительно пара мелких гангстеров. Но все это выглядело не в стиле таких ребяташек: хорошее оружие, угнанная машина.

— Тринадцатый?

— Коп.

— Сошедший с прямой дороги?

— Нет. Он расследовал возможность того, что внутри полицейского департамента, точнее, в отделе сбора данных работает группа преступников и именно они и убивают людей.

Несколько мгновений Дэвенпорт обдумывал услышанное.

— Проклятье, — произнес он наконец. — Значит, они убили тринадцать человек, а возможно, и сорок?

— Коп, которого убили, — его звали Уолтер Петти, — уверенно утверждал, что их было двенадцать. Он тринадцатый. Мы так думаем. Но он предполагал, что жертв может быть тридцать или даже больше сорока.

— Боже праведный. — Дэвенпорт задумчиво потерев губу. Он отвернулся от своей гостыи и невидящим взглядом уставился на микроволновку. — Сорок? Вы должны были об этом узнать...

— Не обязательно, — проговорила Лили, качая головой.

Короткие волосы взлетели над ушами, как в телевизионной рекламе. Лукас хотел улыбнуться, но сдержался. Она ведь сказала, что приехала по делу.

— Прежде всего, — продолжила Лили, — их убивали на протяжении длительного периода времени — лет пять. И, учитывая, чем большинство из них занимались, их смерть

ни для кого не стала неожиданностью. Разве что организованной более профессионально. Именно это бросается в глаза, когда становится понятно, что имеешь дело с определенной схемой, — квалифицированное исполнение. Бабах — и они мертвы. Никогда рядом не оказывается полиции, более того, один или два раза жертв заманили в ловушку. Ни разу не нашлось нормальных свидетелей. Пути отхода заранее спланированы. Никакого ущерба, никаких следов вроде растоптанных грибов и всего такого.

— Значит, у вас есть схема: мелких преступников убивают серьезные стрелки, — уточнил Дэвенпорт.

— Именно. Возьмем для примера парня, которого я встречала много лет назад, когда только-только перестала патрулировать улицы. Его звали Арвин Дэвис. — Она подняла глаза к потолку и облизала губы, вспоминая старое дело. — Когда его убили, ему было сорок два. Наркоман, пьяница и драчун, с двенадцати лет имел около двадцати приводов, и еще столько же раз его арестовывали за разные вещи. Мелочовка: уличный грабеж, кражи со взломом, угон машин, мошенничество, хранение наркотиков. Он засовывал нос в «ангельскую пыль» и избивал свои жертвы. Убил человека пять или шесть лет назад, но это не смогли доказать. Провел в тюрьме в общей сложности двадцать лет, но сроки были короткими. Выйдя в последний раз, он совершил пару ограблений на улице, а после этого кто-то его прикончил. Ему дважды выстрелили в сердце и один раз в голову. Третий выстрел, контрольный, сделали, когда он уже упал. Убийца просто ушел, — закончила Лили и снова забралась на табурет, стоящий у стойки.

— Профи, — заметил Лукас.

— Да. Какой-то особой причины, по которой профессионал захотел бы ликвидировать Арвина Дэвиса, не было. Он ничего такого собой не представлял. Но тот, кто его убил, навсегда убрал с улиц города настоящего мерзавца, совершавшего сорок или пятьдесят гнусных преступлений в год.

— И все остальные убийства похожи на это?

— Именно. Техника разная, но все они отлично подготовлены с профессиональной точки зрения.

Дэвенпорт кивнул, пристально глядя на Лили.

— Это все очень интересно, только непонятно, при чем тут я.

Она посмотрела прямо на него.

— Кое-кто из отдела сбора информации обратил внимание на систему, и они занервничали. На все жертвы, или называй их как хочешь, были заведены солидные досье. Получалось, будто их по этим делам и выбирали. Как только ребята доложили о своем открытии, была назначена группа из шести старших офицеров, в задачу которых входило разобраться в этом. Петти привлекли к этому делу для выполнения черновой работы.

— Он был мелкой сошкой, или как вы называете таких? — перебил ее Лукас.

Она покачала головой.

— Большую часть своей карьеры он выезжал на места преступлений, потом стал специалистом по компьютерам. Официально он занимал должность помощника детектива. А в этом деле отчитывался действующей группе, которую возглавляет мой босс, Джон О'Делл. Он у нас главный.

— Значит, никаких прошлых обид на деятельность отдела внутренних расследований, — заметил Дэвенпорт.

— Нет. А перед тем как его застрелили, в деле возникла одна странность... — Лили в

задумчивости положила руку на макушку, словно решила себя погладить. — Черного крикуна, который был убит, звали Уэйтсом. Его дело еще открыто, и наши ребята им занимаются. Уолт получал все отчеты, имеющие отношение к неоконченным расследованиям. Он обнаружил доклад, где говорилось, что предположительно свидетель убийства Уэйтса узнал в одном из стрелявших полицейского. Имя свидетеля Корнелл, фамилия, возможно, Рид. Проблема в том, что, когда Уолт отправился к нему, оказалось, что Корнелл Рид исчез. Мы думаем, он уехал из города. Но Петти как-то сумел его найти. Он попытался связаться с нами ближе к вечеру, зашел в офис, а когда у него ничего не вышло, оставил сообщение на голосовой почте. Сказал, что знает, куда отправился свидетель.

— Куда?

— Мы не знаем. А вечером Уолта убили.

— Господи... Кто-то прослушал голосовую почту?

— Маловероятно, — возразила Лили. — Сообщение закодировано. К тому же убийство было слишком хорошо спланировано. Явно организовано заранее. По всей видимости, то, что Петти нашел свидетеля, лишь послужило дополнительным толчком.

— Хм. А как насчет файлов Петти? Какие-то заметки остались?

— В офисе ничего, но он не держал там никаких записей, поскольку дело весьма щекотливое, — ответила Лили. — По большей части он работал на дому. И тут возникло новое обстоятельство: кто-то проник в его квартиру раньше нас. Исчезли все компьютерные диски, а с внутреннего — кажется, он называется жестким — стерта вся информация. Я не знаю, как это делается, но восстановить ничего не удалось.

— Еще один компьютерщик?

— Не обязательно. В том, что они сделали, нет ничего особенного. С этой задачей нетрудно справиться при помощи двух-трех коротких команд. Что-нибудь вроде «отформатировать». Похоже на правду?

— Да. Петти наверняка успел с кем-то поговорить о том, что получил важную информацию. И его вовсе не случайно застрелили в тот самый вечер. Кому он мог рассказать о свидетеле? — спросил Дэвенпорт.

— Мы не знаем, — ответила Лили. — Но нам известно, что он заходил в офис и искал нас. Мы с О'Деллом провели довольно много времени, разъезжая по городу и задавая вопросы. Тем вечером мы разговаривали с ребятами, занимающимися одним из дел. Уолт не пытался дозвониться к нам в машину — водитель ждал в ней, но никто не позвонил. Возможно, когда Уолт зашел на работу, он натолкнулся в коридоре на кого-то из нашей следственной бригады. Он ведь не стал бы разговаривать на эту тему ни с кем другим.

— Получается, что Петти случайно столкнулся с человеком из группы, а тот проболтался.

Лили нахмурилась.

— Видишь ли, убийство произошло слишком быстро для случайной утечки. Тот, кто передал эти сведения преступной группе, сделал это напрямую. По телефону. Иными словами, информатор знает убийц. Возможно, даже является их главарем.

— Сукин сын! Но если вам известно, что это один из шестерых членов следственной бригады...

Улыбнувшись, Лили покачала головой.

— Все не так просто. Во-первых, каждый из шестерых перед кем-то отчитывается, во-вторых, у каждого есть помощники и некоторым из них известно, чем занимается группа.

— Не похоже на тайную операцию, — заметил Лукас.

— Примерно человек пятнадцать знают все детали и еще двадцать пять представляют проблему в общих чертах, — сказала Лили. — Для нашего департамента это очень высокая степень секретности... но ты же понимаешь, в каком мы оказались положении. Если кто-то из сотрудников сообщил убийцам то, что выяснил Уолт, значит, им известно все. Мы парализованы. Рабочая группа назначила нового старшего следователя, капитана из другого подразделения, но он ничего не делает. Его задача — прикрыть нас в случае, если произойдет утечка. Ну, знаешь, чтобы мы могли сказать, что расследуем дело под руководством старшего офицера.

— И ты хочешь, чтобы этим занялся я? — спросил Дэвенпорт.

Лили кивнула.

— Мы обсудили это с моим боссом. Нам нужно, чтобы расследование было проведено секретно. Никто ничего не будет знать, только мы двое. Другого пути нет. А благодаря Беккеру для тебя появляется идеальное прикрытие. Эти чертовы средства массовой информации на нем свихнулись — и телевидение, и «Пост», и «Ньюс». Доктор Смерть и все такое прочее. Невозможно сесть в такси, чтобы не услышать по радио передачу о нем. Поэтому мы привезем тебя, полицейского, который поймал его в первый раз, в качестве консультанта. Но пока ты будешь искать Беккера, мы сведем тебя с парой людей, заинтересовавших Уолта.

— Хм... — Дэвенпорт надолго задумался, затем поднял голову. — Тот парень, которого застрелили... Ты называешь его Уолтом, как будто он не обычная жертва. Я должен что-то знать?

Лили смотрела на его лицо, но избегала встречаться взглядом. Неожиданно ее собственные глаза стали какими-то пустыми, лишенными выражения, как будто перед ее мысленным взором появилось чье-то другое лицо.

— Уолт был моим самым старым другом, — проговорила она.

А потом рассказала Лукасу свой сон.

Сон впервые приснился ей в ту ночь, когда убили Петти; он начался не с картинки, а с запаха озона, как будто где-то горели электрические провода. Затем Лили увидела себя, окутанную постепенно рассеивающейся дымкой. Она сидела на простой мраморной скамье, какие часто ставят на кладбищах, а на коленях у нее лежало окровавленное, простреленное тело Петти. Очень похоже на пьету.^[4] Она вообще ничего не делала, просто сидела и смотрела на его лицо. Во сне лицо находилось на переднем плане, как будто камера медленно приближалась и в последний момент выхватила не божественное умиротворение, а лицо, изрешеченное высокоскоростными пулями, и желтые зубы, скользкие от крови.

Нелепая картина, но она возвращалась ночь за ночью.

Причем ничего такого не происходило в тот вечер, когда застрелили Петти.

Ей позвонила ничего не понимающая, растерянная мать Петти, которой был семьдесят один год. Она сказала, что убили ее единственного ребенка, и в ее голосе прозвучала древняя боль. Уолт мертв. Мертв... Лили мысленно представила себе, как пожилая женщина стоит, склонившись над черным телефоном: ее тело дрожит, в морщинистой руке зажат платок, у нее за спиной на телевизоре лежат салфеточки, на стене изображение Христа. Лили даже уловила запах капусты и ржаного хлеба.

Пожилая женщина сказала, что Лили должна поехать в Беллвью, чтобы опознать Уолта.

«Рядом с вами есть полицейский?» — спросила Лили. «Да, есть. И отец Гомес. А еще едет мэр».

Лили поговорила с копом, попросила его позаботиться о Глории Петти, жене полицейского и матери полицейского. Последней, кто остался в живых в их семье. Затем, дрожа от страха и горя, поехала в Беллвью.

Там тоже не было никакой пьеты.

Всего лишь тело на залитой кровью каталке, восковое, мертвое, недавно привезенное с места убийства. Труп был завернут в несколько слоев пластика, словно кусок говядины, приготовленный для транспортировки. Профессиональным взглядом Лили заметила, что одна из пуль разорвала щеку, выставив на всеобщее обозрение зубы, — так будет выглядеть голый череп Петти. А еще она подумала о его наивной, счастливой улыбке. Улыбке, которая появлялась всякий раз, когда он видел Лили и радовался тому, что она рядом.

Она вспомнила день из их общего бруклинского детства. Им было лет по семь или по восемь. Поздняя осень, голубое небо, прохладный воздух, напоминание о приближающемся Дне всех святых. В их квартале росли тополя, листья которых постепенно становились красными. Лили болела и не ходила в школу, но мама разрешила ей вечером посидеть на крылечке.

Она увидела, как по улице мчится Уолт. Над головой он держал листок бумаги, трепещущий на ветру, а в глазах у него плескалась радость. Ее диктант, написанный накануне. Отличная оценка. Для Лили обычное дело, но Уолтер так искренне радовался за нее... Улыбка, светлые волосы, смазанные вазелином...

И вот чем все закончилось — окровавленными зубами.

— Это Уолтер Петти, — сказала она помощнику патологоанатома.

Возвратившись домой и переодеваясь, перед тем как ехать к матери Петти, Лили вспомнила про свой школьный ежегодник. Она сходила в гостиную, вытащила из встроенного шкафа коробку и нашла целых три снимка. Фотография Уолта в старшем классе: вечно взлохмаченные волосы, худое лицо, слегка ошеломленная улыбка.

Лили не выдержала и разрыдалась. Ее тело сотрясалось от спазмов, и она никак не могла остановиться. Ничего подобного с ней еще никогда не случалось. Наконец буря чувств утихла, оставив ее в тупом изнеможении. Она с трудом закончила одеваться и шагнула к двери.

И почувствовала запах Петти — Петти, лежащего в морге; ей в нос ударила вонь крови и мертвого тела. Она бегом вернулась в ванную комнату и принялась мыть лицо и руки, снова и снова.

Глубокой ночью, после душераздирающей встречи с Глорией Петти, Лили попыталась заснуть хотя бы на пару часов, и ей приснилось, как она сидит на мраморной скамье, у нее на коленях лежит растерзанное, изрешеченное пулями тело Уолтера Петти и из его разорванной щеки скалятся окровавленные зубы...

Петти умер.

— Господи. — Дэвенпорт не сводил с нее глаз. — Я не знал, что у тебя...

— Что? — Она попыталась улыбнуться. — Что я могу так глубоко чувствовать?

— Что у тебя были отношения, которые уходят так далеко в прошлое. Ты же знаешь про меня и Эллу Крюгер...

— Монахиню? Да, знаю. Как бы ты поступил, если бы кто-нибудь ее убил?

— Нашел бы того, кто это сделал, и расправился с ним, — тихо проговорил Лукас.

— Вот этого я и хочу, — кивнула Лили и посмотрела на него в упор.

День близился к вечеру, и солнце приобрело красный оттенок, затем стало зловеще-оранжевым. В воздухе повисла напряженная тишина, нарушаемая далекими раскатами грома. Приближалась гроза, та самая, что Дэвенпорт видел с крыши. Когда Лили только появилась, он сказал: «Ты выглядишь потрясающе». Она охладила его, коротко бросив: «Даже не начинай, Лукас». Но между ними возникло скрытое напряжение, и сейчас оно вырвалось на волю и последовало за ними, когда они перешли из кухни в гостиную.

Лили присела на диван, плотно соединив колени, порылась в сумочке, нашла упаковку мятных конфет «Сертс», высыпала пару штук на ладонь и отправила в рот.

— Ты кое-что изменил, — заметила она, оглядываясь по сторонам.

— Тень Любви все тут разгромил, — сказал Лукас, опустился на самый край кожаного кресла и наклонился к ней. — Кое-где пострадала проводка, пришлось заменить пол. Да еще штукатурка. Он стрелял из проклятого AR-пятнадцать и устроил настоящее побоище.

Лили отвернулась.

— Уолта убили из такого же оружия. AR-пятнадцать. В него выпустили всю обойму. Части тела разбросало по всему кварталу.

— Господи... — Не зная, что сказать, Лукас предпочел сменить тему. — А ты как? В порядке?

— Конечно, — ответила она и замолчала.

— В прошлый раз, когда я тебя видел, ты так мучилась угрызениями совести из-за мужа и детей...

— Все по-прежнему. Я имею в виду угрызения совести. Иногда становится так плохо, что меня начинает тошнить, — призналась Лили.

— Ты видишься с сыновьями?

— Не слишком часто, — грустно ответила она, отвернувшись. — Я пыталась, но всем от этого только хуже. Дэвид постоянно... Он ведет себя высокомерно. А мальчики винят меня за то, что я ушла.

— Ты хочешь вернуться?

Она покачала головой:

— Я его не люблю. И даже не испытываю к нему симпатии. Я смотрю на него, и все слова, которые он произносит, кажутся пустыми. Это странно, потому что раньше я считала его умным. Мы ходили на вечеринки, и он рассуждал про постъюнгианские теории расизма и классовой борьбы, а разные придурки стояли вокруг него и дружно кивали, словно собирали яблоки. А потом я шла на работу и видела отчет о том, что какой-то двенадцатилетний мальчишка застрелил собственную мать, потому что она не давала ему продать телевизор и купить крэк. Затем я возвращалась домой — и опять это пустословие. Я больше не могла его слушать. Как можно жить с человеком, которого ты не можешь слушать?

— Да, трудно, — проговорил Лукас. — А работа в полиции только делает все сложнее. Думаю, именно по этой причине я так много времени проводил с Дженнифер. Она была профессиональным мастером обмана и отлично знала, что почем. Она хорошо изучила улицы.

— Вот-вот...

— Так как же ты живешь теперь? — спросил он снова.

Лили неуверенно посмотрела на него, не то чтобы нервно, но с какой-то тревогой.

— Я не хотела сейчас об этом говорить... Сначала мне нужно заручиться твоим согласием. Ты поможешь нам?

— Кто-то новый? — спросил он так, будто это не имело значения.

— Ты поедешь со мной?

— Может быть. Значит, у тебя кто-то есть.

— В некотором смысле.

— В некотором смысле? Что это значит?

Лукас вскочил с кресла и прошелся по комнате. Он думал, что не злится, но выглядел раздраженным. Он включил телевизор и тут же его выключил, услышав, как кто-то вопит резким голосом: «Бей, Кирби-и-и!»

— Что значит «в некотором смысле»? Одна нога всегда должна стоять на полу? Ничего ниже пояса?

Лили рассмеялась:

— Ты меня развеселил, Дэвенпорт. Это просто глупо.

— Итак?

Он подошел к окну и выглянул на улицу. Серый грозовой фронт, расцвеченный розовыми сполохами, приближался к реке.

Лили пожала плечами и тоже посмотрела в окно.

— Да, я встречаюсь с одним человеком. Мы не начали искать квартиру, где могли бы поселиться вместе, но такой вариант витал в воздухе.

— Что же произошло?

— У него случился сердечный приступ.

Лукас минуту смотрел на нее, а потом сказал:

— И почему меня это не удивляет?

Она вымученно улыбнулась.

— На самом деле это совсем не смешно. Я боюсь. Он в ужасном состоянии.

— Полицейский?

— Да. — Улыбка погасла. — В чем-то он похож на тебя. Не в физическом смысле — он высокий, худощавый и седой. Но он работает... работал в отделе сбора информации и любит улицы. Он пишет для «Таймс» статьи о криминальной жизни города. У него самая лучшая сеть осведомителей в Нью-Йорке. А еще ему нравятся... ммм...

Она пыталась подобрать правильные слова.

— Темноволосые замужние женщины? — предположил Дэвенпорт, придвинувшись к ней.

— В общем, да, — не стала спорить она, и смущенная улыбка вернулась. — Но дело в том, что он любит... любил драки. Как ты. А теперь он не может пройти и дюжины шагов, чтобы не остановиться и отдышаться.

— Боже праведный! — Лукас провел рукой по волосам. Ему нередко снились кошмары о том, что он стал инвалидом. — А каковы прогнозы?

— Не слишком благоприятные. — В глазах Лили блеснули слезы, но она улыбнулась. — Вот черт. Я совсем не хочу плакать.

Она вытерла слезы костяшками пальцев.

— Это его третий приступ. Первый случился пять лет назад. Тогда все было очень плохо. Второй был через пару месяцев после первого и оказался не таким сильным.

Реабилитация шла успешно, мой друг почти поправился, начал работать. И тогда произошел третий приступ, самый тяжелый. Сердечная мышца сильно пострадала. Но он не желает оставлять службу. Доктора говорили ему, что он должен в течение года заниматься дозированными физическими упражнениями, не перетруждаться и избегать стрессов. Он не стал их слушать. И мне кажется, что он продолжает потихоньку курить. Я чувствую запах на его одежде и в волосах.

— Значит, он умрет.

— Скорее всего.

— Это не так плохо, — проговорил Лукас, откинувшись на спинку кресла и глядя на нее. Его голос прозвучал ровно и сдержанно. — Какого черта? Делай, что тебе хочется, а если суждено умереть, так тому и быть.

— Ты бы вел себя именно так?

— Надеюсь, — ответил он.

— Мужчины просто идиоты, — заявила Лили.

— И чем вы заменяете секс? — спросил Дэвенпорт после долгого молчания.

Она чуть было не рассмеялась, но сдержалась, встала и взяла сумку.

— Лучше я пойду. Скажи мне, что ты поедешь в Нью-Йорк.

— Ответь на мой вопрос, — сказал Лукас и невольно придвинулся к ней.

Лили заметила это, почувствовала напряжение.

— Мы... ведем себя очень осторожно, — ответила она. — Он не может позволить себе слишком увлекаться.

Лукас вдруг почувствовал, что в груди у него все сжалось — возникло ощущение, похожее на гнев и ожидание одновременно. Между ними словно пробежал электрический разряд, и его голос неожиданно прозвучал хрипло:

— Ты никогда не любила осторожничать.

— О господи, Лукас... — пробормотала Лили.

Он подошел к ней совсем близко.

— Оттолкни меня.

— Лукас...

— Оттолкни меня, — повторил он. — И я отойду.

Она сделала шаг назад, уронила сумку. По тротуару застучали первые капли дождя. Женщина с собакой на поводке пробежала мимо дома.

Бросив взгляд на свою сумку, Лили повернулась на каблуках, схватилась за рукав Лукаса, чтобы сохранить равновесие, затем скинула туфли и шагнула в коридор, ведущий в ванную комнату. Лукас смотрел ей вслед. На полпути она обернулась, взглянула на него своими темными глазами и начала расстегивать блузку.

Позже она сказала, что их занятия любовью порой напоминают ей сражение. В них был привкус насилия, налет агрессии. Сначала партнеры пытались вести себя друг с другом нежно, но быстро обо всем забывали и начинали извиваться, метаться, изгибаться...

Ночью, когда гроза с ревом отправилась в Висконсин, Лили сидела на краю кровати в комнате, пахнувшей потом и сексом. Она казалась усталой, но в уголках ее губ играла улыбка.

— Я такая мерзавка! — сказала она.

— О господи! — рассмеялся Лукас.

— Это правда, — проговорила Лили. — Не могу поверить. Я так долго была хорошей.

Но мне это необходимо. Дело не в близости — в этом вопросе ты похож на медведя. Мне нужен секс. Нужно, чтобы меня имели. Правда, не могу поверить, что это я.

— Когда ты пришла сюда, ты знала, что пересподишь со мной? — спросил Лукас.

Несколько мгновений Лили не шевелилась.

— Я думала, что это может произойти. Поэтому сначала поехала в отель и сняла номер. На случай, если мне кто-нибудь позвонит.

Он провел пальцем по ее позвоночнику, и она вздрогнула. Лили собиралась вернуться в отель на случай, если «кто-нибудь» позвонит...

— Тот парень, с которым ты спишь, он и есть «кто-нибудь»?

— Да.

— Что ты ему скажешь?

— Ничего. Я не хочу, чтобы он узнал. — Лили повернулась к нему. — И ты тоже ему ничего не говори, Дэвенпорт.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Лукас. — Разве я его когда-нибудь встречу?

— Его зовут Дик Кеннет. — В приглушенном свете спальни он заметил едва различимую грустную улыбку, снова появившуюся в уголках ее губ. — Он занимается делом Беккера.

Ранним утром Лукас шагал по Тридцать пятой улице, посасывая половинку апельсина. Он впитывал атмосферу Нью-Йорка: смотрел на лица и витрины, за которыми работники расставляли вешалки с новой одеждой, на спящих бездомных, завернувшихся в одеяла и похожих на выброшенные окурки.

Лимонная кислота покалывала язык и служила лекарством от почти бессонной ночи. Где-то посреди квартала Лукас остановился перед парковочным гаражом, оторвал остатки мякоти зубами и выбросил шкурку в выдавшую виды урну.

Южный участок Мидтауна, расположенный на другой стороне улицы, отдаленно напоминал школьное здание пятидесятых годов где-нибудь на Среднем Западе, массивное, функциональное, слегка обветшавшее. Наискосок от входа стояли шесть полицейских автомобилей и мотороллер «кушман». Еще четыре машины пристроились во втором ряду чуть дальше по улице. Когда Лукас остановился около урны, чтобы выбросить остатки апельсина, к зданию подкатил серый «плимут». С пассажирского места вышел худой седовласый человек, сказал что-то водителю, рассмеялся и закрыл дверцу.

Дэвенпорт заметил, что мужчина не захлопнул ее, а осторожно прикрыл. Он поднял глаза, заметил Лукаса, взглянул на него пристальнее, а затем не спеша повернулся к зданию участка. Пальцы его левой руки скользнули под яркий галстук, и он рассеянно потер грудь в области сердца.

Лукас перебежал на другую сторону, огибая машины, и пошел за незнакомцем к входной двери. Лили говорила, что Кеннет высокий и седой, а еще постоянно держит руку у сердца — бессознательный жест...

— Вы Дик Кеннет? — спросил Дэвенпорт.

Мужчина повернулся, и Лукас заметил, что у него холодные, внимательные глаза.

— Да, — ответил мужчина, присмотрелся и уточнил: — Дэвенпорт? Я так и подумал, что это вы. Да, я Кеннет, — представился он, протягивая руку.

Он оказался на два дюйма выше Лукаса, но на двадцать фунтов легче. Волосы у него были чуть длиннее, чем обычно носят полицейские, а бежевый летний костюм сидел безупречно. Голубые глаза, ослепительно-белые зубы на фоне, казалось бы, вечного загара, классическая рубашка в голубую полоску и возмутительно яркий галстук делали его похожим на врача, играющего в скрэтч-гольф или в теннис в каком-нибудь дорогом клубе, художавого, серьезного, сосредоточенного. Но под загаром угадывалась серая бледность, а под тонкой кожей резко выступали скулы. Лукас заметил шрамы — результат болезненных травм, какие боксер получает на ринге или полицейский на улице. Коп, любящий подраться.

— Лили кое-что мне о вас рассказала, — начал Лукас, когда они обменялись рукопожатием.

— Не верьте, — ухмыльнулся Кеннет.

— Господи, надеюсь, что это так, — сказал Лукас и уставился на галстук Кеннета, на котором была изображена полинезийка с обнаженной грудью, а на заднем плане красовалась еще одна женщина. — Красивый галстук.

— Гоген, — проговорил Кеннет, с гордостью взглянув на галстук.

— Что?

— Поль Гоген, французский художник.

— Я не знал, что он придумывал галстуки, — засомневался Лукас.

— Придумывал, вместе с Кристианом Диором, они как братья, — сообщил ему Кеннет и ослепительно улыбнулся.

Лукас кивнул. Они направились к двери, и Лукас ее придержал.

— Ненавижу, когда мне открывают дверь, — проворчал Кеннет, проходя внутрь.

— Да, но разве тебе хочется, чтобы на твоём надгробном камне было высечено: «Умер, открывая дверь»?

Кеннет рассмеялся. Это был легкий, открытый смех, который понравился Лукасу, но он подумал: «Берегись. Некоторые люди умеют заставить тебя испытывать к ним симпатию. Это талант».

— Я могу умереть, открывая банку с пивом, если бы мне разрешили пить его, но мне не позволяют, — неожиданно став серьезным, проговорил Кеннет. — Проклятье, надеюсь, с тобой ничего такого не произойдет. Принимай аспирин. Прекрати есть стейк и яйца. Молись о том, чтобы у тебя произошло кровоизлияние в мозг. Проблемы с сердцем превращают человека в труса. Ты ходишь и слушаешь, как оно бьется, боишься, что остановится. И становишься слабым. Если какой-нибудь придурок захочет меня ограбить, мне придется отдать ему все, что у меня есть.

— Я не хочу про это слышать, — сказал Лукас.

— Я не хочу про это говорить, но все равно постоянно говорю, — ответил Кеннет. — Готов познакомиться с ребятами?

— Да, конечно.

Лукас прошел за Кеннетом через вестибюль и подождал, пока дежурный сержант нажимал на кнопку, чтобы открыть им вход в заднюю часть здания. Кеннет провел его в конференц-зал, на двери которого был прикреплен скотчем листок из блокнота с надписью: «Следственная группа Кеннета». На стенах висели четыре пробковые доски с записками, бланками запросов, картами Манхэттена и номерами телефонов. Кроме того, здесь имелись пара длинных столов и дюжина пластиковых стульев. В центре комнаты стояли двое: коренастый, обгоревший на солнце полицейский в белой рубашке и худой детектив в спортивной куртке и с некрасивым лицом. Они держали в руках одноразовые стаканчики с кофе и громко ругались.

— ...твой парни перестали просиживать свои поганые штаны, мы могли бы получить какой-нибудь результат. Вот что выводит нас из себя: никто не хочет выходить на улицу, потому что там жарко, чтоб вас разорвало. Мы знаем, что он принимает эту дрянь, и он должен ее где-то брать!

— Конечно, но не я тот идиот, что объявил во всеуслышание, будто мы поймаем его через неделю. Это была чистой воды безумие, Джек. Насколько нам известно, он покупает наркотики в Джерси или в чертовом Филли.^[5] Так что не нужно на меня наезжать!

Полдюжины полицейских в тонких рубашках с коротким рукавом и джинсах-варенках, к ремням которых было пристегнуто оружие, наблюдали за перепалкой. Все сидели на пластиковых стульях, расставленных на ковре, какие обычно лежат на полу в учреждениях. Четверо держали в руках стаканчики с кофе, двое или трое курили, стряхивая пепел в плоские алюминиевые пепельницы. Одна забытая сигарета продолжала гореть, и ее запах был таким же отвратительным, как скрежет ногтя по школьной доске.

— Что здесь происходит? — спокойно спросил Кеннет, входя в комнату.

Спор тут же прекратился.

— Мы обсуждаем стратегию, — сердито ответил загорелый коп.

— Пришли к чему-нибудь? — спросил Кеннет, вежливо, но властно принимая командование на себя.

Полицейский покачал головой и отвернулся.

— Нет.

Лукас нашел себе стул в глубине комнаты, и остальные начали открыто, с настороженным вниманием разглядывать его.

— Это Лукас Дэвенпорт из Миннеаполиса, — слегка рассеянно представил гостя Кеннет, затем взял картонную папку со своим именем на обложке и принялся просматривать подшитые в нее бумаги. — Сегодня утром он встретится с представителями прессы, а днем отправится на улицы города. Вместе с Фелл.

— Как вы могли допустить, чтобы этот сукин сын Беккер сбежал? — спросил загорелый полицейский.

— Я тут ни при чем, — спокойно ответил Дэвенпорт.

— Тебе следовало его пристрелить, когда у тебя была такая возможность, — заявил другой, с некрасивым лицом.

— Я об этом думал, — ответил Лукас, лениво уставился на него и смотрел до тех пор, пока тот не отвел глаза.

Кто-то рассмеялся, а кто-то выкрикнул:

— Надо было его прикончить!

— Ты все равно забудешь, Дэвенпорт, — сказал Кеннет, — но давай я тебя познакомлю с ребятами: лейтенанты Кун, Уэрта, Уайт, Диас, Блейк и Картер, а также детективы Аннелли и Кейс, специалисты по серийным убийцам. Имена ты сам узнаешь, позднее.

Копы поднимали руки и кивали, когда Кеннет называл их фамилии. Лукас подумал, что они мало чем отличаются от полицейских Миннеаполиса. Другие имена, но манеры те же. Похоже на собрание страдающих паранойей продавцов обуви: слишком маленькая зарплата, годы на гамбургерах, картошке фри и шоколадно-арахисовых «пальчиках», [\[6\]](#) слишком много людей с большими ногами, пытающихся втиснуться в крошечные ботинки.

В комнату вошла рыжеволосая женщина, держа в руках несколько папок, и Кеннет добавил:

— А это Барб Фелл. Барб, это Лукас Дэвенпорт сидит там в шелковом пиджаке который, похоже, стоит пятьсот долларов, и ботинках за двести.

Фелл была стройной женщиной немного за тридцать, с едва заметной сединой в рыжих волосах, со старым шрамом в форме полумесяца в уголке крупного рта, выделявшимся на бледном валлийском лице словно белая запятая. Фелл села рядом с Лукасом на край стула, быстро пожала ему руку и повернулась к остальным.

— Джон О'Делл собирался прийти, хочет присутствовать, — сообщил Кеннету один из полицейских.

Тот кивнул, поставил стул лицом к коллегам и спросил:

— У кого-нибудь есть новости?

На мгновение воцарилась тишина. Первым заговорил Диас, худощавый детектив, один из лейтенантов:

— Примерно тогда же, когда здесь, возможно, объявился Беккер, пропала машина. Трехмесячная. Новенький «шевроле каприс». Пуф — и исчез! Украл, пока водитель отошел отлить.

Кеннет приподнял брови.

— И машину больше не видели?

— Насколько нам известно, нет. Но...

— Что?

— Один из ребят проверял. Водитель ничего не знает. Он вошел в бар и направился в туалет, затем вышел, а машины нет. Но она побывала в двух авариях, и хозяин говорит, что это просто куча хлама. Трансмиссия полетела, что-то не то с подвеской, передняя пассажирская дверь такая тугая, что ее почти невозможно открыть. Бьюсь об заклад, что эта развалина лежит где-нибудь на дне реки. Все ради страховки.

Кеннет кивнул, но сказал:

— Займитесь этим, у нас все равно больше ничего нет. — Он оглядел собравшихся. — Наблюдение за Ласки ничего не дало?

— Вообще ничего, — ответил другой лейтенант.

— Хм...

Лукас поднял палец, и Кеннет ему кивнул.

— Лили рассказала мне про Ласки, и я много об этом думал.

Полицейские, сидящие в передней части комнаты, повернулись к нему.

— И что? — спросил Кеннет.

— Мне не кажется, что Беккер захочет им заняться. Он отнесется к нему как к коллеге с неправильным образом мышления, а не как к жертве. Возможно, вступит с ним в дебаты. Ласки занимает равное с ним положение, и Беккер не станет рассматривать его как подопытного кролика.

— У нас больше ничего нет, — рявкнул загорелый Картер. — Да и вообще это звучит глупо.

— А по-моему, это отличная идея, — возразил Лукас.

Ласки был патологоанатомом из Колумбийского университета, который согласился проанализировать медицинские работы Беккера для средств массовой информации. Он разгромил статьи Беккера, раскритиковал их научный и моральный аспект, назвал автора садистом и психически больным человеком, а также научным идиотом, — все это было рассчитано на то, чтобы выманить преступника. За Ласки, его квартирой и офисом следило множество полицейских в штатском. Но Беккер пока так и не попался в ловушку.

— Вот почему я об этом много думал. О самых разных вариантах.

— Например, о каких? — спросил Кеннет.

— В Городах-близнецах Беккер подписывался на «Таймс», и я уверен, что здесь он тоже читает эту газету. Если бы мы могли организовать лекцию, какой-нибудь профессиональный доклад, чтобы выманить его...

— Не дразни меня, милый, — проговорил Кеннет.

— У нас один тип читал лекцию о медицинских экспериментах доктора Менгеле, — продолжал Лукас. — Ну, знаете, того нацистского извращенца...

— Мы знаем.

— Так вот, хорошо бы найти кого-то, кто прочитал бы доклад об этичности применения результатов экспериментов Менгеле и Беккера. Какую пользу можно извлечь из их так называемых исследований. И дать в «Таймс» объявление о лекции.

Копы начали переглядываться, и Уэрта сказал:

— Господи Иисусе, приятель, половина населения нашего проклятого города — евреи.

Они такое устроят...

— Послушайте, я не имею в виду никакого антисемитизма, — настаивал на своем Дэвенпорт. — Это должно быть мягкое, интеллектуальное, чисто теоретическое рассуждение. Я читал дебаты об этической стороне использования данных Менгеле, так что материал, на котором можно построить выступление, есть. Все вполне законно. Может быть, удастся найти еврея в качестве лектора, чтобы никто не начал скандалить. Кого-то с серьезными регалиями.

— Ты думаешь, это сработает? — спросил Кеннет, явно заинтересовавшийся предложением Лукаса.

— Беккер не сможет удержаться, если узнает о таком мероприятии. Он помешан на этой теме. Возможно, нам удастся организовать дебаты нашего лектора с Ласки. Что-нибудь такое, чтобы это попало в газеты.

Кеннет взглянул на своих коллег.

— Что вы думаете?

Картер неуверенно кивнул и спросил:

— Ты сумеешь это устроить?

Кеннет кивнул в ответ.

— Кто-нибудь сумеет. Возможно, О'Делл. Мы пригласим сотрудника Новой школы. ^[7] Мы знаем, что Беккер где-то там.

— Звучит разумно, — сказал Уэрта. — Но потребуется время, чтобы это организовать.

— Два или три дня, — уточнил Кеннет. — Максимум неделя.

— А если мы поймем его к этому времени...

— Значит, отменим доклад. Это как с Ласки. Я не вижу причин, почему бы нам не провести такое мероприятие, к тому же это просто, — сказал Кеннет и кивнул Лукасу. — Я этим займусь.

— Не откладывайте.

— Хорошо. — Кеннет окинул взглядом комнату. — Ладно, давайте обсудим новости. Джон, что удалось узнать в отделе по борьбе с наркотиками?

— Мы прижали всех, но ничего выловить не удалось, — доложил Блейк. — Много всего, пытаемся разобраться...

Пока они обсуждали следствие и рутинные задания, Фелл прошептала Лукасу:

— Твое интервью подготовлено. Двое репортеров уже здесь, трое или четверо в пути.

Дэвенпорт кивнул, но в тот момент, когда она хотела добавить что-то еще, ее взгляд переместился на дверь. В комнату, задев дверной косяк, вразвалочку вошел толстый мужчина. Его маленькие глазки внимательно осмотрели помещение, скользнули по детективам, остановились на Лукасе, потом на Фелл. Человек был похож на Г. Л. Менкена ^[8] в поздние годы. Паутина вен пересекала серые щеки, редящие рыжие волосы были зачесаны назад и смазаны каким-то маслом. Челюсти подчеркивала красная выступающая нижняя губа, придававшая ему вечно надутый вид. Цвет его костюма-тройки можно было бы с некоторой смелостью определить как «бычья кровь».

— О'Делл, — прошептала Фелл на ухо Лукасу. — Заместитель начальника полиции, в чью обязанность входит перерезать всем глотки.

Следом за О'Деллом в комнату вошла Лили, нашла глазами Дэвенпорта, кивнула и приподняла брови. Она была в сшитом на заказ темно-синем костюме и длинном мужском галстуке красного цвета, завязанном свободным виндзорским узлом. На плече у нее висела

тяжелая полицейская сумка, которую она слегка придерживала за ремень. Сдвинув руку на четыре дюйма, она могла бы ухватиться за рукоять пистолета сорок пятого калибра. Лукас однажды видел, как она из него выстрелила — направила ствол в лицо человека и спустила курок. Лицо превратилось в кровавое месиво, словно по нему ударили молотком, — и все это заняло у нее десять секунд.

Лили взяла О'Делла под локоть, довела его до стула, затем прошла через комнату и села рядом с Лукасом.

— Успел поговорить с Диком? — спросила она.

— Да. Он мне показался хорошим парнем...

Она взглянула на него, словно проверяя, не шутит ли он, затем кивнула и отвернулась.

О'Делл объявил собравшимся в комнате полицейским, что он знает, как продвигается расследование, и не имеет ни малейшего представления, как действовать дальше. Он просто хочет посидеть с ними, чтобы почувствовать их настроение.

— А как насчет приманки? — спросил он. — Кое-кто из центра предложил отправить несколько человек на улицы.

Некоторое время все размышляли по этому поводу, пытаясь придумать хоть что-нибудь, но в конце концов Кеннет покачал головой.

— Слишком большая территория.

Он подошел к большой карте Манхэттена и провел пальцем от Центрального парка до района, где были расположены финансовые учреждения.

— Если бы он напал на определенный контингент, например проституток или голубых, тогда, возможно, это сработало бы. Но между жертвами нет никакой связи. Есть, правда, кое-что, чего Беккер не делает. Он не трогает бродяг, хотя они как раз самая легкая добыча.

— Возможно, он специально выбирает жертвы, которые выглядят здоровыми, — предположил Кейс, один из специалистов по серийным убийцам. — Мы с Дэнни обсуждали его теории и решили, что он отмечает тех, кто выглядит слишком необычно, больных или слабых. Видимо, считает, что результат опыта будет не чистым. Отчеты экспертов практически одинаковы: убитые им люди были здоровы.

— Ясно, — сказал Кеннет. — Итак, он убил семь человек: пятерых женщин, двух мужчин, одного черного и шесть белых. Двое были латиноамериканцами, но, судя по всему, это ничего не значит.

— Они все не слишком крупные, кроме первого, — заметил Кун. — Второй был всего пять футов и шесть дюймов ростом и довольно худой.

— Чтобы было легче избавляться от тел, — проворчал Уэрта.

Все дружно закивали и снова надолго замолчали, разглядывая карту Манхэттена.

— Наверняка у него есть машина, — сказал один из копов. — Если он не может допустить, чтобы его увидели, и ему нужны деньги на наркотики, а также место, где он убивает людей... — Он посмотрел на Лукаса. — Какова вероятность того, что ему удалось где-то спрятать деньги? Беккер был совсем не бедным человеком. Он мог их закопать?

Дэвенпорт покачал головой.

— Когда мы его взяли, для него это стало неожиданностью. Он чувствовал себя в полной безопасности. Когда отчет о состоянии его жены был представлен в суде, там были учтены все их деньги.

— Ладно, глупая идея.

— Мне кажется, кто-то ему помогает, — сказал Лукас. — Старый или новый друг.

Кеннет кивнул.

— Мне такая мысль тоже пришла в голову, но если это так, мы ничего не можем сделать.

— Стоит попытаться воздействовать на его друга, снова прибегнув к помощи СМИ, — предложил Дэвенпорт. — Если он от кого-то зависит...

О'Делл, который с трудом устроился на ненадежном складном стуле, перебил его:

— Подождите, подождите. Что-то я вас, ребята, не понимаю. С чего мы взяли, что у него есть друг?

— Мы наводнили город фотографиями Беккера и предположительными изображениями его внешности на случай, если он выкрасил волосы, отрастил бороду или побрился наголо, — сказал Кеннет. — И это не просто фотороботы, а серьезная работа, проделанная со снимками хорошего качества.

— Да-да, — нетерпеливо проговорил заместитель начальника.

— Так что, если только он не стал невидимкой или не поселился в канализации, вероятно, кто-то его укрывает, — заговорил Лукас, подхватив мысль Кеннета. — Он не мог где-то снять жилье, за это нужно платить, и кроме того, его бы постоянно видели соседи. А он не станет рисковать и встречаться с ними или с домовладельцем.

— Это значит, что он живет с кем-то или на улице, — проговорил Кеннет.

— Беккер не живет на улице, — уверенно сказал Лукас. — Я не могу себе представить его в таком положении. Он просто не станет этого делать. Он... слишком привередливый. Кроме того, ему необходима машина. Вряд ли он вызывает такси, чтобы перевозить трупы.

— Если только сам не является водителем такси, — заметил Уэрта.

— Сомнительно, — возразил Диас, качая головой. — Мы займемся той, украденной...

— И это тоже довольно рискованно для него, — сказал Лукас.

— Да, но зато дает ответы на кучу вопросов: как он обеспечивает перевозку, как добывает деньги и при этом умудряется не показывать свое лицо, — возразил Кеннет. — Если Беккер работает пару часов ночью и выбирает определенные маршруты — туристические районы или места, где проводятся разные мероприятия, например конференц-центр Джейвица и тому подобное, — тогда он по большей части имеет дело с приезжими, и это объясняет, как к нему попал Кортес. Люди доверяют таксистам. Например, Беккер делает вид, что ему нужно доставить посылку, выходит из машины и спрашивает адрес.

— Не знаю... — протянул Дэвенпорт.

Все снова какое-то время рассматривали карту. Слишком большой город. В одном здании порой живет столько же человек, сколько составляет население двух или трех маленьких городков.

— Но мне кажется, что ты, пожалуй, прав и он у кого-то живет, — сказал Кеннет. — Как он добывает деньги...

— Беккер многое умеет, — перебил его Лукас. — Он дипломированный врач, знает химию. А хороший химик...

— Метедрин, — подхватил Уайт, лысый коп в серых трикотажных слаксах. — Экстези. ЛСД. Все вернулось. Прямо как в старые добрые времена.

— Кстати, это отличная причина, чтобы его прятать, — заметил Кун. — Он может быть дойной коровой.

— Если предположить, что все это не ваши фантазии, какой можно сделать вывод? — нетерпеливо спросил О'Делл.

— Будем искать способ надавить на того, с кем он живет или кто его прячет, — ответил Лукас. — И нам нужен серьезный контакт со средствами массовой информации.

— Зачем? — осведомился заместитель начальника.

— Затем, что нам необходимо их расшевелить. Заставить поднять шумиху, которая нам поможет. Чтобы они начали повторять, что тот, кто укрывает Беккера, является соучастником совершенных им убийств. Нужны броские заголовки, кричащие об этом. И о том, что единственный шанс для соучастника — сдать Беккера, поклясться в неведении и получить отпущение грехов. Нужно выгнать его из норы.

— Я могу кое-кому позвонить, — сказал О'Делл.

— Нужно, чтобы они правильно расставили акценты.

— Мы сможем придумать, как это сделать, — проговорил О'Делл. — Ваша встреча с журналистами, намеченная на утро, состоится?

— Да.

— Тогда подбросьте им парочку мыслей на этот счет.

Когда совещание закончилось, О'Делл задумчиво качнулся на своем стуле, наклонился к Лукасу и сказал:

— Мы бы хотели присутствовать на пресс-конференции. Я и Лили.

— Конечно, — ответил тот.

Заместитель начальника кивнул и направился к выходу, а Лукас повернулся к Фелл.

— Мы сегодня будем выходить в город?

— Да. Нам поручили заняться скупщиками краденого, — ответила она.

У нее были серые глаза, гармонирующие с легкой сединой в волосах, рост примерно пять футов и шесть дюймов, слегка грустная улыбка и желтые от никотина пальцы.

— Я могу получить копии распечаток всего, что у вас есть на Беккера, и посмотреть то, что нельзя скопировать?

— Все здесь, — ответила Фелл и похлопала по стопке папок из плотной бумаги, лежащих у нее на коленях.

О'Делл, который стоял у двери и разговаривал с Кеннетом, крикнул:

— Дэвенпорт!

Лукас встал и подошел к нему.

— Дик рассказал мне про вашу идею насчет лекции о Менгеле. Я сегодня кое-кому позвоню и организую ее. Скажем, на следующей неделе. Сделаем вид, будто она уже давно планировалась.

— Хорошо, — кивнул Лукас.

— Встретимся в холле, — сказал О'Делл, собираясь уходить. — Мне нужно отлить.

Разговаривая с заместителем начальника, Лукас заметил краем глаза, как у Кеннета дернулись губы. Признак отвращения? Когда О'Делл ушел, Лукас посмотрел на Кеннета и спросил:

— За что ты его не любишь?

Неприязнь, промелькнувшая на лице Кеннета, мгновенно исчезла. Он внимательно взглянул на Дэвенпорта и проговорил:

— Потому что он не делает ничего полезного, только болтает, и все. Маневры. Манипуляции. Он похож на свинью, но он вовсе не свинья. Он мерзкий паук. Если у него

будет выбор между тем, сказать ли правду или солгать, он совет, потому что так интереснее. Вот почему.

— Это вполне уважительная причина, чтобы его не любить, — ответил Лукас, глядя вслед О'Деллу. — Но похоже, Лили он нравится.

— Вот этого я никак не могу понять, — сказал Кеннет.

Оба посмотрели в сторону Лили, которая разговаривала с Фелл.

— Кстати, насчет свинопаука... Я доверился тебе. Если он узнает, что я так думаю, тут же отправит меня регулировать движение у парковочного гаража.

— Это вряд ли, — возразил Дэвенпорт: уравнения власти были не такими простыми.

Кеннет улыбнулся.

— Точно. Вряд ли. Но эта задница может доставить кучу проблем.

Оба смотрели на Лили, и когда она кивком показала в сторону холла, Лукас направился к двери.

— Ты идешь? — крикнул он Фелл.

Она подняла голову от раскрытой папки.

— А я приглашена?

— Естественно. Только будь осторожна...

Их уже ждали представители трех газет и двух телевизионных каналов с камерами наготове. Репортеры были в хорошем расположении духа, шутили с Дэвенпортом, болтали друг с другом, обсуждая проблемы своих изданий. Они не слишком беспокоились по поводу будущих статей. Вопросы были простыми и ненавязчивыми, в основном касались ловушки, которую Лукас устроил для Беккера в Миннеаполисе, а также личности преступника.

— Последний вопрос, — сказал один из телевизионщиков, когда интервью подходило к концу. — Времени у нас будет немного. Вы знаете Майкла Беккера. Даже были у него в гостях дома. Как вы его охарактеризуете, основываясь на личном знакомстве? Его называют животным.

— Назвать Беккера животным — это оскорбление для животных, — ответил Лукас. — Беккер — чудовище. Это единственное слово, которое приходит мне в голову и лишь до определенной степени его характеризует. Он настоящий урод из реалити-шоу про психов.

— Замечательно, — сказала журналистка с телевидения, нервная блондинка в форменном голубом блейзере. Повернувшись к оператору, она спросила: — Как картинка?

— Неплохо, подойдет. Давай снимем с другой стороны, чтобы была видна твоя реакция.

Когда журналисты ушли, О'Делл, который сидел на складном стуле, расставив ноги, как все тучные люди, одобрительно кивнул.

— Все хорошо. Вы сказали, что Беккер умен и его трудно поймать, но мы делаем все, что в наших силах. — Он пару раз втянул и вытянул толстые губы. — Блондинка правильно говорит: замечательно.

Шестую авеню окутал тропический зной. Небо было розовым из-за грязной дымки, которая поднималась от раскаленного асфальта, и волны жара создавали впечатление, что фонарные столбы вибрируют, словно исполняют танец живота. Фелл маневрировала на побитом «плимуте» между такси, высунув одну руку с сигаретой без фильтра в окно. Из ее собственного приемника, стоявшего на заднем сиденье, звучал старый добрый рок-н-ролл. Группа «Doors», «Light My Fire».

— Нет денег, чтобы починить кондиционер, — говорила она, — но зато у нас три компьютерных терминала, чтобы мы писали еще больше разных бумажек. К тому же эта техника даже не новая, ее отремонтировали и отдали нам.

Рядом с ними двигались желтые такси, из окон со стороны водителей торчали черные и смуглые руки, а более бледные пассажиры развалились на задних сиденьях, млея от жары.

— Почему скупщики краденого? — спросил Дэвенпорт.

В их задачу входило искать скупщиков. Лукасу сказали, что Фелл специализируется на кражах со взломом и хищениях на предприятиях, а работает в индустриальном районе Манхэттена.

— Потому что Кеннет читал одну из безумных статей Беккера и пришел к выводу, что тот снимал показания, которые можно получить, только имея специальную медицинскую аппаратуру. В другом опыте говорится о кровяном давлении, измеренном при помощи катетера, подсоединенного к лучевой артерии. Для таких вещей требуются соответствующие приборы.

— Вы проверили фирмы, занимающиеся продажей медицинского оборудования?

— Да, по всей Северной Америке, а также европейских и японских поставщиков. Пустышка. Спрашивали в больницах, не пропадали ли у них приборы, и тоже ничего не нашли. Но он должен был где-то их взять. Двое наших ребят сейчас занимаются более мелкими компаниями.

Они остановились на светофоре. На тротуаре продавец фруктов сидел на пластмассовом садовом стуле, положив на лоб мокрую тряпку, и снимал завивающуюся колечками кожуру с красного яблока при помощи ножа с тонким лезвием и перламутровой ручкой. Мимо него медленно проществовал короткошерстный полосатый кот. Он остановился на мгновение, чтобы посмотреть на свисающую кожуру, затем прыгнул в канаву, в последний раз оглянувшись на залитый дневным светом мир и скрылся в канализации. Все, что угодно, только не этот зной.

— Какая-то ненормальная жара, даже ночью температура не падает. Вот тогда начинают происходить диковинные вещи, — заговорила Фелл, промчавшись через перекресток. — Однажды я получила вызов: ПР засунул голову жены...

— Кто?

— Пуэрториканец. Так вот, этот мерзавец засунул голову своей жены в унитаз, и она утонула. Он сказал, что было ужасно жарко, а женщина не желала затыкаться.

Они ехали мимо пункта обналичивания чеков, мимо мексиканского и индийского ресторанов, мимо гастрономов и вонючего киоска, где продавали сосиски с квашеной капустой. По улице шли прохожие с красными точками на лбу, в ермолках, в футболках со смешными надписями вроде «Не пукать», мимо бродяг и типов, косящих под мафиози, в

черных очках и костюмах за девятьсот долларов с пузырящимися на коленях брюками и лоснящимися лацканами пиджаков.

Лукас заметил полную женщину в футболке с силуэтом пистолета сорок пятого калибра на груди. Стрелка, какие рисуют на газетных картах, указывала на дуло и была снабжена подписью: «Официальная карта Нью-Йорка. Вы находитесь здесь».

— Вон там Лонни, — сказала Фелл и подъехала к обочине.

Такси у нее за спиной принялось громко сигналить, но она, не обращая на это внимания, выбралась из машины.

— Эй, какого черта!..

Фелл изобразила указательным и большим пальцами пистолет и наставила его на водителя, затем спустила курок и двинулась дальше.

Лонни сидел на перевернутом пластмассовом ящике из-под бутылок, в ухо у него был вставлен наушник от плеера, и он тряс головой в такт звукам, которые из него доносились. Он смотрел в другую сторону, когда Фелл подошла к нему и стукнула по ящику носком туфли. Мужчина отпрянул, поднял голову и вытащил наушник.

— Эй...

Лукас встал с другой стороны, так что бежать ему было некуда.

— В понедельник ты продал триста шприцев для подкожных инъекций Алу Кунслеру, — сказала Фелл. — Мы хотим знать, где ты их взял и что еще у тебя есть из медицинского оборудования.

— Я ничего об этом не знаю, — заявил Лонни.

Вокруг бровей у него белели шрамы, а нос, похоже, был не раз сломан.

— Да ладно, Лонни. Нам все известно, и мне нет до этого никакого дела, — нетерпеливо сказала Фелл. На лбу у нее выступили капельки пота от жары. — Будешь морочить нам голову — мы тебя заберем. Ответишь на вопрос — и мы уедем. Поверь, тебе совсем ни к чему впутываться в это дело.

— Да? А что происходит?

Торговец приподнялся, собираясь встать, но Лукас положил ему руку на плечо, и он снова сел на ящик.

— Мы ищем того психа, Беккера. Он где-то добывает медицинское оборудование. Нас интересует, кто его достает. Ты знаешь по крайней мере одного...

— Я ничего не знаю про этого Беккера, — промямлил Лонни.

— В таком случае говори, где ты их взял? — спросил Дэвенпорт.

Торговец огляделся по сторонам, словно проверяя, не наблюдает ли кто-нибудь за ними.

— В Атлантик-Сити. У одного типа в мотеле.

— А к нему как они попали? — поинтересовался Лукас.

— Мне-то откуда знать? Может, с побережья?

— Лонни, Лонни... — укоризненно сказала Фелл.

— Послушайте, я поехал в Атлантик-Сити, чтобы проверить там пару честных сделок. Вы же знаете, что здесь это больше невозможно...

— Продолжай.

— И в мотеле познакомился с парнем, который сказал, что у него есть товар. Я спросил: «Что у тебя?» А он ответил: «Все, что душе угодно». Так и оказалось. У него был, наверное, миллион комплектов инструментов, детали для компьютеров и телевизоров, кожаные дорожные сумки, ремни и костюмы и всякого другого дерьма навалом, а еще иголки.

— На какой машине он ездит? — спросил Дэвенпорт.

— На «кадиллаке».

— Новом?

— Не-е-е, старом. Такой здоровый «кадиллак», зеленый, с белой крышей.

— Как ты думаешь, он все еще там?

Лонни пожал плечами.

— Может, и там. Мне показалось, что он болтается в тех краях уже некоторое время. Там были девчонки, он устроил с ними вечеринку, так вот, они вели себя так, будто хорошо его знают...

Они опросили еще около полдюжины мелких скупщиков краденого. Каждые полчаса Фелл находила телефон-автомат и звонила.

— Никто не отвечает?

— Никто не отвечает, — кивала она, и они отправлялись искать очередных скупщиков.

«Настоящий ковбой в юбке», — подумал Лукас, наблюдая за тем, как Фелл ведет машину. Но она родилась не в то время и не в том месте, а именно в Бронксе. Ей гораздо больше подошло бы жить в Дакоте или Монтане: стройная фигура с широкими плечами, лицо с высокими скулами, вьющиеся рыжие волосы, удерживаемые заколками. Шрам в углу рта.

Она рассказала ему, что ее ударили бутылкой с отбитым горлышком, когда она еще патрулировала улицы.

— Вот что получаешь, когда мешаешь двум придуркам прикончить друг друга.

Малышка Заляцки, до того как у нее выпали все зубы, возможно, действительно была малышкой. Она покачала головой и улыбнулась Лукасу беззубым ртом.

— Я ничего не знаю про ваше медицинское дерьмо, — заявила она. — Пару недель назад я достала триста упаковок подгузников, вот вам и вся медицина. «Хаггис» хорошо продается. Иди с ними в Гарлем и торгуй на каком-нибудь углу, и все дела... — Она щелкнула пальцами. — Но больничное оборудование... кто знает?

— Солнце садится, — заметила Фелл, когда они снова вышли на улицу.

Лукас посмотрел на небо: пыльное солнце зависло над западными районами города.

— И все равно жарко.

— Подожди, когда наступит август. Вот тогда будет действительно жарко. Это еще ничего... Мне нужно позвонить.

Чуть впереди лысый мужчина в джинсовой куртке повернулся лицом к зданию, уперся ладонью в стену и начал мочиться. Лукас дождался, когда он закончит, заставил себя успокоиться и зашагал дальше по улице. Никаких проблем.

— Он дома. Телефон занят, — сказала Фелл, вернувшись.

В наступающих сумерках они полчаса ехали по городу через район прибрежных складов. Наконец Фелл сбросила скорость, круто развернулась и ударилась правыми колесами о поребрик. Она заглушила двигатель, положила приемник на пол у заднего сиденья, вытащила из-под него табличку с надписью «Радио внутри нет» и бросила ее на приборную доску.

— Это касается даже полицейских машин?

— Особенно полицейских машин. В них можно пожить много чем хорошим. По крайней мере, так считается.

Лукас выбрался наружу, потянулся, зевнул и провел большим пальцем по ремню под курткой, нащупывая кожаную кобуру фирмы «Бьянки». Улицу окутывали глубокие тени, тут и там виднелись ниши с дверными проемами и запертые ворота гаражей.

Красный кирпичный куб без каких-либо обозначений или номера возвышался у них над головами, точно один из персонажей «Безумных мелодий».^[9] Ряды окон начинались примерно на уровне третьего этажа; окна были узкими и вытянутыми и с третьего по одиннадцатый этаж все до одного темными, как оникс. Освещена была только половина самого верхнего этажа.

— Свет горит, — сказала Фелл.

— Странное место для жизни, — заметил Лукас, оглядываясь по сторонам.

Горячий влажный бриз с реки лениво толкал по улице обрывки бумаги. Он был вонючим, как дыхание старика с плохими зубами. Они находились совсем рядом с Гудзоном, где-то среди Двадцатых улиц.

— Джейки Смит довольно странный человек, — ответила Фелл.

Дэвенпорт подошел к двери, но она схватила его за руку.

— Подожди. Дай мне пару минут.

Она пошарила в сумке и достала пачку «Лаки страйк».

— Ты много куришь, — сказал Лукас, наблюдая за ней. — Дурная привычка.

— Да, зато мне не нужен будильник.

— Как это? — удивился он.

— Каждое утро ровно в семь часов я просыпаюсь от кашля.

Лукас не улыбнулся. Фелл внимательно посмотрела на него.

— Я пошутила, Дэвенпорт.

— Ага, в глубине души я умираю от хохота, — ответил он, но в следующее мгновение все-таки улыбнулся.

Фелл постучала сигаретой по коробку со спичками, привычным движением сунула ее в рот, прикрыла рукой и закурила.

— Ты ведь не собираешься читать мне дурацкие нотации?

— Я не знаю, что это такое, — парировал Лукас.

Он вставил палец между воротником и шеей, которая на ощупь казалась шершавой, как наждак. Если бы потертость кожи была смертельной болезнью, его бы уже похоронили.

— Я видела фотографии Беккера после ареста, — сказала Фелл. — Он выглядел так, будто его ткнули лицом в работающий блендер. Если ты сделаешь такое в Нью-Йорке с человеком, имеющим связи в деловой части города, как, например, Джейки, твоя проклятая карьера тоже отправится в блендер.

— У меня нет карьеры, — заметил Лукас.

— А у меня есть, — проговорила Фелл. — Еще четыре года, и я уволюсь. И я хочу этого дожидаться.

— Что ты собираешься делать, когда уволишься? — спросил Дэвенпорт, чтобы поддержать разговор.

Он запрокинул голову и посмотрел вверх. В Нью-Йорке он делал это постоянно, даже рядом с двенадцатиэтажными зданиями.

— Переберусь во Флориду или в Голливуд и стану работать официанткой топлес.

— Что-о?

Он уставился на нее, донельзя удивленный этим ответом.

— Шутка, Дэвенпорт.

— Понятно. — Он снова задрал голову и стал поворачиваться вокруг своей оси. — А кто этот парень?

Фелл сделала затяжку, закашлялась и прикрыла рот кулаком.

— Джейки? Крупная рыба. Те, с кем мы до сих пор разговаривали, — дилеры средней руки или совсем мелкота. Джейки — оптовик. В Мидтауне таких, как он, трое или четверо. Когда кто-то умыкнет полный грузовик «Сони», он достается одному из серьезных дельцов, который затем передает его более мелким скупщикам. Если Джейки посчитает нужным, он может сообщить о Беккере пятидесяти, шестидесяти или даже ста продавцам. Если захочет. А они, в свою очередь, возможно, поговорят с миллионом торговцев наркотиками и воров. Если они захотят.

— Раз тебе все это известно...

Он посмотрел на нее со спокойным любопытством.

У них за спиной из-за поворота появился какой-то человек, увидел, что они стоят на тротуаре, и снова скрылся за углом.

— У него есть собственный бизнес, — продолжала Фелл. — Он продает по дешевке самые разные вещи. Допустим, у кого-то есть шесть миллиардов гаек, но нет подходящих болтов. Тогда он связывается с Джейки. Джейки покупает гайки и находит того, кому они нужны. Все законно. Если устроить за ним слежку, выяснится, что он только и делает, что заходит на разные склады, десять или двадцать раз в день. Джейки разговаривает с сотнями людей. И где-то среди них прячутся те, кто на него работает. Они занимаются скупкой и продажей краденого через задние двери вполне легально существующих складов. Это крепкий орешек, приятель. Мне известно, что он это делает, но я не могу обнаружить его товар.

— Вы знакомы?

— Он знает, кто я, — ответила Фелл. — Как-то раз я сидела перед этим домом три дня, наблюдала за тем, кто к нему приходит. Записывала номера машин. Было страшно холодно. Знаешь, как это бывает, когда настолько холодно, что даже снег не идет?

— Да. Я из...

— Из Миннесоты. Знаю-знаю. — Фелл окинула взглядом улицу. — На третью ночь Джейки вышел из дома, постучал в наше окно — я была с напарником — и вручил нам термос с горячим кофе и пару сэндвичей с индейкой. Дар от Джейки Смита.

— Хм. — Лукас посмотрел на нее. — Вы взяли?

— Я вылила кофе ему на ботинки, — ответила Фелл сквозь зубы, сделала последнюю затяжку, ухмыльнулась Лукасу и бросила окурок на тротуар, где он рассыпался каскадом искр. — Этот тупица думал, что может купить меня вонючими сэндвичами с индейкой. Пошли займемся делом.

Дверь склада была из стекла толщиной в дюйм, укрепленного стальными прутьями. Внутри, на расстоянии примерно в шесть футов, находилась точно такая же дверь. Между ними на стене висела видеочкамера. Фелл нажала на кнопку с надписью: «Верх».

Через минуту раздался электронный голос:

— Да?

Фелл наклонилась к переговорному устройству.

— Детективы Фелл и Дэвенпорт к Джейки Смиты.

После короткой паузы голос сказал:

— Войдите и поднесите ваши значки к камере.

Замок щелкнул, Фелл толкнула дверь, и они вошли. Оказавшись между двумя дверями, они поднесли жетоны к объективу. Через секунду зажужжал замок на второй двери.

— Поднимитесь на двенадцатый этаж на лифте. Он дальше по коридору, — распорядился голос.

Стерильный вестибюль из выкрашенных желтой краской бетонных панелей встретил их за второй дверью. Окон не было, только двери лифтов и стальная дверь пожарного выхода в другом конце помещения. Лифты располагались слева, за ними наблюдала еще одна камера в стальной сетке, закрепленная под потолком.

— Интересно, — заметил Лукас. — Тут настоящий бункер.

— Точно. Попасть сюда будет очень непросто, если Джейки не захочет, чтобы ты тут оказался. Вероятно, потребуются пластид, если понадобится сделать это быстро. Затем придется взломать пожарную дверь и найти лестницу — наверняка лифт будет заблокирован на верхних этажах. К этому времени Джейки, разумеется, уже успеет сбежать. Уверена, что у него имеется надежное укрытие, где он может спрятаться и отсидеться.

— И он, скорее всего, записывает наш разговор, — заметил Дэвенпорт.

Фелл пожала плечами.

— Я хочу до него добраться и много думала, как это сделать, так что ему все обо мне известно.

На полпути наверх она спросила:

— У тебя был роман с Ротенберг?

Лукас взглянул на нее.

— А почему ты спрашиваешь?

— Из любопытства, — ответила Фелл.

Некоторое время они наблюдали за тем, как мелькают номера этажей. Фелл сказала:

— Когда она вошла, то посмотрела на тебя по-особенному, и я подумала, что между вами что-то было.

— Нет.

Фелл недоверчиво покачала головой. Дверь лифта открылась, и они вышли в точно такой же, как на нижнем этаже, вестибюль: выкрашенные в желтый цвет бетонные панели и стальная дверь в стене. В углу висела еще одна видеокамера.

— Входите, — произнес бестелесный голос.

Стальная дверь открылась в Страну чудес.

Лукас шагнул вслед за Фелл на приподнятую платформу в форме полумесяца из древесины твердых пород, за которой находилась огромная комната. «Десять или двенадцать тысяч квадратных футов, — подумал он. — И по большей части открытого пространства». Различные помещения разделялись не стенами, а мебелью, светильниками и коврами. Кухня находилась справа; светловолосый мужчина заглядывал в печь, и комнату наполнял запах свежего хлеба. Слева за кухней человек с темными волосами стоял на площадке из искусственного дерна и держал в руке клюшку для гольфа.

— Сюда, — распорядился голос из коридора, и мужчина с клюшкой помахал им рукой.

Фелл шла впереди, прокладывая извилистый путь между мебелью, растянувшейся примерно на акр.

Лукас обратил внимание на то, что здесь собрана самая разная мебель, без особых потуг на определенный стиль. Выглядела она так, будто вывалилась на ходу из грузовика. Или нескольких грузовиков с разных фабрик. Большая английская кровать с четырьмя столбиками, застеленная американским лоскутным одеялом, стояла на огромном восточном ковре. Шестифутовый проекционный телевизор был установлен экраном к постели, также на нее нацелились три видеокамеры на штативах.

За телевизором полукруглая стена с громкоговорителями на высоте плеч окружала сектор, отведенный для переговоров. В центре на столе с мраморной столешницей находилось самое разнообразное оборудование для CD-дисков и кассет, а также целая библиотека из тысячи или больше дисков. Пол из твердых пород дерева под стереооборудованием был накрыт шкурами животных: тигра, ягуара, нескольких сшитых шкур бобров и буйвола. Гладкий темный коврик, судя по всему, был из норки. Из динамиков доносился голос Эрролла Гарнера, который пел «Mambo Carmel».

Между кроватью и спортивной площадкой стояла стеклянная душевая кабинка, похожая на чересчур большую телефонную будку. Рядом с ней находилось два туалета, обращенные друг к другу, а на противоположной стороне — громадная ванна.

Смит ждал их на спортивной площадке, примерно в двух третях расстояния от дальней стены с тремя или четырьмя дверями.

«Значит, здесь есть еще комнаты», — подумал Лукас.

Стоя к ним спиной, Смит замахнулся клюшкой, загнал мяч в лунку, покачал головой и положил клюшку в сумку, висящую на крючке на стене. Ряды незажженных ламп у него за спиной были направлены на высаженную на приподнятой платформе живую траву, начавшую зеленеть. Антикварный бильярдный стол за платформой освещала лампа из витражного стекла. В дальней части комнаты на стене висело баскетбольное кольцо, а под ним была расчерчена настоящая площадка с линией для штрафных бросков.

— Не могу держать голову опущенной, — сказал Смит и направился к ним, шурша по искусственному покрытию спортивными туфлями.

Он оказался невысоким мужчиной с широкой грудью, большим животом, пушистыми усами и вьющимися черными волосами. Смит был в черной рубашке для гольфа, заправленной в черные гофрированные брюки, подпоясанные плетеным кожаным ремнем. На шее у него висела золотая цепь с изображением святого Христофора. Он улыбнулся Фелл и протянул ей руку.

— Вы следили за мной в прошлом году...

Фелл проигнорировала его жест.

— Нам нужно поговорить с вами о Беккере, — без церемоний сказала она. — О том типе, который убил несколько человек.

— А, об этом психе, — проговорил Смит. Он не знал, куда убрать руку, и в конце концов сунул ее в карман брюк. Слова Фелл его озадачили. — А при чем тут я?

— Ему нужны деньги и наркотики, и он не может добыть их законным путем, — ответил Лукас.

Он прошел мимо площадки для гольфа к возвышению, где росла трава. Она доходила до колен, но была фигурно подстрижена самым тщательным образом. Он наклонился и потрогал ее пальцами — настоящая трава, ухоженная, прохладная и немного влажная.

— Это потрясающий проект, — с энтузиазмом проговорил Смит, взял в руки пульт для дистанционного управления, нажал несколько кнопок, и над лужайкой вспыхнул свет. —

Специальные лампы обеспечивают рост, — сообщил он и показал на светильники. — Тот же спектр, что у солнца. Джо настоящий специалист по травам, он все тут устроил. Перед вами полевица. У него ушел целый год, чтобы она выросла как надо.

Смит поднялся на платформу и осторожно прошел по траве, затем повернулся и посмотрел на полицейских, возвращаясь к делу.

— Значит, этому типу нужны деньги и наркотики?

— Да, и мы бы хотели, чтобы вы распустили об этом слух в своей сети. Кто-то работает с ним, и нам нужен его поставщик. Как можно быстрее.

Смит взял короткую клюшку для гольфа, прислоненную к дальнему концу стойки. В углублениях лежали три мяча. Смит вытащил их, поставил один, ударил и промахнулся. Мяч прокатился мимо лунки и остановился примерно в двух футах от нее.

— Двадцать два фута. Неплохо, — сказал Смит. — Когда у тебя в руках такая клюшка, нужно стараться попасть в точку, расположенную в двух футах от лунки. Ты делаешь вид, что целишься в крышку люка. В этом и заключен секрет богги.^[10] А копы играют в гольф?

— Нам нужно, чтобы вы связались со своими людьми, — повторила Фелл.

— «Поговори с моим пупком», — сказала Красная Шапочка, — ответил Смит, поставил следующий мяч и ударил по нему.

Мяч остановился в четырех футах от лунки.

— Проклятье! — выругался он. — Нервы. Ребята, вы выводите меня из состояния равновесия.

— У нас нет никаких записывающих устройств, — спокойно произнес Дэвенпорт. — Ни у меня, ни у нее. Нам всего лишь требуется небольшая помощь.

— А что я с этого получу? — спросил торговец.

— Чувство выполненного гражданского долга, — ответил Лукас, немного понизив голос, но Смит сделал вид, что ничего не заметил, и выставил третий мяч.

— Гражданский долг? В сраном Нью-Йорке? — Он фыркнул и поднял голову. — Простите за грубость, доктор Фелл... В любом случае, я не понимаю, о чем вы говорите. Какая сеть?

Он обогнул платформу с травой и прищурился, разглядывая короткую клюшку. К ним подошел светловолосый мужчина с фарфоровой тарелкой, на которой лежали ломти свежеиспеченного хлеба.

— Кто-нибудь хочет свежего хлебца? У нас есть простое и чесночное масло.

— К черту хлеб, — заявила Фелл и посмотрела на Лукаса. — Нам с ним не договориться. Может, стоит попросить пожарных проверить его...

— Нет, политическое давление не проходит с теми, у кого есть связи, — возразил он. — А мистер Смит производит именно такое впечатление.

Торговец, прищурившись, посмотрел на него.

— А вы кто? Я вас не помню.

— Меня пригласили в качестве консультанта, — ответил Лукас и направился к сумке с клюшками.

Он вытащил оттуда клюшку для гольфа с железной головкой и посмотрел на нее, продолжая говорить так тихо, что остальные едва слышали его.

— Я работал в Миннеаполисе, пока меня не вышвырнули из полиции. Я схватил Беккера в первый раз, но он успел убить мою близкую подругу. Заставил ее ждать смерти. А потом перерезал ей горло. Она была связана и потому не могла сопротивляться. Так что,

когда я поймал Беккера...

— Его лицо превратилось в кровавое месиво, — неожиданно проговорил Смит.

— Точно, — подтвердил Дэвенпорт и вернулся к ним с клюшкой в руках. — Его лицо превратилось в кровавое месиво.

— Подожди минутку, — попыталась вмешаться Фелл.

Не обращая на нее внимания, Лукас вскочил на платформу с зеленой травой и направился к Смицу. Краем глаза он увидел, что рука Фелл скользнула внутрь сумки, висящей у нее на плече.

— И меня совершенно не волновало то, что я с ним сделал. Знаешь почему? Потому что у меня куча денег и мне не нужна была работа. Она мне и сейчас не нужна.

— О чем, черт подери, ты говоришь?..

Смит начал отступать, бросив взгляд на блондина.

— А Беккер меня разозлил по-настоящему, — перебил торговца Лукас, повышая голос. Глаза у него были широко раскрыты, жилы на шее набухли и выступили над воротником. — Он меня очень сильно разозлил. У меня был пистолет с большой острой мушкой, и когда я поймал Беккера, я бил его этой самой мушкой по лицу до тех пор, пока уже никто не смог бы сказать, что это лицо. А прежде Беккер был настоящим красавчиком, совсем как твоя дурацкая трава...

Лукас развернулся, взмахнул клюшкой с металлической головкой и с силой воткнул ее в ухоженный дерн. На бильярдный стол полетели двухфунтовые комья земли и куски травы.

— Подожди, подожди... — попытался его остановить Смит, размахивая руками.

Блондин отставил поднос в сторону и принялся на шаривать что-то у себя на поясе сзади. Фелл тоже вытащила пистолет и направила его на голову Лукасу.

— Нет, нет, нет! — завопила она.

Дэвенпорт даже не подумал останавливаться. Размахивая клюшкой, как косой, он кружил возле Смита и кричал, брызжа слюной на черную рубашку для гольфа:

— Я колотил пистолетом по его лицу, наносил удары по чертову лицу, можешь мне поверить, я отделал его, отделал!

Когда он остановился, тяжело дыша, дюжина рваных борозд расплосовала зеленую поверхность. Лукас повернулся и посмотрел на блондина. Затем спрыгнул с платформы и направился к нему.

— Ты собирался вытащить пистолет, — констатировал он.

Парень повел плечами, как тяжелоатлет, и расставил ноги, принимая стойку.

— А такие вещи меня очень сильно злят! — выкрикнул Дэвенпорт.

— Ради Христа, остановись, — попросила Фелл.

Ее голос прозвучал глухо и напряженно.

Лукас снова резко замахнулся клюшкой, подняв ее над головой. Блондин отшатнулся, но клюшка обрушилась не на него, а на свежее испеченный хлеб и тарелку, на которой он лежал. Осколки фарфора разлетелись по полу, а Дэвенпорт выкрикнул:

— Да еще ты пытался нас подкупить!..

Затем он остановился в нерешительности, снова повернулся к Смицу и наставил на него клюшку, как саблю.

— Я не хочу быть твоим другом. Не собираюсь заключать никаких сделок. Ты вонючий кусок дерьма, я чувствую себя отвратительно рядом с тобой. Вот что я тебе скажу: мне нужно, чтобы ты связался со своей сетью, а потом позвонил мне, Лукасу Дэвенпорту, в

Южный участок Мидтауна. Если ты этого не сделаешь, я тебя отымею шестью разными способами. А еще сообщу в «Нью-Йорк таймс», и в «Ай уитнесс ньюс», и в «Ньюс», что ты заодно с Беккером. И дам им твои фотографии. Как ты думаешь, это поможет твоему бизнесу? А еще я вернусь сюда и лично тебя отделаю, чтобы ты понял: то, что связывает меня и Беккера, очень серьезно.

Он сделал полукруг, задышал медленнее, шагнул к двери и неожиданно швырнул клюшку на кухню. Она завертелась, точно лопасть вертолета, и сбила медную супницу, висевшую на крючке на стене. Клюшка отскочила от плиты и покатила по полу вместе с супницей.

— Никак не могу научиться как следует обращаться с длинными клюшками, — заявил Лукас.

Когда они выходили из здания, Фелл наблюдала за Лукасом, пока он не начал ухмыляться.

— Настоящий псих, а? — спросил он, взглянув на нее.

— Я в это поверила, — с серьезным видом сказала она.

— Спасибо за поддержку. Впрочем, не думаю, что блондин способен на что-то.

Она покачала головой.

— Это было смешно; то есть смешно и странно. Я не знала, что Джейки Смит голубой пока не увидела того парня. Совсем как когда имеешь дело с супругами. Стоит врезать одному, и другой наверняка набросится на тебя с ножом.

— А ты уверена, что они голубые?

— У Тряпичной Энни^[11] тряпичная писька?

— Я не понимаю, что это означает, — с улыбкой сказал Лукас.

— Это означает: да, я уверена, что они голубые, — ответила она.

— А почему он назвал тебя «доктор Фелл»? Ты врач?

— Нет. Это из детского стишка:

Я не люблю вас, доктор Фелл,

Сам не знаю почему.

Но скажу как на духу:

Я терпеть вас не могу.

— Хм. Я поражен, — усмехнулся Лукас.

— Я знаю несколько детских стихов, — сказала Фелл, роясь в сумке в поисках пачки сигарет. — Хочешь послушать «Старый дедушка Коль»?

— Я имел в виду, что меня поразил Смит. То, что он знает детский стишок.

— Значит, я не произвела на тебя впечатления?

Она засунула сигарету в рот и, прищурившись, посмотрела на Лукаса.

— Я пока не понял, — ответил он. — Возможно...

Барбара Фелл жила в Верхнем Вестсайде. Они оставили ее полицейскую машину возле здания участка, взяли такси, и она предложила:

— Неподалеку от моего дома есть приличный бар. Выпьем чего-нибудь, успокоимся, а

потом ты сможешь поймать машину.

— Давай, — кивнул Лукас.

Он хотел еще немного побыть с ней.

Они поехали на север по Шестой авеню, и Дэвенпорт заметил, что по мере приближения к Центральному парку на улицах стало больше людей. По тротуарам, взявшись за руки, прохаживались туристы.

— Слишком большой город, — сказал наконец Лукас, глядя в окно на проносящиеся мимо улицы. — В Городах-близнецах можно следить за каждым преступником, а здесь... — Он выглянул в окно и покачал головой. — Здесь невозможно понять, откуда что возникает. У вас тут придурков, как в других местах капель дождя. Это самое дрянное место Вселенной.

— Да, но есть и кое-что хорошее, — возразила она. — Театры, музеи...

— Когда ты в последний раз была в театре?

— Не помню. На самом деле я не могу себе этого позволить. Но я хотела сказать, что если бы могла...

— Вот именно.

Водитель такси что-то тихонько напевал себе под нос. Без мотива, только изменяя громкость звука. Невидящими глазами он смотрел перед собой через ветровое стекло и кивал головой в такт какому-то неслышному ритму. Его руки с такой силой вцепились в руль, что побелели костяшки пальцев. Лукас взглянул на него, потом на Фелл и покачал головой. Она рассмеялась, он ухмыльнулся и снова отвернулся к окну.

В небольшом баре было светло и празднично. Бармен назвал Фелл по имени и показал на кабинку, расположенную в дальней части. Лукас сел лицом к входу. К ним подошла официантка, взглянула на него, потом на Фелл и протянула:

— О-о-о!

— Это чисто деловая встреча, — возразила Фелл.

— Ясное дело, а разве бывает иначе? — усмехнулась женщина. — Ты слышала, что Луиза родила девочку, шесть фунтов и четыре унции?

Лукас наблюдал за тем, как Фелл болтает с официанткой. Она выглядела немного уставшей и немного одинокой и улыбалась чуть-чуть неуверенно.

— Итак, — сказала она, взглянув на Лукаса, — в Миннесоте и правда можно отморозить задницу? Или это всего лишь...

Обычный разговор в баре. Вторая порция выпивки. Дэвенпорт ждал, когда что-нибудь произойдет, ждал...

И дождался. Вошел стройный мужчина, поцеловал официантку в щеку и получил быстрый поцелуй в ответ. У него были светлые, старательно уложенные волосы, и через пару мгновений он взглянул на затылок Фелл, что-то сказал женщине, которую поцеловал, затем принялся внимательно рассматривать Лукаса.

— Там какой-то парень, — прошептал Лукас, наклонившись через стол. — Мне кажется, он смотрит на тебя. У стойки...

Она повернула голову и улыбнулась.

— Мика, — позвала она, а Лукасу объяснила: — Он был моим парикмахером. Он, скажем так, перебрался в центр.

Она вышла из кабинки и направилась к стойке бара.

— Когда ты вернулся?

— Я так и подумал, что это ты, — откликнулся Мика.

Парикмахер начал рассказывать, что он был в Европе. Лукас медленно пил пиво, положив ноги на стул. Ухватил сумку Фелл лодыжками, подтянул к себе. Наблюдая за женщиной, незаметно сунул внутрь руку. Официантка посмотрела в его сторону и приподняла брови. Он покачал головой. Если она подойдет или история Мики закончится слишком быстро, если Фелл решит взять сигарету...

Вот. Ключи. Лукас целый день ждал возможности до них добраться.

Он взглянул на кольцо с шестью ключами. Три подходящих кандидата. В кармане у него лежала плоская коробочка, в которой когда-то хранились заклепки. Лукас выбросил их и заполнил дно и крышку тонким слоем пластилина. Он прижал первый ключ к пластилину, перевернул его, прижал еще раз. Затем проделал то же самое со вторым ключом. Слепок третьего ключа он сделал на крышке. Если они будут находиться слишком близко друг к другу, пластилин может потерять форму. Он заглянул в коробочку. Отлично, шесть великолепных отпечатков.

Фелл продолжала разговаривать. Дэвенпорт убрал ключи в сумку, зажал ее между лодыжками и перенес на соседний стул.

Сердце отчаянно колотилось у него в груди, словно у начинающего магазинного вора.

Господи...

Все получилось!

Лили позвонила на следующий день утром.

— Все получилось, — сказала она. — Мы идем завтракать...

Лукас позвонил Фелл в тот момент, когда она выходила из квартиры.

— Звонил О'Делл, — сообщил он. — Хочет, чтобы я с ним позавтракал. Скорее всего, я не освобожусь раньше десяти.

— Хорошо. Я проверю того типа на «кадиллаке», из Атлантик-Сити, о котором нам рассказал Лонни. Вряд ли удастся узнать что-нибудь...

— Если только он не занимается поставкой медицинского оборудования. Может быть, шприцы не единственное, чем он торгует.

— Пожалуй...

Она знала, что это пустышка, и Дэвенпорт ухмыльнулся, глядя на телефон.

— Ну, мы с тобой, скажем так, забиваем гвозди. Я угощу тебя ланчем.

Отель «Лакота» был старым, но в хорошем состоянии — для Нью-Йорка. Он расположился рядом с издательством, выпускающим настольные игры Лукаса. Неподалеку были рестораны. К тому же там стояли такие кровати, с которых у Лукаса не свешивались ноги. Из его номера открывался вид на окна отделанного стеклянными панелями офисного здания и крышу внизу. Не роскошно, но совсем неплохо. В номере было два ночных столика, письменный стол, комод, скамеечка у окна, цветной телевизор с работающим пультом дистанционного управления и шкаф с лампочкой, которая автоматически включалась, когда его открывали.

Лукас подошел к шкафу, достал кейс, положил его на кровать и открыл. Внутри хранился монокуляр, кассетный магнитофон с клипсой и «Полароид спектра» с полудюжиной коробочек с пленкой. Отлично. Он закрыл портфель, быстро сходил в ванную комнату, спустился вниз на лифте и вышел на улицу. Скучающий в вестибюле размером с телефонную будку посыльный спросил:

— Такси, мистер Дэвенпорт?

— Нет. За мной приедет машина.

Оказавшись на улице, он поспешно зашагал в сторону бара, где подавали завтрак, взял там пинту апельсинового сока в картонной упаковке и снова вышел.

Расставшись с Фелл накануне вечером, он отправился домой к Лили и отдал ей слепки с ключей. Она знала одного офицера из отдела сбора информации, который мог сделать дубликаты за ночь, причем так, чтобы никто об этом не узнал.

— Старый друг? — спросил Дэвенпорт.

— Иди домой, Лукас, — сказала она и вытолкала его в дверь.

А сейчас она снова назвала его по имени: черный лимузин со множеством антенн на багажнике подкатил к тротуару, оконное стекло скользнуло вниз, и он увидел ее лицо.

— Лукас...

Водитель О'Делла оказался крупным мужчиной с длинным носом, глазами цвета базальта и толстыми сухими губами, словно у гила-монстра.^[12] Его волосы цвета лиственной стали были коротко подстрижены, как у ветерана Корейской войны.

Лукас сел на пассажирское место.

— В «Эвери»? — спросил водитель.

Переднее сиденье отделялось от заднего стеклянной перегородкой, в данный момент опущенной.

— Да, — ответил О'Делл.

Он читал колонку редактора в «Таймс». Нетронутый экземпляр «Уолл-стрит джорнал» лежал между его правой ногой и левой ногой Лили. О'Делл посмотрел поверх газеты и спросил у Лукаса:

— Вы уже ели?

— Выпил пакет апельсинового сока.

— Мы вас покормим по-настоящему, — пообещал О'Делл.

Все это время он продолжал читать газету. Через некоторое время он пробормотал:

— Идиоты.

— Аарон, рядом с тобой сидит Лукас Дэвенпорт, — сказала Лили, обращаясь к водителю. — Лукас, за рулем Аарон Копленд.

— Но на рояле я не играю,^[13] — заметил водитель. Взглянув на Лукаса, он сказал: — Привет.

— Рад познакомиться, — ответил Дэвенпорт.

У «Эвери» Копленд вышел из машины первым и открыл дверь для О'Делла. Несмотря на внушительный живот, водитель двигался с легкостью спортсмена. На поясе у него была пристегнута кобура с пистолетом, чуть левее пупка, и хотя футболка ее прикрывала, он не особенно старался спрятать оружие.

Дэвенпорт подумал, что это тяжелый автоматический пистолет. Большинство нью-йоркских полицейских, с которыми он встречался, носили старые револьверы тридцать восьмого калибра «спешал», выглядевшие так, будто их сделали в начале века. Но Копленд, кем бы он там еще ни являлся, жил в современном мире. Он ни разу не посмотрел прямо на Лукаса, как, впрочем, и на О'Делла с Лили, когда они выбирались из машины, но внимательно оглядывался по сторонам и не упускал из виду углы, дверные проемы и окна.

Ближайшая дверь была из прочного дуба, с узким окошком на уровне глаз, а чуть ниже окошка висела блестящая медная табличка с надписью «Эвери». За дверью оказался ресторан, заполненный политиками. Подобные заведения были в Миннеаполисе и Сент-Поле, но Лукас ни разу не видел такого в Нью-Йорке. Зал был размером двадцать на сто футов, с длинной барной стойкой из темного красного дерева справа от входа. На деревянных рамах над головой лежали сотни бейсбольных бит, все с автографами игроков. Дюжина витрин из плексигласа выстроилась у стены напротив бара, точно остановки на перекрестках, и в каждой было выставлено еще несколько бит, тоже с автографами. Дэвенпорт знал большинство имен: Рут, Гериг, Ди Маджио, Марис, Мейс, Снайдер, Мэнтл. Остальные, например Ник Эттен, Билл Терри, Джордж Стирнвайс, Монти Ирвин, пробудили у него лишь смутные воспоминания. В конце барной стойки начинался ряд кабинок, тянувшихся до дальней стены ресторана. Все места были заняты.

— Я буду в баре, — сказал Копленд.

Он окинул взглядом посетителей и решил, что ни один из них не достоин того, чтобы его пристрелить.

О'Делл повел их в дальнюю часть ресторана. Он оказался настоящим актером: медленно, словно немецкий танк, продвигался по залу, кивал в направлении одних кабинок, демонстративно игнорировал другие и постукивал сложенным экземпляром «Уолл-стрит

джурнал» по ноге.

— Проклятый город, — заявил О'Делл, усевшись в кабинке.

Он бросил газеты на стул рядом с собой. Лили и Лукас сели напротив него. О'Делл взглянул на Лукаса и спросил:

— Вы знаете, что у нас происходит, Дэвенпорт? Люди натягивают колючую проволоку — теперь ее можно увидеть повсюду. И насыпают битое стекло по верхушкам стен. Как в каком-нибудь проклятом городе третьего мира. Нью-Йорк стал похож на чертов Бангкок. — Он понизил голос: — А копы, что работают на улице, — это команда смертников, совсем как в Бразилии или Аргентине.

К их столику подошел лысеющий официант с кислым лицом. Белый передник прикрывал его от шеи до колен и был слишком аккуратно измазан горчицей.

— Как обычно, — проворчал О'Делл.

Лили взглянула на Лукаса и сказала:

— Два кофе и две плюшки.

Официант с мрачным видом кивнул и ушел.

— Считается, что вы легко беретесь за оружие, — начал О'Делл.

— Я застрелил несколько человек, — ответил Лукас. — Лили тоже.

— Нам не нужно, чтобы вы кого-нибудь прикончили.

— Я не убийца.

— Я просто хотел, чтобы вы знали. — О'Делл сунул руку в карман, вытащил оттуда полоску бумаги и развернул ее. Это была статья из «Таймс». — Вы вчера отлично поработали. Вежливо отдали всем должное, подчеркнули, как умен Беккер. Неплохо. Они купились. Вы читали документацию по другому делу?

— Начну сегодня вечером, у Лили.

— Есть на этот счет какие-нибудь мысли? Учитывая то, что вы видели? — настаивал О'Делл.

— Я не считаю, что Фелл к этому причастна.

— Да? — Брови О'Делла поползли вверх. — Могу вас заверить, она каким-то образом замешана. Почему вы думаете иначе?

— Она не вписывается в схему. А как вы ее вычислили?

— Через компьютер. Мы проверили имена жертв и копов, которые их арестовывали. Ее имя всплывало несколько раз, повторяясь в ряде дел. Слишком часто, чтобы быть совпадением, — сказал заместитель начальника.

— Хорошо. Я могу себе представить, что она выбирала жертву, но что организовывала нападение — нет. Фелл не зайдет так далеко.

— Она тебе нравится? — спросила Лили.

— Да.

— Это вам помешает? — поинтересовался О'Делл.

— Нет.

Заместитель начальника взглянул на Лили, и она сказала:

— Не думаю, что помешает. Лукас совершенно спокойно и равнодушно отделяет как мужчин, так и женщин.

— Послушай, мне начинает надоедать... — раздраженно начал Лукас.

— Похоже, Фелл очередная добыча Дэвенпорта, — попыталась пошутить Лили, но у нее не получилось.

— Эй, ребята... — проговорил О'Делл.

— Слушай, Лили, тебе прекрасно известно... — сказал Лукас.

— Прекратите, прекратите, вы же в ресторане, — вмешался заместитель начальника. —

Господи...

— Ладно, — отступила Лили.

Они с Дэвенпортом буравили друг друга глазами, но она первой отвела взгляд.

Официант принес тарелку с гренками и маленькую плошку с горячим кленовым сиропом, на поверхности которого плавал кусок масла. Он поставил гренки перед О'Деллом, а чашки с кофе перед Лукасом и Лили. Заместитель начальника заправил салфетку за воротник и занялся едой.

— Происходит кое-что еще, — сказал О'Делл, когда официант отошел. — После трех убийств, которые нас особенно обеспокоили, — адвоката, активиста и Петти, — я полагаю, что эти парни, стрелки, возможно, хотят выйти на свет.

— Что?

Дэвенпорт взглянул на Лили — та бесстрастно смотрела на заместителя начальника.

— Это мне подсказывает мое политическое чутье, — пояснил О'Делл. Он засунул в рот квадратик гренка, с которого капал сироп, прожевал, откинулся на спинку стула и взглянул на Лукаса своими маленькими глазками. — Они специально показывают нам, что вышли на охоту и шутить с ними не стоит. Вот уже пару месяцев как поползли слухи. Разговоры вроде «Робин Гуд и его веселые ребята» или «Бэтмен снова наносит удар» возникают всякий раз, когда убивают какого-нибудь мерзавца. Огромному количеству людей нравится, что они начали войну, делают то, что необходимо. Половина населения города радостно приветствовала бы их, если бы знала, кто они.

— А другая вышла бы на улицы и разнесла город, — бросила Лили и, повернувшись к О'Деллу, добавила: — Есть кое-что о Беккере.

— Что? — спросил Лукас.

— Нам сказали, что это настоящее.

Она покопалась в сумке, достала сложенный листок бумаги и протянула Лукасу.

Это была ксерокопия письма, адресованного главному редактору «Нью-Йорк таймс».

Дэвенпорт посмотрел на подпись: «Беккер». Одно слово, нацарапанное с аристократическим тщеславием.

...взял на себя задачу, для решения которой я считаю совершенно необходимым проведение экспериментов, объясняющих сверхъестественную природу Человека, и обвинен в совершении преступлений. Что ж, так тому и быть. Я не откажусь от своих интеллектуальных достижений, и хотя меня обвиняют в преступлениях, как в прошлом Галилея, я, как и он, буду отмищен грядущими поколениями.

Несмотря на то что меня называют преступником, я невиновен и не намерен иметь ничего общего с теми, кто нарушает закон. Именно это и заставило меня написать Вам письмо. Вечером в прошлую пятницу я стал свидетелем убийства...

— Господи! — Лукас взглянул на Лили. — Речь идет об одном из убийств, о которых вы говорили?

— Убийство Уолта, — пояснила она.

Дэвенпорт вернулся к письму. Беккер прекрасно рассмотрел двух убийц.

Я дам его описание: белый, плотного телосложения, с квадратным лицом, седыми ухоженными усами, которые почти прикрывают верхнюю губу, весит двести двадцать фунтов, рост шесть футов и два дюйма, шестьдесят один год. Я опытный судебный патологоанатом и могу побиться об заклад, что ошибся в весе не более чем на пять фунтов, в росте — не более чем на один дюйм, а в вопросе возраста преступника — максимум на два года.

Описание второго убийцы, которого я назвал Тоцци, я оставлю при себе, по своим собственным соображениям...

— Это не попало в газеты? — спросил Лукас, посмотрев на О'Делла.

— Нет. По нашей просьбе они согласились придержать информацию, но оставили за собой право напечатать статью, если они посчитают ее актуальной.

— У вас не возникло соображений, кем может быть этот плотный тип?

О'Делл покачал головой.

— Один из четырех или пяти сотен копов, если это вообще полицейский.

— Думаю, мы можем немного сузить круг кандидатов на эту роль, — сказал Лукас.

— Не привлекая внимания, не удастся, — возразила Лили. — Если мы начнем проверять пятьсот копов... Господи, газеты разорвут нас на части! Но понимаешь, главное...

Лукас подхватил ее мысль:

— Беккер может опознать убийц полицейского и готов это сделать.

— Вот почему мы думаем, что Беккер будет их следующей целью.

— Чтобы заставить его замолчать.

— Среди прочего.

— Если они решили выйти на свет, то, скорее всего, выберут Беккера в качестве следующей жертвы, — сказал О'Делл. — Им в любом случае необходимо его ликвидировать, поскольку он может идентифицировать их обоих. Но кроме того, убийство Беккера будет для них способом продемонстрировать всем, что некоторых людей необходимо уничтожать. Беккер — настоящий кошмар. Кто станет возражать против того, что его следует убрать? Если они смогут его найти, то разберутся с ним.

— Все усложняется, — заметил Лукас. — Я беспокоюсь за Лили. Она оказалась в самой гуще событий и находится на виду. Что, если они решат ее убить?

— Они не станут этого делать, — уверенно сказал О'Делл. — Два мертвых полицейских — это неприемлемо.

— Мне представляется, что и один мертвый полицейский — это неприемлемо.

— Кроме того, я не такая легкая добыча, — заявила Лили и похлопала по сумке, где лежал пистолет сорок пятого калибра.

— Он не спасет твою задницу, — сердито ответил Лукас, и они снова уставились друг на друга. — Любой становится легкой добычей, когда в него стреляют из автомата, да еще из засады. Ты хороша, но пуле все равно.

— Ладно, ладно...

Она закатила глаза.

— Кроме того, не стоит забывать о Копленде, — вмешался О'Делл. — Когда Лили работает за пределами офиса, она, как правило, находится со мной в машине. Копленд не

просто водитель. Он лишен сантиментов и умеет стрелять. Вечером я попрошу его отвезти Лили домой.

— Хорошо. — Лукас снова быстро посмотрел на Лили, а затем перевел взгляд на заместителя начальника. — Как вы вышли на Фелл? Я хочу знать в деталях.

— В деталях?

О'Делл осушил реку из сиропа корочкой от тоста, пару секунд смотрел на нее, засунул в рот и принялся жевать, закрыв глаза от наслаждения. Затем проглотил кусочек и открыл глаза. «Он похож на лягушку», — подумал Дэвенпорт.

— Итак, в деталях. По просьбе одного моего друга — он профессор — раз или два в семестр я читаю в Колумбийском университете лекцию, посвященную современной политике. Это началось довольно давно. Несколько лет назад... проклятье, что я говорю! Пятнадцать лет назад он познакомил меня со студентом-выпускником, который использовал компьютеризированные статистические методы для анализа диаграмм голосования. На меня они произвели сильное впечатление. Закончилось тем, что я записался на курс статистики и занялся изучением компьютеров. Глядя на меня, этого не скажешь, — он развел руками, словно хотел продемонстрировать свое огромное тело, — но я разбираюсь в программировании. Когда ребята из отдела информации наткнулись на проблему, показавшуюся им странной, я отсортировал убийства. И выявил определенную схему, не вызывающую сомнений. Тогда я пригласил Петти. Он специализировался на компьютерном поиске и всем, что с ним связано. Нам удалось обнаружить почти двести возможных жертв. По той или иной причине мы исключили большую часть, и у нас осталось около сорока. А относительно двенадцати мы были совершенно уверены. Думаю, Лили вам рассказала...

— Да. Сорок. В эту цифру невозможно поверить.

О'Делл пожал плечами.

— Некоторые убийства, вероятно, являются тем, чем кажутся: одни подонки прикончили других. Но не все. И я уверен, что какие-то еще мы упустили. Если подвести баланс, то цифра сорок или даже пятьдесят звучит вполне разумно.

— А при чем тут Фелл? — спросил Дэвенпорт.

— Петти сверил имена плохих парней и копов, которые их знали, — очень сложная система сортировки, но у меня имеется полный доступ.

— И вы обнаружили ее имя?

— Оно появлялось слишком часто.

— Я ненавижу статистику, — заявил Лукас. — У нас в Миннесоте газеты постоянно так развлекаются и выводят идиотские заключения из дурацких данных.

— Дело именно в данных, — согласился заместитель начальника. — Нам никогда не удастся сделать так, чтобы Фелл предстала перед судом, только основываясь на моих цифрах.

— Ммм, — протянул Дэвенпорт, посмотрел на Лили, а потом на О'Делла. — Мне понадобится много времени, чтобы разобраться в этом...

— Нет, — возразил заместитель начальника и наставил вилку на нос Лукаса. — Ваша главная задача — найти Беккера и отвлечь средства массовой информации. Нам нужна свобода маневра. Вы займетесь делом Беккера по-настоящему. Если банда убийц действительно вышла на охоту, обмануть их будет совсем не просто. Мы привезли вас в Нью-Йорк, чтобы это выглядело так же, как если бы мы доставили сюда экстрасенса из Бойсе: [\[14\]](#) чтобы все выпускники этого университета, сидящие в отделах новостей, были довольны.

Пока ни у кого не возникло никаких сомнений. Нужно, чтобы так оставалось и дальше. А наше другое расследование должно быть хорошо замаскировано.

— А что, если мы поймаем Беккера слишком рано? — спросил Дэвенпорт. — До того, как узнаем имена этих ребят?

Лили пожала плечами.

— Тогда ты вернешься домой, а мы найдем какой-нибудь другой способ решить проблему.

— Ясно.

— Итак, в настоящий момент мы будем рассчитывать на то, что этот чертов псих продержится еще несколько недель и, возможно, зарежет какого-нибудь ребенка, а мы тем временем сумеем выявить тех, кто нас интересуется, — пробормотал себе под нос О'Делл, глядя на полупустую тарелку с гренками и сиропом. Он повернулся к Лили. — Тебе известно, что мы в заднице, Лили? В самой настоящей заднице.

— Послушайте, это же Нью-Йорк, — сказал Лукас.

О'Делл расправился с остатками гренков, попутно рассказывая о том, как Петти с помощью компьютера искал убийц.

— Существует ли вероятность того, что он обнаружил что-нибудь неожиданное? — спросил Дэвенпорт.

— Вряд ли. Здесь так не бывает. Когда имеешь дело с компьютером, ты просеиваешь информацию и продвигаешься вперед дюйм за дюймом. Не стоит рассчитывать, что машина выдаст тебе распечатку, на которой будет написано: «Это сделал Джо Блоу». Я думаю, с тем свидетелем что-то произошло.

Когда они выходили из ресторана, заместитель начальника снова шагнул впереди, кивая одним посетителям и игнорируя других. Лили схватила Лукаса за рукав и удержала его, чтобы он чуть-чуть отстал.

— Вот, держи.

Она протянула ему ключи на кольце.

— Быстро вы справились, — заметил Дэвенпорт.

— Это же Нью-Йорк, — ответила она.

Около ресторана «Эвери» Лукас взял такси и поехал к дому, в котором жила Фелл. Водитель, низенький человек с белой бородой, дождался, пока пассажир сядет на заднее сиденье, и тут же спросил:

— Видели «Отверженных»?

— Что?

— Вот что я вам скажу: вы много потеряли, — заявил таксист. От него пахло сырým луком, и он весь пропитался потом. — Куда вам нужно? Хорошо... Послушайте, вам необходимо посмотреть «Отверженных». Я в том смысле, что зачем вы приехали в Нью-Йорк, если не собираетесь на представление? Вы только гляньте на этого полоумного придурка, прошу меня простить за грубость, как вы считаете, разве можно выпускать таких ненормальных на улицы города? Боже праведный, и где он только учился водить? — Он высунулся из окна и принялся отчаянно сигналить. — Ты где учился управлять машиной? В Айове, что ли? Эй, приятель... — Убрав голову назад, таксист проговорил: — Знаете что, если бы мэр не был черным...

Лукас позвонил Фелл в офис из телефона-автомата, висящего на стене парковочного гаража. Краска, разрисованная нечитабельными письменами, облезала, открывая еще один слой граффити.

— Барб? Это Лукас. Я на минутку забегу к себе в гостиницу. Наш договор насчет ланча еще в силе?

— Конечно.

— Отлично. Скоро увидимся.

Он повесил трубку и посмотрел на противоположную сторону улицы, на дом, в котором жила Фелл. Примерно тысяча квартир. Может, и больше. Ряды одинаковых балконов, на каждом несколько растений, на большинстве велосипеды. Горные велосипеды, какие предпочитают яппи, на случай если им придется столкнуться с непредвиденной ситуацией в Центральном парке. Некоторые из них, насколько Лукас мог рассмотреть снизу, были прикреплены цепями к решеткам балконов.

В вестибюле дома дежурил охранник в стеклянной будке. За его спиной виднелись два ряда стальных ящиков для почты. Мужчина в плохо сидящей серой униформе с идиотским видом смотрел на вошедшего.

— Где контора сбыта? — спросил Лукас.

В глазах охранника промелькнула искра понимания. Эта ситуация была четко прописана в его инструкциях.

— Второй этаж, сэр, и поверните направо.

— Спасибо.

Как хорошо, когда твоя квартира надежно защищена! Лукас вернулся к лифтам, нажал на кнопку второго этажа. На нем располагалось несколько офисов, все по правой стороне. Не обращая на них внимания, Дэвенпорт свернул налево. Отыскал лестницу, поднялся на один этаж, подошел к лифту и нажал на кнопку с цифрой шестнадцать.

Телефонный звонок позволил ему убедиться, что Фелл в Мидтауне и она не выскользнула незаметно из участка, чтобы перекусить, заплатить по счетам или еще по какой-нибудь надобности. Фелл жила одна, так она сама сказала. Ее адрес и домашний телефон Дэвенпорт нашел в списке личного состава в офисе.

Никого не встретив по пути навверх, Лукас вышел в пустой коридор, свернул налево, понял, что ошибся, и пошел в обратную сторону. Дверь в квартиру Фелл была зеленого цвета, другие — голубого, ярко-красного и бежевого. В остальном они ничем не отличались друг от друга. Дэвенпорт постучал. Никакого ответа. Он огляделся по сторонам и постучал еще раз. Снова никто не отозвался. Тогда он вставил один из ключей и угадал с первого раза — дверь открылась. Тишина внутри была пропитана напряжением.

«Скорее, скорее, скорее», — сказал себе Лукас.

В квартире едва заметно пахло табаком. Стеклопанельная раздвижная дверь гостиной, прикрытая светлой занавеской, вела на балкон. За окном открывался вид на отдельно стоящий дом. За ним вдали Лукас видел другие кварталы. Пустое пространство за зданием напротив, судя по всему, было Гудзоном, с Нью-Джерси на другом берегу.

Квартира оказалась довольно чистой. Мебель по большей части подобрана со вкусом и хорошего качества. Два мягких кресла фирмы «Ла-зед-бой» расположились перед большим цветным телевизором. Между креслами, заваленными журналами «Эль», «Вог», «Оружие и амуниция», пристроился низкий столик, на котором тоже лежали журналы, а под столиком

обнаружилась стопка романов. Рядом с телевизором стоял шкафчик с проигрывателем CD-дисков, вращающаяся стойка с кассетами и видеомагнитофон. На втором столике тоже были сложены журналы и четыре пульта дистанционного управления. Рядом с ними красовался огромный бокал для бренди, заполненный спичечными коробками — «Окна в мир», «Русский чайный дом», «Дубовая комната», «Четыре сезона». Некоторые коробки были нетронутыми и выглядели так, будто попали сюда из сувенирного набора. Другие были более потрепанными и наполовину использованными, и среди них несколько из бара, в котором они побывали накануне вечером: один с короной, один с шахматным конем и еще один с изображением палитры. В пепельнице Лукас заметил четыре окурка.

На стенах вокруг телевизора висели фотопортреты: женщина стоит на пирсе с немолодой парой, возможно родителями, и еще один снимок той же женщины в свадебной фате. На следующей фотографии широкоплечий молодой мужчина на склоне холма, с колли и винтовкой двадцать второго калибра, затем тот же молодой человек, только старше, в военной форме, под вывеской с надписью: «Я знаю, что попаду в рай, потому что прошел через ад. Корея, 1952». Что-то с этим молодым человеком было не так... Лукас присмотрелся внимательнее. Его верхняя губа казалась слегка искривленной, как будто ему сделали операцию, чтобы исправить заячью губу.

Родители Фелл? Почти наверняка.

Слева от гостиной начинался коридор. Лукас заглянул туда и увидел двери в ванную комнату и две спальни. Одна из них использовалась в качестве кабинета и кладовки: у стены стояли маленький деревянный стол и два картотечных шкафа, а все остальное пространство было занято картонными коробками, открытыми или запечатанными клейкой лентой. В другой спальне обнаружили громадную кровать, неубранная, со скомканной простыней в изножье, и два комода, один с зеркалом. На полу у постели лежал овальный плетеный коврик, а на нем — трусики. Большая бамбуковая корзина с крышкой выглядывала из-за комода. Лукас открыл ее. Там лежала грязная одежда.

Он представил себе, как это было. Она спит в белье, садится на кровати, все еще не отдохнувшая, зевает, стаскивает трусики перед душем, решив, что отнесет их в корзинку позже, и забывает...

Лукас вернулся в гостиную и направился на кухню, которая выглядела так, будто ею почти не пользовались: полдюжины стаканов для воды в сушилке у раковины, пара вилок и ни одной тарелки. Рядом с мусорным ведром валялась упаковка от лазаньи фирмы «Уэйт уотчерс».^[15] На буфете Лукас заметил початую бутылку джина «Танкерей». Он заглянул в холодильник и нашел там несколько бутылок «Перье» со вкусом лайма, диетическую пепси-колу, упаковку из шести бутылок пива «Курс», пакет восстановленного сока лайма и четыре бутылки диетического тоника «Швепс». В ящике для фруктов лежала сетка с нектаринами. Дэвенпорт потрогал поверхность плиты — пыльная. Микроволновка занимала почти половину стола. Здесь пыли не было. Похоже, Фелл не слишком часто готовила себе еду.

Лукас проверил кухню в первую очередь: женщины часто прячут вещи на кухне или в спальне. Он нашел недорогой практичный сервиз и самые необходимые кухонные принадлежности. Ящик стола был забит бумагами, гарантийными талонами на технику и электронную аппаратуру. Лукас вытащил ящики, искал под ними и за ними. Посмотрел в банки: ничего, не нашлось даже муки и сахара, которым полагалось там быть.

В спальне он заглянул под кровать и нашел гребной тренажер и пыльных плюшевых зайцев размером с росомаху, а в ящике прикроватной тумбочки — «колыт лоумен» с

двухдюймовым барабаном для специального патрона тридцать восьмого калибра. Лукас открыл барабан — заряжен. Он вернул его на место и положил револьвер так, как он лежал.

Затем заглянул в комод. В верхнем ящике лежали кучи писем и открыток, дешевые украшения и запечатанная упаковка презервативов «Троудженс» со смазкой. Лукас быстро просмотрел письма.

Дорогая Барб, мы только что вернулись из Нью-Гэмпшира, и тебе следовало поехать с нами! Мы отлично провели время!

Дорогая Барб, пишу короткую записку. Я вернусь двадцать третьего, если все пройдет хорошо. Пытался позвонить, но не застал, мне сказали, что ты уехала, а днем я решил тебя не беспокоить. Мне очень нужно с тобой встретиться. Я постоянно думаю о тебе, все время. В любом случае, увидимся двадцать третьего. Джек.

Письмо лежало в конверте, и Лукас посмотрел на марку: отправлено четыре года назад. Он решил взять на заметку это имя — Джек.

Больше ничего интересного ему найти не удалось. Он выдвинул остальные ящики. Вот еще бумаги и фотографии, сделанные «Полароидом». Барбара Фелл сидит на коленях у мужчины, оба держат в руках бутылки с пивом. Оба голые. Она — стройная, у нее маленькая грудь с темными сосками.

Мужчина тоже худощавый, но мускулистый и темноволосый, смотрит в камеру с привычным отсутствием стеснения. Еще один снимок: оба сидят на ковре, пополам на шкуру зебры, снова обнаженные, глаза — красные точки. На заднем плане зеркало, в котором отражается вспышка фотоаппарата, закрепленного на штативе. Рядом с ним никого нет. Значит, они были вдвоем. На ее лице... страх? Возбуждение? Тревога?

Еще фотография. Они снова вдвоем, но уже в одежде, стоят, судя по всему, перед зданием полицейского участка. Коп? Лукас вернулся к своему портфелю, достал фотоаппарат, прикрепил увеличитель и переснял найденные фотографии.

В спальне больше не нашлось ничего интересного. В ванной комнате ничем не пахло, ее недавно тщательно вымыли, но на туалетном столике были разбросаны помада и мыло, шампуни, дезодоранты, коробочка чего-то под названием «Истгард», прокладки, пачка иголок, пинцет, огромная упаковка пластыря «Бэнд-эйд» и маленькая бутылочка кунжутного масла для тела. В аптечке хранился небольшой набор лекарств, продающихся без рецепта: аспирин, мицитрацин, нуприн.

Лукас направился в кабинет.

Все счета Фелл находились в образцовом порядке, и он не обнаружил ничего такого, что вызвало бы у него сомнения: у нее был один банковский депозит, сейфовая ячейка и вклад в «Фиделити инвестменс», который оказался индивидуальным пенсионным счетом.

А где же записная книжка? Лукас принялся искать в ящиках стола. Должна же у нее быть телефонная книга! Скорее всего, ежедневник она носит с собой, но дома всегда есть какой-нибудь блокнот, в котором записи не меняются из года в год. Ничего не найдя в столе, Лукас нахмурился. Он вернулся в прихожую и посмотрел около телефона. Ничего. У телефона был длинный шнур, и Лукас последовал за ним к куче журналов, сваленных на тумбочке под телевизором. Покопавшись в ней, он обнаружил там телефонную книгу и

открыл ее. Десятки имен. Он взял в руки фотоаппарат и начал их снимать. Когда Лукас закончил, у него осталось всего два кадра.

Достаточно. Он огляделся по сторонам, проверил, везде ли выключен свет, и покинул квартиру.

Охранник стоически смотрел на голую мраморную стену. Он так и не повернулся, когда Дэвенпорт прошел мимо него. Его работа состояла в том, чтобы не впускать посторонних.

Кеннет и еще один детектив изучали какие-то документы, а третий коп разговаривал по телефону.

— Барбара дальше по коридору, — сказал Кеннет, поднявший голову, когда вошел Лукас. — Мы отвели тебе кабинет, чтобы ты мог спокойно работать.

— Спасибо, — поблагодарил его Лукас.

Фелл сортировала стопку папок из плотной бумаги. Он остановился на пороге и несколько мгновений наблюдал за ней, погруженной в работу. «Привлекательная женщина», — подумал Лукас. Перед его мысленным взором возникли фотографии, на которых она была обнаженной. На снимках Фелл казалась хрупкой, более уязвимой и менее яркой. Она начала листать бумаги в папке, но через несколько секунд почувствовала его присутствие, подняла голову и удивленно сказала:

— Я тебя не слышала.

Лукас шагнул в кабинет, обошел стол и взял в руки папку. «Роберт Гарбер, 12 июля».

— Здесь все?

— Да. Я ее прочитала. Там миллион подробностей. — Фелл убрала с лица прядь волос. — Проблема в том, что они нам совершенно не нужны. Мы знаем, кто такой Беккер и как он выглядит, и он признается в своих безумных медицинских статьях, что совершил убийства. Остается только его найти; а все прочее нам ни к чему.

— Должно же быть что-нибудь...

— Будь я проклята, если я вижу здесь что-то полезное, — ответила Фелл. — Ребята составили список, основываясь на том, что ты говорил вчера на совещании. Беккеру нужны деньги. Место, чтобы прятаться. Машина. Ему необходимо изменить внешность. Поэтому они отправили предупреждение нанимателям: обращайтесь внимание на то, кого вы берете на работу. Они связались со всеми отелями, ночлежками и прочими местами, где Беккер мог поселиться. А также с таксопарками, думая, что он, возможно, передвигается по городу, работая таксистом. Это объяснило бы, почему люди не сопротивлялись: Беккер мог использовать заднее сиденье в качестве газовой камеры. Они побывали во всех магазинах, торгующих специальной маскирующей косметикой для людей, чья внешность изуродована каким-то образом, и во всех местах, где продают театральный грим. Ребята из отдела по борьбе с наркотиками встречаются с дилерами, и мы занимаемся скупщиками краденого. Что еще можно сделать?

— Я не знаю, но этого недостаточно, — сказал Лукас и показал на стопку бумаг. — Давай сначала посмотрим на жертвы.

Они провели за этим занятием час. На Манхэттене Беккер убил шесть человек. Их тела были обнаружены в Мидтауне, Виллидже, Сохо и Маленькой Италии. Если придерживаться теории, что он отвозил их недалеко от того места, где поселился, получалось, что он прячется где-то к югу от Центрального парка и к северу от финансового квартала. Почтовые индексы на письмах, которые он посылал в медицинские журналы, указывали на то же

самое: три письма, три разных кода — 10002, 10003 и 10013.

— Он использовал галотан?^[16]

— К такому выводу пришли эксперты, — кивнув, ответила Фелл. — Они обнаружили его следы в телах трех человек, когда сделали анализ крови. И предположительно это объясняет, почему нет никаких следов борьбы. Эта дрянь действует очень быстро: раз-два-три — и все.

— А где он его брал?

— Мы не знаем. Мы проверили все больницы на Манхэттене, в северной части Нью-Джерси, в Коннектикуте. Пока никаких результатов, но ты же знаешь, никто не отслеживает точное количество этого газа. Можно перекачать газ из одного резервуара в другой. До тех пор, пока сам резервуар стоит на месте, определить что-нибудь невозможно.

— Хм. Ладно. Но как ему удастся подобраться к своей жертве настолько близко, чтобы использовать газ? — Лукас поднялся и вышел в коридор, откуда вернулся с одноразовым стаканчиком в форме конуса. — Встань.

Фелл встала.

— Что ты задумал?

Он бросил стаканчик ей в лицо. Фелл сделала шаг назад, и стаканчик упал.

— Если я нападу на тебя вот так, спереди, мне не удастся добиться своей цели. Даже если человек вдохнет немного газа, он сможет отойти на достаточное расстояние, чтобы закричать, — пояснил Лукас.

— Мы не знаем, кричали ли они, — заметила Фелл.

— Никто ничего не слышал.

Она кивнула:

— Значит, если он нападает на них на улице, то должен подходить сзади.

— Да. Он хватается свою жертву, подтаскивает к себе и прижимает маску с газом к носу и рту... — Лукас развернул Фелл и поднес стаканчик к ее лицу, упираясь локтем ей в позвоночник и обхватив ее за плечи. — Раз, два, три... готово.

— Давай еще раз, — попросила Фелл.

Он повторил все сначала, но на этот раз она схватила его за запястье и вывернулась. Бумажный стаканчик смялся, и ее рот был свободен.

— И вот я кричу, — сказала она, и Лукас выпустил ее. — Это тоже не очень получается.

— Та женщина, Эллен Фозн... — Лукас взял папку и открыл ее. — Друзья говорили, что она была очень осторожна. У нее возникали какие-то проблемы с бродягами, которые болтаются за зданием, где она работает, и копаются в контейнерах для мусора. Она должна была выглянуть наружу сквозь стеклянное окошко входной двери, не открывая ее, — она всегда так поступала, прежде чем выйти наружу. Значит, если Беккер там был, она наверняка его видела.

— Было поздно.

— Девять часов. Еще не совсем темно.

— Возможно, он был прилично одет. Он не слишком крупный мужчина и, возможно, не вызвал у нее беспокойства.

— С его лицом?

— Косметика. Или... Ну, я не знаю. Предположение, что он работает водителем такси, кажется мне более разумным. Она садится в машину. Между Беккером и задним сиденьем есть специальная перегородка. Он каким-то образом запечатывает ее, когда пассажирка

закрывает дверцу, и включает подачу газа. Жертва теряет сознание. Просто я хочу сказать, что не могу себе представить, чтобы женщина, которая очень осторожна, позволила мужчине подойти так близко. И даже если он подберется со спины, она начнет сопротивляться. Ты намного крупнее Беккера, но тебе будет не просто удержать маску у моего лица, даже сзади.

— Может быть, именно по этой причине он выбирает не слишком крупных людей, чаще женщин, — предположил Лукас.

— Но даже в этом случае всегда можно вырваться. А если схватить сильнее, останутся синяки. Патологоанатом ничего такого не обнаружил. Это наверняка такси или что-нибудь в том же духе.

— Но почему Фозн села в такси? Она хотела всего лишь сбежать на противоположную сторону улицы, чтобы купить для всех кока-колы. Ее приятель должен был встретить ее на машине в половине десятого, когда она заканчивает работать.

— Может быть... Проклятье, я не знаю.

— И посмотри на Кортеса. Он вышел из клуба, затем направился на другую сторону Шестой авеню и по Пятьдесят девятой улице к «Плаза». Друзья видели его в начале Шестой. Очевидно, до конца он не дошел, потому что в «Плаза» его ждало сообщение, оставленное на автоответчике в девять часов, но убитый его так и не прослушал. Значит, Беккер напал на него на Пятьдесят девятой улице, где-то между Пятой и Шестой авеню. И что же там произошло? Зачем Кортесу останавливать такси? Ему оставалось пройти всего несколько сотен шагов.

Фелл пожала плечами.

— Понятия не имею. Там темно. Предположим, Беккер прятался в тени дома и набросился на него. Когда ищешь логическое объяснение, нужно быть внимательным.

— Я знаю.

— Может быть все, что угодно. Возможно, Кортес расстался с друзьями, потому что решил немного развлечься.

Лукас покачал головой.

— Он производит впечатление очень осмотрительного человека.

— Гарбер тоже... Я не знаю.

— Продолжай читать дела, — сказал Дэвенпорт.

У него возникло ощущение, что Фелл за ним наблюдает. Она бросала на него странные, настороженные взгляды.

— Что-то не так? — наконец поинтересовался он.

— Ты действительно приехал сюда из-за дела Беккера? — через пару мгновений спросила она.

— В общем... — Лукас развел руками, словно пытался охватить стопку бумаг на столе. — Да. А в чем дело?

— Знаешь, чем больше я об этом думаю, тем более странно все выглядит. Ты же понимаешь, что мы его поймаем.

— Конечно, — ответил Лукас. — Я здесь главным образом для рекламы. Чтобы немного снять напряжение.

— Это тоже звучит не слишком убедительно, — сказала Фелл и внимательно на него посмотрела. — Я о тебе ничего не знаю. Ты что-то обсуждаешь с О'Деллом. Ты, случайно, не из отдела внутренних расследований?

— Что? — Он удивленно отступил на шаг. — Господи, Барбара, конечно нет!

— Точно?

— Послушай, тебе известно, что произошло со мной в Миннеаполисе?

— Говорят, ты кого-то избил. Какого-то паренька.

— Сутенера. Он изуродовал женщину скальпелем, а она была моей осведомительницей.

На улицах города об этом стало известно, и я должен был что-то сделать. Я и сделал. Впоследствии оказалось, что он несовершеннолетний — я предполагал это, — и за меня взялись ребята из отдела внутренних расследований. Получилось не слишком справедливо. Ведь все понимали, что я не мог поступить иначе. Но меня выкинули, потому что так безопаснее. Я вовсе не из внутренних расследований. Можешь проверить, это легко.

— Нет-нет.

Она вернулась к своим бумагам, а Лукас к своим, но через минуту он проговорил:

— Господи, отдел внутренних расследований!

— Извини.

— Ладно...

Они решили сделать перерыв, прошли два квартала по улице, время от времени касаясь друг друга бедрами, и уселись в кабинке пиццерии «Слайс-о-Пай» с бумажными стаканами диетической пепси-колы, куда помещался, наверное, целый галлон. Лукас чувствовал, что нравится ей, и потому позволил разговору перейти на личные темы. Он рассказал ей о своих давних, но закончившихся отношениях с Дженнифер; о двусмысленном положении, в котором он оказался сейчас. И о своей дочери.

— Я бы хотела иметь ребенка, — сказала Фелл. — Мой проклятый биологический будильник громыхает не хуже, чем Биг-Бен.

— Сколько тебе лет? — спросил Лукас.

— Тридцать шесть.

— А на горизонте есть какие-нибудь кандидаты на отцовство?

— В настоящий момент нет, — ответила она. — Я общаюсь только с полицейскими и преступниками, но мне не нужны ни те, ни другие.

— Трудно завязать знакомство?

— Не в этом проблема. Дело в том, что я не нравлюсь тем мужчинам, которые нравятся мне. Рано или поздно все заканчивается. Пять лет назад я встречалась с одним придурком юристом. Не слишком процветающим, самым обычным адвокатом, разведенным. Он носил длинные волосы и без конца работал «про боно». ^[17] И был страшным модником. Ну, ты понимаешь.

— Ясно. Красивые галстуки.

— Точно. Он хотел жениться, и я могла бы за него выйти. Но однажды я выступала в роли приманки, и здоровый громила набросился на меня, прижал к стене и ударил — он получал от этого удовольствие. Я упала. А у меня на лодыжке был спрятан маленький пистолет, автоматический двадцать пятого калибра. Когда он наклонился, чтобы меня поднять, я ткнула пистолет ему в зубы, и глаза у него сделались как плоски. Я заставила его отойти, но он все время повторял: «Подожди, подожди...»

— А где были твои напарники?

— Они подбежали как раз в этот момент и поставили мерзавца к стене. Один из них сказал: «Господи, Фелл, у тебя будет синяк размером с тарелку». Этот подонок ударил меня

прямо под глаз и попал в кость, понимаешь?

Она потеряла глаз, и Лукас кивнул.

— Больно было ужасно. И я сказала: «Вот как?» Ребята заставили его расставить ноги. А я говорю: «Попрощайся со своими яйцами, мешок дерьма». И с такой силой по ним врезала, что его яйцам пришлось возвращаться на поезде из самого Огайо.

— Правда?

Лукас рассмеялся. Он обожал полицейские рассказы, а Фелл явно веселилась.

— Я рассказала о том, что случилось, своему приятелю-адвокату, и он пришел в бешенство. Ему было плевать на мой подбитый глаз, — печально произнесла она.

— Его волновал тот тип?

— Нет-нет. Он знал, что такие вещи случаются, и не возражал, когда это делал кто-то другой, просто не хотел, чтобы я занималась подобными вещами. Я думаю, на самом деле ему не понравилось, что я сказала: «Попрощайся со своими яйцами, мешок дерьма». Мне не следовало ничего такого ему говорить. Его это очень сильно обеспокоило. Мне кажется, он хотел вступить в какой-нибудь загородный клуб, и вот он представил, как я сижу на террасе, выложенной плитняком, с мятным джулепом^[18] или еще какой-нибудь дрянью в руке и говорю собравшимся там дамочкам: «Попрощайся со своими яйцами, мешок дерьма».

Лукас пожал плечами.

— А ты когда-нибудь пробовала встречаться с полицейским?

— Разумеется, пробовала. — Фелл кивнула, слабо улыбнулась, и у нее затуманились глаза. — Один сплошной член. У нас был бурный роман какое-то время, но... Хочется немного покоя и тишины, когда возвращаешься домой. А у него было одно желание — болтаться по улицам в поисках наркоманов.

Лукас откусил кусок пиццы-пепперони, прожевал его, а потом признался:

— Пару лет назад у нас с Лили был роман. Это останется между нами?

— Конечно.

Фелл даже не пыталась скрыть любопытства.

— Нас очень сильно тянуло друг к другу, это было в Миннеаполисе, ее брак к тому моменту уже начал распадаться, — продолжал Лукас. — А потом тот чертов индеец выстрелил ей в грудь. Он ее чуть не убил.

— Я знаю.

— Я пришел в бешенство. Таковы мужчины. Потом мы виделись пару раз, но я боюсь летать, а она очень занята.

— Да, да...

— А в прошлом году...

— Актриса, — подхватила Фелл. — Та, которую убил Беккер.

— Я как проклятье, — мрачно проговорил Дэвенпорт, глядя мимо нее. — Будь я немного умнее и немного быстрее... Черт!

После ланча они вернулись в свой кабинет, изучили все дела, но ничего не обнаружили. Фелл не могла найти себе места и потому отправилась в общую комнату, а Лукас продолжил чтение. Кеннет привел ее назад через полчаса.

— Больница Беллвью, — сказала она, плюхнувшись на стул напротив Лукаса.

— Что?

Лукас посмотрел на Кеннета, который стоял, прислонившись к двери.

— Из ремонтной мастерской пропало кое-какое медицинское оборудование,

принадлежавшее Беллвью, — объяснил тот. — Мы ничего не знали, потому что это было не очевидно — на бумаге все выглядело в полном порядке. Но когда приборы не привезли, кто-то решил проверить, и выяснилось, что они исчезли. У работников мастерской есть квитанции, и они подумали, что все вернулось в больницу. В любом случае это произошло больше месяца назад, вероятнее всего, шесть или семь недель. Чуть раньше, чем Беккер убил свою первую жертву.

— У них пропало именно то, о чем он пишет в своих статьях, — добавила Фелл.

— Он мог там же добывать галотан и, возможно, наркотики, — предположил Лукас. — Все из одного источника, если этот человек работает в больнице.

— Очень похоже, что это он, — поддержала его Фелл.

— Готов побиться об заклад, — заявил Кеннет, провел рукой по волосам и разгладил галстук. Он явно нервничал. — Проклятье, сколько времени упущено!

— Что вы собираетесь делать?

— Надо действовать очень осторожно, чтобы никого не спугнуть, — ответил Кеннет. — Начнем проверять работников Беллвью на предмет криминального прошлого. Кроме того, свяжемся со всеми известными нам наркоманами, чтобы выяснить, кто из них знаком с кем-нибудь из больницы. Потом допросы сотрудников. Это займет несколько дней. Думаю, вам следует снова заняться скупщиками краденого и попытаться выяснить, кто получает товар из Беллвью.

— Хорошо. — Лукас посмотрел на часы. Почти десять. — Давай еще раз поговорим с Джейки Смитом, — предложил он Фелл.

Смит встретился с ними на Вашингтон-сквер. День выдался невыносимо жарким, но Смит, который приехал на сером «мерседесе» и припарковался около гидранта, был холоден.

— Я не желаю иметь с вами никаких дел. Хотите с кем-нибудь поговорить — свяжитесь с моим адвокатом, — заявил торговец, когда к нему подошли полицейские.

Они стояли неподалеку от кортов для игры в бочке, спрятавшись от солнца под деревом гинкго.

— Да ладно, Джейки, — начал Лукас. — Извини, что я испортил твою проклятую траву. Я немножко перевозбудился.

— Перевозбудился он, чтоб тебе пусто было, — прорычал Смит. — Ты знаешь, сколько потребуется времени, чтобы привести все в порядок?

— Джейки, нам действительно нужно с тобой договориться, — остановил его Лукас. — У нас появилось кое-что по делу Беккера, а ты находишься в таком положении, что можешь нам помочь. Помнишь, я сказал вчера вечером, что для меня это личное? Все по-честному. Только информация.

— Я не отличаю вашего чертова Беккера от всех прочих идиотов, — нетерпеливо проговорил торговец.

— Послушай, мы тебе верим, — сказал Лукас. — Мне пришлось испортить твой газон, чтобы ты обратил на нас внимание, ведь ты собирался от нас отделаться. Разве я не прав?

Смит пристально посмотрел на него и спросил:

— Чего вы хотите? Конкретно?

— Нам нужны имена тех, кто выносит оборудование из Беллвью.

— И все? А потом вы от меня отвяжетесь?

— Мы не можем этого обещать, — сказал Лукас. — Я не имею права говорить за Барбару, но лично я стану намного дружелюбнее.

— Господи, я связался с психованным придурком, — простонал Смит и добавил: — Я не заключаю сделки на таком уровне. Это для меня мелочь.

— Я знаю, знаю, но нам нужны люди, которые этим занимаются. Всего пара имен, и только.

— Вы собираетесь их взять?

— Лишь в том случае, если они откажутся со мной разговаривать. А если они попытаются отыграть меня, я вернусь к тебе.

Фелл вмешалась в разговор, решив применить тактику продавцов в магазине:

— Боже, Джейки, совсем не трудно сделать то, что мы просим. И тебе никакого вреда не будет. На самом деле ты поможешь не копам, а какой-нибудь женщине, которой этот подонок собирается вырезать сердце или еще что-нибудь.

— Да, это ведь ты вылила мой кофе на тротуар, — без всякой связи сказал торговец и окинул взглядом площадь, где группа черных мальчишек танцевала под рэп, доносящийся из магнитофона. — Ладно, — сказал он. — Их двое. Мужчина и женщина. Вообще-то они не работают в больнице, но могут связать вас со своими друзьями оттуда.

— Ничего другого нам и не нужно.

— Да-да, конечно. Господи, как вы меня достали! — Он направился к своей машине со словами: — Я сейчас.

— Пошел звонить, — кивнула Фелл, когда торговец забрался в «мерседес».

Он вернулся через две минуты с именами и адресами. Лукас записал данные, и Смит, с отвращением фыркая и качая головой, вернулся к своему автомобилю.

— Роза Арнольд и Томас Лиз, — сказал Лукас. — А где они живут?

Фелл посмотрела в блокнот и ответила:

— В Нижнем Истсайде. Но я о них никогда не слышала. Мне проверить?

— Да. Или пока оставим их, займемся ими позже. — Лукас взглянул на часы. — Кеннет считает, что нужно соблюдать осторожность, и я не хочу ему мешать. Давай забудем о них до завтра. Тогда и поговорим.

Фелл завезла его в гостиницу, а сама отправилась в участок. Лукас привел себя в порядок, пообедал в ресторане отеля, вернулся в свой номер, посмотрел седьмой иннинг [\[19\]](#) между «Твинс» и «Янки», затем взял такси и поехал домой к Лили. Она нажала на кнопку, и входная дверь в вестибюль открылась. Хозяйка встретила его на пороге, босиком.

— Ты поздно, — сказала она.

— Меня задержали, — ответил Лукас, входя в квартиру.

Он останавливался у нее почти два года назад, когда она только переехала, и мебель тогда казалась временной, собранной как попало. В гостиной стояли коробки, телевизор пристроился на двух металлических картотечных шкафах. На кухне были странные обои, разрисованные бамбуковыми побегами и скачущими мартышками; пластик на столах сильно потрескался. Сейчас квартира стала уютной и красивой: теплые коврики поверх бежевого паласа; яркая, отпечатанная ручным способом графика на стенах; разные, но тщательно подобранные стулья и широкий кожаный диван. Кухня была отделана в мягких золотистых тонах, здесь стоял гарнитур из твердых пород дерева. Лукас заходил к Лили накануне вечером, чтобы отдать слепки ключей, но пробыл недолго и не успел все рассмотреть. А

потому он несколько минут оглядывался по сторонам.

— У тебя здесь хорошо, — наконец сказал он.

Ему было немного не по себе. В прошлый раз, когда он тут был, они много времени проводили в постели. Лили занимали только ощущения, исследование новых переживаний, она отчаянно отдавалась силе и глубине секса с ним. Теперь же они держались друг с другом сдержанно.

— Так бывает, когда распадается брак. Ты начинаешь заниматься квартирой.

Она стояла близко, но не слишком, сложив руки на талии, — хорошая хозяйка, да и только. В ее словах и позе вежливость, но что же еще? Настороженность?

— Да, я знаю.

— Я превратила вторую спальню в кабинет, все сложено там. Иди в дальнюю часть дома. Хочешь пива?

— Конечно.

Лукас прошел в кабинет, зевнул, сел за стол, отодвинул стул назад так, чтобы можно было положить пятки на выдвинутый ящик, и взял первую папку. Он читал их целый день; миллион фактов, собранных воедино.

«Кейз, Мартин». Он раскрыл папку. Кейза дважды арестовывали за изнасилование. В первый раз он отсидел два года, во второй его оправдали. Его подозревали примерно в тридцати нападениях, совершенных в Верхнем Вестсайде. Он филигранно отточил свой метод, захватывая женщин ночью в закрытых парковочных гаражах. По-видимому, он попадал туда, ныряя под опускающуюся дверь, когда выезжала какая-нибудь машина, затем ждал, пока ему не удавалось поймать жертву в темноте. Полдюжины арестов за хранение наркотиков, кражи, вооруженное нападение, появление на улице в пьяном виде.

— Кейз, — сказала Лили, заглянув ему через плечо. — Он должен был получить свое лет пять назад.

— Неверное рассуждение, мой капитан, — ответил Лукас, посмотрев на нее.

Она протянула ему «Специал экспорт».

— Да, но это часть проблемы. Если забыть о тех трех убийствах, включая Уолта, — от них они вполне могут откреститься, — большинство жителей города встали бы на сторону «мстителей», если бы про них узнали. Особенно когда речь идет об убийстве таких негодяев, как Кейз. Сомневаюсь, что нам удалось бы найти присяжных, которые вынесли бы им обвинительный приговор.

— Ты хочешь сказать, что все было хорошо до тех пор, пока они расправлялись с мерзавцами?

— Нет. Просто если речь идет о ком-то, кто заслуживает смерти, его все равно когда-нибудь достанут, но прежде он испоганит жизнь сотне других людей, и если кому-то удастся приблизить час расплаты, это не кажется таким ужасным по сравнению с гибелью невинных граждан. Но те, кого мы ищем, больше не нападают на преступников, они выступают против... свободы.

— Я не могу мыслить на таком утонченном теоретическом уровне, — усмехнулся Лукас.

— Это звучит по-дурацки, верно?

— Верно.

— Но на самом деле все совсем не так.

— Ладно.

— Если ты не чувствуешь этого, почему согласился с нами работать? — спросила Лили.

— Потому что ты мой близкий друг, — пожал плечами, ответил Лукас.

— И этого достаточно?

— Конечно. Что касается меня, это одна из причин, чтобы что-то сделать. Я бы не хотел убивать из чувства патриотизма или долга; я никогда не мог бы работать надсмотрщиком и включать рубильник, чтобы лишить кого-то жизни. Но в ярости, чтобы защитить семью или друзей — это нормально.

— А чтобы отомстить?

Лукас на мгновение задумался, а потом кивнул.

— И это тоже. Мне нравится охотиться за Беккером. И я его поймаю.

— Ты и Барб Фелл.

— Именно. Кстати... — Он опустил руку в карман куртки. — Посмотри на снимки. Парень похож на копа, и она с ним в близких отношениях, или была.

Он протянул Лили две фотографии, сделанные «Полароидом» в квартире Фелл.

— О, Барбара, — пробормотала Лили, качая головой. — Я знаю этого парня. Не слишком хорошо. Это лейтенант из транспортного отдела. Мы проверим его на причастность к убийствам и посмотрим, что получится.

— Еще у меня есть для тебя несколько имен. Ее друзья. Я не знаю, сколько среди них полицейских, но если вы сможете проверить и их...

— Конечно.

Лукас оставался у Лили до двух часов ночи. Он делал записи в желтом полицейском блокноте, когда она вошла и спросила:

— Нашел что-нибудь?

— Нет. И ты совершенно права. Эти типы были отбросами среди отбросов. Сколько человек могло попасть в такой список?

— Сотни, — ответила она. — Но Барб Фелл оказалась на пересечении множества возможностей.

Лукас кивнул, вырвал странички из блокнота, свернул их и положил в карман куртки.

— Я продолжу ее разрабатывать.

Квартира Лили находилась на втором этаже перестроенного особняка. Лукас ушел в десять минут третьего, ночь только начала приобретать ту мягкую прохладу, которая разделяла жаркие, как в тропиках, дни. Он немного устал, но спать не хотел. Дома он бы отправился погулять по берегу реки, чтобы успокоиться перед сном. В Нью-Йорке же...

Улица была достаточно хорошо освещена, в следующем квартале стояло такси. Лукас повернул и зашагал в ту сторону, засунув руки в карманы.

Их было двое.

Крупные и быстрые, как профессиональные полузащитники в американском футболе.

Припаркованные машины стояли вдоль улицы бампер к бамперу. Человек, прятаясь за «сайтейшн», привлек внимание Лукаса, ударив чем-то металлическим по бамперу. Тишину разорвал пронзительный, резкий звук, как будто кто-то провел ножом по стиральной доске.

Лукас инстинктивно шагнул в сторону и повернулся на шум. Что-то происходило: такой звук не мог быть случайным. Лукас потянулся за спину, где находился пистолет сорок пятого

калибра.

В этот момент второй мужчина, прятаясь за крыльцом, выскочил на дорожку и ударил Лукаса дубинкой по локтю, врезался плечом ему в спину и толкнул на «сайтейшн».

Боль была похожа на ослепительную вспышку, яркую, точно звезда на холодном ночном небе. Это оказался особенный, парализующий удар — так бьют копы. Боль началась от локтя и помчалась вверх, к плечу. Лукас закричал, подумав, что получил пулю. Его рука безвольно повисла, когда он врезался в машину. Он попытался сместиться вправо и поднять поврежденную руку, но она не слушалась.

Лукас увидел, как опускается кулак другого бандита, и частично блокировал его левой, но тут же получил удар в скулу и снова отлетел к машине.

Второй мужчина обошел крыло автомобиля и руками в перчатках нанес быструю серию ударов: один-два-три. Дэвенпорт сгруппировался, пытаясь закрыться.

«Нужно убираться отсюда...»

Он получил новый удар, в ухо, но на этот раз больно не было. Удар оглушил его, и он начал сползать вниз. Рука в перчатке снова замахнулась, и Лукас схватил ее здоровой левой, потянул к себе, прижал к груди и рухнул на нее всем своим весом. Когда они упали на бетонную дорожку, он услышал крик, донесшийся как будто издалека, и почувствовал, как что-то хрустнуло. По-видимому, он сломал противнику руку. Лукас испытал смутное удовлетворение, хотя и чувствовал, что проигрывает в этой схватке и его вот-вот убьют.

Услышав звон бьющегося стекла, он не понял, что это такое, но почувствовал, что давление стало слабее.

Снова промелькнула мысль: «Пора валить». Лукас выпустил руку в перчатке, почувствовал, как она высвободилась, и услышал крик. Он попытался закатиться под машину, но она стояла слишком близко к поребрику. Он прикрыл голову здоровой рукой...

Выстрел из пистолета сорок пятого калибра прозвучал точно удар грома.

Вспышка озарила их, словно молния, осветив все вокруг. Нападавшие были в нейлоновых лыжных масках, перчатках и рубашках с длинными рукавами. Тот, что ударил Лукаса сзади, развернулся и бросился бежать. В его руке болталась длинная дубинка в кожаном чехле с круглым выступом на конце. Другой, которому Лукас сломал руку, вскочил на ноги и закричал:

— Иисусе...

Снова раздался грохот. Лукас опустился на поребрик, не чувствуя ног. Он попытался спрятаться за машину, не понимая, откуда стреляют, и попробовал здоровой рукой дотянуться до кобуры, но она была слишком далеко. Тем временем нападавшие безмолвно, точно привидения, умчались по темной улице...

И наступила тишина.

А потом он увидел Лили в ночной сорочке с пистолетом сорок пятого калибра в руке. Нелепое сочетание: фигура в мягком белом хлопке и темный стальной убийца «кольт».

— Лукас... — Лили направилась к нему, пристально вглядываясь в окружающую темноту в поисках мишеней. — Ты в порядке?

— Нет, черт побери, — ответил он.

Беккер очень удивился, а затем отключился. Когда он снова вернулся в книжный магазин, то со вздохом взглянул на продавца.

— С вами все в порядке? — с беспокойством спросил тот.

У него была длинная шея и узкая голова с мелкими чертами лица, похожая на слишком большой палец, торчащий из плеч. Он наклонил ее набок, и от правой линзы очков отразился свет, горящий в магазине, придав лицу угрожающий вид, совсем как у доктора Стрейнджлава.^[20]

— Со мной все в порядке, в порядке, — пробормотал Беккер, переступил с ноги на ногу и отвернулся, оглядывая магазин.

Он был пятнадцати футов в ширину и сорока в длину. За грубо сколоченными полками виниловые панели отслоились от стен; линолеум на полу потрескался и местами прохудился. В узких проходах пахло заплесневелой бумагой, рассыпающимися книжными обложками и потом. Тучный мужчина стоял у прилавка, расположенного примерно посередине, под круглым зеркалом от воров, положив на живот антологию «Спайдермена» в твердой обложке, и ел посыпанное орешками мороженое. Беккер даже не заметил, как он вошел.

Он посмотрел на книгу, которую держал в руках, ту, что унесла его в другую реальность. Беккер выкопал ее из кучи хлама в отделе «Медицина и антропология».

— Вы так долго не шевелились, что я подумал, ну, не знаю... — сказала лицо-палец, и его адамово яблоко принялось подпрыгивать вверх и вниз, точно игрушечная лодочка.

«Он пытается завязать со мной разговор», — подумал Беккер.

Это было приятно, но совсем не нужно. Он никого не подпускал к себе слишком близко. До того как копы в Миннеаполисе избili его своими пистолетами, Беккер был красивым мужчиной, но Красавец умер. И хотя он нанес на лицо толстый слой маскирующей шрамы косметики, в ярком свете они были заметны. В «Пост» напечатали его фотографии со всеми шрамами и порезами, чтобы их увидел мир.

Беккер вежливо кивнул, но ничего не сказал, только посмотрел на часы. Он улетел на пять минут. Наверное, он представлял собой странное зрелище: на целых пять минут или даже больше читатель замер на месте, стоит совершенно неподвижно и не моргает.

«Лучше уйти», — подумал Беккер.

Он подошел к прилавку, опустив голову, и положил на него книгу. Он научился говорить как можно меньше, потому что речь могла его выдать.

— Шестнадцать долларов и пятнадцать центов, включая налог, — сказал продавец и взглянул на обложку. — Неприятное чтение.

Беккер кивнул, положил на прилавок семнадцать долларов и взял сдачу.

— Приходите к нам еще, — крикнуло ему вслед лицо-палец, когда Беккер вышел на улицу.

Дверь закрылась за ним, мелодично звякнул колокольчик.

Беккер поспешил домой, увидел свое имя на первой полосе газеты и замедлил шаг. Фотография, знакомое лицо. Что такое?

Он снял половинку кирпича, которая удерживала газету.

«Дэвенпорт? Господи, это действительно он». Беккер схватил газету, бросил киоскеру

доллар и поспешил уйти.

— Сдача нужна? — спросил продавец, высунувшись из окошка.

Нет. У него не было времени. Беккер мчался по улице, подошвы шуршали и скользили по тротуару, а он пытался прочитать статью на ходу в тусклом свете дня. Наконец он остановился около ярко освещенной двери магазина, торгующего электроникой, в витринах которого было полно камер, факсовых машин, магнитофонов, калькуляторов, проигрывателей дисков, телефонов, миниатюрных телевизоров и японских телескопов. Он поднес газету к самому носу.

«...Несговорчивый бывший детектив из Миннеаполиса, прославившийся тем, что раскрыл первую серию убийств, совершенных Беккером, и задержал его. Во время драки, возникшей при аресте, лицо Беккера сильно пострадало... „...Мог пристрелить, — сказал Дэвенпорт, — но мы хотели взять его живым. Мы знали, что у него имелся сообщник, и предполагали, что тот мертв, но чтобы убедиться в этом наверняка, он был нам нужен живым...“»

Лжец! Подняв от газеты голову, Беккер отчаянно хотел завопить: «Лжец!» Он прикоснулся к своему лицу, скрытому под несколькими слоями косметики. Дэвенпорт изуродовал его лицо. Дэвенпорт уничтожил Красавца. Беккер замер, улетел...

Увидев, что он застыл около двери, к нему подошел бродяга и, преградив ему путь, сказал:

— Привет!

Беккер пришел в себя.

Бродяга был не слишком крупным, но выглядел так, словно его часто били и он не боится новой порции синяков. Беккер не поддался на его уловку.

— Отвали, — прорычал он и оскалился.

Бродяга отошел в сторону, неожиданно испугавшись, и Беккер прошел мимо, точно порыв ледяного арктического воздуха. Выругавшись про себя, он завернул за угол, подождал пару мгновений, затем шагнул назад, чтобы посмотреть, не пошел ли за ним бродяга. Нет. Беккер отправился в дом Лейси, бормоча под нос, рыча и плача.

Он вошел через парадную дверь, быстро спустился в подвал и повалился в кресло, сидя в котором он обычно читал.

«Дэвенпорт в городе». На мгновение Беккера охватил страх, и он вернулся назад, на судебное заседание, где коп давал показания и не сводил с него глаз, бросая ему вызов... Во время разбирательства в голове Беккера царил хаос, и лишь иногда в мыслях возникали ослепительные вспышки... Застонав, он вернулся в реальность.

Что? На коленях у него лежит какой-то предмет. Он озадаченно посмотрел на него, сбросил на пол. Книга. Он совсем забыл. «Последние разрезы: пытки на протяжении веков». В книге имелось множество иллюстраций: решетки, столбы, виселицы, «железные девы». Беккера они не интересовали. Пытки для уродов, извращенцев и клоунов. Но ближе к концу...

Да. Фотография, сделанная в восьмидесятых годах девятнадцатого века. В подписи под ней говорилось, что некий китаец убил принца и был приговорен к смерти через тысячу резаных ран. Снимок сделали в тот момент, когда палачи кромсали его тело на куски.

Лицо умирающего сияло.

Вот чего Беккер добивался в своей работе, и он нашел это на снимке столетней давности. Лицо китайца испускало свет, озарение смерти. Боль здесь была ни при чем, Беккер на собственном опыте узнал, что боль искажает, уродует черты человека. Он и сам фотографировал свои эксперименты, но ему ни разу не удалось добиться ничего похожего. Возможно, дело в том, что тогда снимали на старую черно-белую пленку, обладавшую какими-то особыми качествами.

Беккер сидел и грыз большой палец, забыв про Дэвенпорта. Важность сделанного им открытия заслонила все. Откуда взялась эта аура? От понимания, что приближается смерть? Или от ее неизбежности? Может быть, именно поэтому про стариков, уходящих в мир иной, говорят, что у них сияют лица? Все потому, что они знают — конец близок, они в состоянии его увидеть и осознают, что спасения нет? А если дело именно в таком понимании? Возможно ли это? Возможно ли, что в каком-то смысле это интеллектуальная функция или высвобождение чувств, а вовсе не независимая реакция?

Беккер пришел в такое возбуждение, что не смог усидеть на месте, бросил книгу и пробежался по комнате. Спичечный коробок лежал на месте, в кармане; там три таблетки. Он схватил их и посмотрел на опустевший коробок. Вот настоящая критическая ситуация! Придется снова выйти из дома. Он откладывал эту необходимость, но теперь...

Беккер взглянул на часы. Да. Уайтчерч еще на работе.

Он зашел в ванную комнату, неловко повозившись со штанами, помочился, привел себя в порядок и подошел к телефону. Беккер знал номер наизусть и тут же принялся его набирать. Ему ответил женский голос.

— Доктора Веста, пожалуйста, — попросил Беккер.

— Подождите минутку, я его вызову.

Вскоре он услышал:

— Вест.

Холодный голос с нью-джерсийским акцентом, словно разъеденный ржавчиной. Голос торговца наркотиками.

— Мне нужно несколько «ангелов», — выдохнул Беккер.

Он всегда разговаривал с придыханием, когда звонил Уайтчерчу.

— Ммм, это сложно. У меня ничего не осталось. Зато есть много кокса и «спида». И практически нет того, что вы хотите, — ответил Уайтчерч с беспокойством в голосе.

Беккер был исключительным клиентом: белый, осторожный да еще платит наличными. Возможно, учитель из Коннектикута, который продает наркоту ученикам.

— Это плохо, — сказал Беккер. — Сколько кокса?

— Я могу продать три.

— Три достаточно. А сколько «спида»?

— Тридцать подойдет?

— Хорошо. Когда? Мне нужно как можно быстрее.

— Через полчаса.

— Отлично, через полчаса.

Беккер выдохнул и повесил трубку.

Когда он наводил в подвале порядок, то обнаружил кучу старого спортивного инвентаря: пару высохших бейсбольных перчаток с паутиной в кармашках; полдюжины бит, потрескавшихся и ободранных; спущенный баскетбольный мяч; бутсы, покрытые плесенью и грязью, с проржавевшими металлическими шипами; две пары сильно потрепанных

теннисных туфель, шорты, майку и шапочку. Он сложил все в длинную коробку вместе с летающей тарелкой, набором для крокета и сломанными ракетками для бадминтона и поставил в темный угол. Тот, кто туда заглянет, сразу увидит сплошной хлам, ничего хорошего или такого, к чему хочется прикоснуться.

Беккер сделал в баскетбольном мяче С-образный разрез и прятал там наличные деньги. Он залез в тайник, достал из него три тысячи долларов и аккуратно убрал мяч на место.

Бросив на себя мимолетный взгляд в зеркало, он поднялся по лестнице на первый этаж и, стараясь не шуметь, направился в заднюю часть дома. Когда он подошел к двери, сверху послышался голос старухи.

— Алекс...

Он остановился, замер на пару мгновений, затем раздраженно выдохнул и прошел по темному этажу к лестнице.

— Да?

— Мне нужны особые таблетки...

Ее голос звучал едва слышно, неуверенно.

— Сейчас принесу, — пообещал Беккер.

Он вернулся к себе, нашел коричневую бутылочку с морфием, зажал в кулаке две таблетки и снова поднялся наверх, разговаривая сам с собой. Картины смертельного озарения проносились в его мозгу, и он так увлекся ими, что чудом не налетел на Бриджит Ленд, которая стояла у подножия лестницы, ведущей в комнату Эдит Лейси.

— Ах, — сказала она. — Я ухожу, Алекс... У вас есть лекарство для Эдит?

— Да-да...

Опустив голову и отворачивая лицо, Беккер попытался проскользнуть мимо нее.

— Вы даете ей незаконные препараты? Это запрещенное лекарство? — спросила Ленд.

Она встала перед ним, задрав вверх подбородок и не желая отступать, и успела схватить его за рукав, когда он проходил мимо. У нее были умные темные глаза, и она внимательно вглядывалась в его лицо.

Беккер кивнул и напряженным голосом ответил:

— Думаю, да. Мне дает их ее друг. Я боюсь спрашивать, что это такое.

— А что вы... — начала женщина, но Беккер, спеша отделаться от нее, уже начал подниматься по лестнице.

На верхней площадке он оглянулся и увидел, что Ленд повернулась к двери.

— Пожалуйста, не говорите никому, — попросил Беккер. — Она так страдает...

— Вы встретились с Бриджит? — спросила миссис Лейси.

— Да.

Беккер взял стакан с водой и отнес таблетки пожилой женщине. Она жадно схватила их дрожащей рукой и быстро проглотила, намочив губы водой.

— Бриджит спрашивала меня, разрешены ли эти препараты. Боюсь, она может позвонить в полицию, — сказал Беккер.

Миссис Лейси пришла в ужас.

— Ты имеешь в виду...

— Они действительно запрещены законом, — проговорил Беккер. — Вам ни за что не дали бы их в официальном медицинском учреждении.

— О нет, нет, нет...

Старуха принялась раскачиваться, шевеля своими узловатыми пальцами.

— Вы должны позвонить Бриджит. Дайте ей время добраться до дома и поговорите с ней, — посоветовал Беккер.

— Да, конечно...

— Ее номер записан в блокноте вместе с другими полезными телефонами, он лежит рядом с аппаратом, — добавил Беккер.

— Да-да...

Старуха посмотрела на него, и ее лицо в тусклом свете комнаты показалось ему пергаментным и слишком морщинистым.

— Не забудьте.

— Нет... Я не могу найти очки.

Он отыскал очки около раковины на кухне и молча отдал ей. Миссис Лейси кивнула в знак благодарности и шаркающей походкой направилась к телевизору.

— Мои очки, мои очки. Правда, замечательная вчера была передача? Нет, ты же не смотришь телевизор. Арнольда показывали в новостях.

Арнольда Шварценеггера. Она была уверена, что очень скоро он очистит Нью-Йорк от преступников.

— Мне нужно идти.

— Да, конечно.

Она махнула рукой, отпуская его.

— Позвоните Бриджит, — повторил Беккер.

— Да.

Сбоку ее лицо окрасилось в голубой цвет, льющийся с телевизионного экрана, и стало похоже на картину, нарисованную черными красками с проблесками света, как лицо казненного китайца.

Ультрафиолет.

Идея возникла неожиданно, но была наделена такой силой, что Беккер остановился на площадке лестницы. Может быть, свет на лице умирающего человека имеет отношение к трансформированному спектру? Феномен, который возникает в ультрафиолетовом и инфракрасном излучении? Возможно, это объясняет, почему одни люди испускают сияние, а другие — нет. Может, именно поэтому старой камере в девятнадцатом веке удалось запечатлеть этот момент на пленке широкого спектра? Беккер видел фотографии, сделанные в ультрафиолетовом и инфракрасном свете, когда учился в медицинской школе. Ультрафиолетовый мог увеличивать разрешение микроскопа и подчеркивать качества образца, невидимые при обычном освещении. А инфракрасный улавливал температурные изменения в темноте.

Но больше он не знал ничего. Сможет ли он использовать стандартный фотоаппарат? И как это проверить?

Беккер пришел в возбуждение — наука захватила его. Он поспешил вниз по лестнице, вспомнив о Бриджит Ленд только в самый последний момент. Он замедлил шаг и с опаской посмотрел вперед, но она уже ушла.

Он выскочил из задней двери, сел в «фольксваген», доехал на нем до ограды, открыл замок, выбежал наружу, проверил, нет ли бродяг, снова сел в машину и запер за собой ворота.

Он покатил на север через Принс, потом на восток через Бродвей, стараясь держаться

боковых улиц с подступавшими со всех сторон зданиями, упрямо направляясь на север и восток. Вот. Первая авеню. И Беллвью, древняя куча кирпичей.

Беккер взглянул на часы. Он приехал примерно на минуту раньше, все в порядке. Время тянулось медленно, медленно... Наконец-то! Уайтчерч идет в сторону автобусной остановки. Беккер потянулся через пассажирское сиденье, открыл до половины окно и остановился у тротуара.

Уайтчерч увидел его, оглянулся по сторонам и подошел к окну.

— Три снежка, тридцать штук «спида», все техническое. И два «ангела», хорошего качества.

— Всего два? — Беккер почувствовал, что начинает терять контроль над собой, и постарался взять себя в руки. — Хорошо. Но я позвоню вам через пару дней.

— К этому времени у меня будет больше. Сколько вам нужно?

— Тридцать. Вы сможете достать для меня тридцать? И еще тридцать «спида»?

— Думаю, смогу, — ответил Уайтчерч. — Мой человек запускает новую линию. Позвоните мне. Сегодня с вас две тысячи сто.

Беккер кивнул, отсчитал двадцать одну сотенную бумажку из пачки, лежащей в кармане, и протянул дилеру. Тот знал, что у Беккера есть пистолет; собственно говоря, он сам ему продал оружие. И Беккер не опасался, что его ограбят. Уайтчерч положил деньги в карман и опустил мешок на сиденье.

— Обращайтесь, — сказал он и повернулся в сторону больницы.

Беккер закрыл окно и поехал назад, затолкав пакет под сиденье. Но он знал, что не доедет до дома, не попробовав угощение. Он заслужил это. Сегодня ночью ему в голову пришла революционная идея — фиксировать ауру человека.

Он остановился на светофоре, окинул взглядом улицы, включил свет в машине и открыл мешок. Три толстые сигары с кокаином и два маленьких полиэтиленовых пакетика. Тридцать крошечных таблеток в одном и две большие — в другом. У него дрожали руки, когда, поглядывая по сторонам, он начал разворачивать одну из сигар. Как раз хватит, чтобы добраться до дома.

Кокаин подбросил его, голова откинулась назад, когда мощь наркотика наполнила мозг, точно гул товарного поезда. Через пару мгновений он начал медленно приходить в себя, чувствуя, как все вокруг приобретает сверхъестественно четкие очертания. Если бы только он мог сохранить это ощущение! Беккер потянулся к мешочку с «пи-си-пи», нащупал его — всего две штуки... Но кокаин полностью подчинил его себе, и он достал обе: «ангельская пыль» удержит кокс на месте, усилит его действие... Теперь он видел на многие мили вперед, несмотря на то что вокруг было темно. Никаких проблем. Беккер принялся шевелить губами, чтобы во рту образовалась слюна, затем раскусил таблетку. Всего одну, только попробовать, сделать себе подарок...

Красный свет. Беккер разозлился и, выругавшись, проехал через перекресток. Впереди снова загорелся запрещающий сигнал. Беккер пришел в еще большую ярость, но на сей раз сдержался и остановил машину. Немного снежка? Конечно. Он заслужил добавку. Совсем маленькую порцию.

Он уже больше недели не проводил экспериментов. Вместо этого он сидел в подвале и печатал свои научные статьи. Несделанная работа накапливалась, появились данные, которые следовало проверить и обдумать. Но сегодня ночью, когда «ангельская пыль» поет в его крови... да еще Дэвенпорт явился в город и ищет его...

Для захвата материала, с которым он проводил эксперименты, Беккер выработал собственную систему: сначала он оглушал своих будущих подопытных электрошокером, а затем использовал анестетик. И что важнее всего, он начал искать более безопасные места для охоты. Одним из них был Беллвью. Там повсюду женщины, днем и ночью, достаточно миниатюрные, чтобы он мог легко с ними справиться, и здоровые — иными словами, отличные объекты для исследований. И парковка всегда открыта... Но сейчас он не поедет в Беллвью, он ведь только что оттуда.

На самом деле ему даже думать не следовало о том, чтобы выходить сегодня на охоту. Он ничего не спланировал, не провел разведку, которая показала бы, насколько это будет безопасно. Но в его крови пели «ангелы», и все было возможно.

Он подумал о другой стоянке, не рядом с Беллвью. О парковке у какого-нибудь государственного учреждения.

Стоянки — отличное место, потому что там легко спрятаться, люди постоянно приезжают и уезжают, причем многие из них в одиночку. Да и транспортировка материала не составляет никакой проблемы...

А эта особенно хороша: на каждом уровне есть вход в правительственное здание, двери закрываются на кодовые замки. Человеку, приехавшему на машине, совсем не обязательно возвращаться мимо дежурного в кассе. Так что можно ждать внутри.

На парковке был только один лифт, который доставлял посетителей на улицу. Беккер представил себя в кабине лифта вместе с выбранным объектом. Он оглушает ее электрошокером в тот момент, когда они будут выходить, применит газ, спрячет тело между машинами, затем подъедет к нужному месту, чтобы его забрать. Все очень просто.

К тому же приглянувшаяся ему автостоянка находилась совсем рядом, на границе Чайнатауна.

Сохраняющий здравый смысл Беккер, оказавшийся в ловушке на задворках его сознания, предупреждал: «Нет, нет, нет, нет...»

Но другой Беккер, в крови которого полыхал «пи-си-пи», резко вывернул руль и направился на юг.

В Чайнатаун.

На улице было больше людей, чем ожидал Беккер, но он не обращал на них внимания. Коктейль из кокаина с «пи-си-пи» поглотил его сознание, настроив на одну цель. Он въехал прямо в парковочный гараж, потянулся через руль, взял билет и покатил по наклонной спирали наверх. Каждый этаж был освещен, но Беккер не заметил камер наблюдения. Постепенно спираль его захватила, сердце, точно молот, колотилось в груди, лицо пылало.

Он проехал на последний уровень, припарковался, открыл упаковку с кокаином, высыпал немного на руку, вдохнул его, слизнул остатки.

И улетел...

Вернувшись в реальность, Беккер выбрался из машины, прихватив с заднего сиденья сумку со всем необходимым для охоты. Вокруг шахты лифта шла лестница, и он, стараясь не шуметь, начал спускаться вниз по ступенькам, где было темнее, чем на самой стоянке. Он шел на цыпочках, повесив сумку на плечо и положив руку на электрошокер.

У второй двери Беккер остановился, проверил резервуар для анестетика и маску. Мысленно повторил порядок действий: подойти сзади, оглушить током, зажать рот, чтобы не были слышны крики, спуститься вместе с добычей на лифте, использовать газ. Он вышел с лестницы, посмотрел на крошечную площадку у лифта. Великолепно.

Беккер вернулся на место засады.

Он ждал.

Ждал...

Прошло двадцать минут, напряжение нарастало. Он запустил руку в карман, нашел еще одну таблетку, прожевал ее, наслаждаясь горечью. Где-то наверху закрылась стальная дверь, и по всему пандусу прокатилось громкое эхо, а через несколько мгновений вниз покатила машина. Затем снова наступила тишина. Еще пять минут, десять.

Новый автомобиль въехал внутрь и остановился на втором этаже. Послышался стук высоких каблучков по бетонному полу... Беккер напрягся, быстро опустил руку и один раз нажал на кнопку электрошокера, проверяя его.

Потом... ничего. Стук каблучков удалялся. Женщина шла вниз по пандусу, направляясь на улицу, вместо того чтобы войти на лестницу или поехать на лифте.

Проклятье! Ничего не получается. Беккер посмотрел на часы: прошло десять минут, не больше... Он вдруг вспомнил Города-близнецы и актрису. Он обманул ее, одевшись как сотрудник газовой компании, проверяющий утечку, и убил молотком. Он вспомнил, как нанес удар, потом вспышка... Беккер улетел.

И вернулся через некоторое время, как обычно тяжело переводя дыхание. Он услышал шаги внизу и женский голос.

Двери лифта открылись этажом ниже.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Беккер схватил сумку, завернул за угол, выбежал в вестибюль у лифта и нажал на кнопку «вверх». Его захватило предвкушение, и он не слушал свой внутренний голос, который повторял: «Нет, нет, нет, нет».

Лифт подошел, двери открылись. Внутри стояла темноволосая женщина с огромной сумкой, широко раскрыв глаза и засунув руку внутрь сумки. Она не ожидала, что лифт остановится на втором этаже. Увидев Беккера, незнакомка расслабилась. Он кивнул, вошел внутрь, подождал, когда закроются двери. Женщина нажала на кнопку шестого этажа, и Беккер потянулся к той же кнопке, словно ему было нужно туда же, но опустил руку. Он встал к задней стенке кабины и стал смотреть на сменяющиеся друг друга цифры.

«У нее в сумке пистолет, — подумал Беккер, — пистолет или баллончик со слезоточивым газом».

Подумав об этом, он попал в круговорот одной и той же мысли, которая затянула его, точно петля, а когда очнулся, они уже приехали на шестой этаж. Беккер нащупал в сумке электрошокер.

Он искоса взглянул на женщину и, заметив, что она пристально смотрит на него, тут же отвел взгляд. Нельзя встречаться с ней глазами, они могут ей слишком многое сказать. Он снова осторожно посмотрел на нее, и ему показалось, что незнакомка старается оказаться как можно дальше от него. Прозвучал резкий сигнал, и двери начали открываться. Одно короткое мгновение ни один из них не шевелился, затем женщина вышла. Беккер последовал за ней, отставая на несколько футов, повернулся в ее сторону и тихо сбросил обувь, рассчитывая подойти к ней незаметно и застать врасплох.

Но женщина вдруг скинула туфли и побежала, оглядываясь на него. При этом она громко и пронзительно закричала.

Она поняла!

Беккер, которого ее вопль на мгновение заставил замереть на месте, помчался за ней.

Она продолжала визжать, сумка покатила по шершавому бетонному полу, и наружу высыпалось содержимое: помада, ежедневники и какая-то бутылочка. Женщина метнулась между двумя машинами, отступая к внешней стене. В руках она сжимала баллончик, продолжая кричать.

Слезоточивый газ.

Потеряв по дороге свою сумку, Беккер догнал жертву и набросился на нее с голыми руками, не в силах противиться могучему желанию заставить ее замолчать.

«Она поняла, поняла, поняла»...

Женщина остановилась между машинами, выставив вперед руку с баллончиком. Она жадно хватала ртом воздух, ноздри раздувались. Добраться до нее можно было, только бросившись вперед.

Беккер метнулся к цели, пригнувшись в последний момент и подняв одну руку, чтобы защититься от слезоточивого газа. Она наставила баллончик на него и нажала на кнопку, но ничего не произошло — послышалось шипение, и в воздухе появился едва различимый запах цветущих яблонь.

Незнакомка отступила к самой стене пандуса, достигающей ей до пояса. У нее за спиной мерцали огни города, а в ушах Беккера оглушительно гремел ее жалобный, пронзительный вопль.

Он набросился на нее, схватил одной рукой за горло, а другой между ног, приподнял вверх и...

Женщина перелетела через невысокую стену.

Просто упала, как будто он швырнул вниз мешок с удобрениями.

Она рухнула на землю без единого звука.

Потрясенный Беккер, тяжело дыша, точно запыхавшийся пес, смотрел, как она падала. Она упала лицом вверх, раскинув руки, и ударилась головой.

Женщина умерла, словно погасла спичка. Стоя на шестом этаже, Беккер видел, что она мертва. Он повернулся, чтобы проверить, бежит ли кто-нибудь на ее крик.

Все было тихо, но вдалеке выла полицейская сирена. В панике он бросился назад, к лестнице, взлетел на два этажа, сел в свою машину, завел двигатель и помчался вниз по пандусу. Где они? На лестнице?

Никого.

Служащая парковки вышла из своей будочки и выглянула на улицу. Затем вернулась и вошла внутрь. Она жевала резинку и хмурилась.

— Один доллар и пятьдесят центов, — сказала она.

Беккер заплатил.

— Что происходит?

— Наверное, драка, — коротко ответила она. — Я видела, как бежали несколько парней.

Двенадцать часов спустя Беккер сидел в полутьме за пишущей машинкой «Ай-би-эм», тихонько напевал «You Light Up My Life» и стучал по клавишам негнушными пальцами, сосредоточенно работая. В воздухе у него над головой парила стая пауков, которые висели на темной нитке, прикрепленной к решетке. Мобиль ^[21] из пауков.

«Пи-си-пи» очертил окружающий мир яркими четкими красками, и Беккер наслаждался хрустальной прозой, изливающейся из машинки на белую бумагу.

«...неверные утверждения в записках Делано (сентябрь, 1986) о том, что спинномозговое давление делает неточными измерения внутричерепного давления во время предсмертной деятельности мозга. Делано не заметил очевидного и не вызывающего сомнений свидетельства...»

Это была настоящая песня, и таракан Делано, вне всякого сомнения, потеряет работу в Стэнфорде, когда мир узнает о его профессиональной небрежности...

Беккер откинулся на спинку стула, глядя вверх, на своих пауков, и рассмеялся от этой приятной мысли. Эйфория постепенно проходила. Он наклонился вперед. Беккер Мыслитель. Он сегодня допустил ошибку. Самую худшую из всех, что совершал до сих пор. Возможно, время подходит к концу. Ему необходимо работать, нужен новый объект, но следует быть очень, очень осторожным.

Хм. Он выключил пишущую машинку и отложил в сторону свою рукопись, аккуратно выровняв углы бумаги. Затем отправился в ванную комнату, снова вымыл лицо, посмотрел на шрамы. Действие наркотика ослабевало. Возможно, даже удастся поспать. Когда же он спал в последний раз? Беккер не смог вспомнить.

Он сбросил одежду на пол, взглянул на часы. Позднее утро. Может быть, пара часов, хотя...

Он лег, прислушался к биению своего сердца.

Закрыв глаза.

И почти заснул.

Но в последний момент у него в голове возникла смутная мысль. Впрочем, Беккер все понял и почувствовал, как сердце быстрее забилось в груди, а кровь наполнилась адреналином.

Он не вырезал глаза. Разумеется, у него не было возможности, но какое это имеет значение? Она его видит, та темноволосая женщина.

Она за ним придет.

Беккер засунул большой ком простыни в рот и закричал.

Водитель сбросил скорость, и перегородка между передним и задним сиденьем опустилась на дюйм. В такой ранний час на улицах почти не было движения, и они ехали быстро, но О'Делл находился в мрачном настроении из-за того, что его подняли ни свет ни заря. Лили не спала вовсе.

— Хотите «Таймс»? — спросил через плечо Копленд.

— Да, — кивнул О'Делл, и водитель повернул к тротуару, где продавец газет размахивал толстой кипой перед проезжающими машинами.

По радиоприемнику, установленному около переднего сиденья, транслировали ток-шоу. Беккер, снова Беккер. Когда Копленд опустил окно, они услышали ту же передачу из приемника продавца. Тот протянул газету, взял пять долларов и принялся отсчитывать сдачу.

— Я беспокоюсь, — сказала Лили. — Они могут снова попытаться.

— Ничего не случится. Они не собирались его убивать, а действовать еще раз таким же способом для них рискованно. Особенно если он такой крутой парень, как ты твердишь.

— Кто мог предположить, что они решатся на такое?

— Да мы вообще не думали, что на него нападут.

Копленд передал экземпляр «Таймс» на заднее сиденье. Он был сложен пополам, и заголовок посередине гласил: «Армия подозревает Беккера в убийствах, совершенных во Вьетнаме».

— Это наверняка брехня, — проворчал О'Делл, просматривая статью. — Есть что-нибудь из Миннеаполиса?

— Нет.

— Проклятье! Почему эти придурки не проверяют его? Откуда им знать, что история, случившаяся в Миннеаполисе, не является прикрытием для отдела внутренних расследований?

— Пока ничего. Ребята в Миннеаполисе занимаются этим.

В машине, которая катила по Манхэттену, точно бронированное привидение, повисло молчание.

— Наверняка это Фелл. Иначе и быть не может, — произнес наконец О'Делл.

Лили покачала головой.

— На нее ничего нет. Ей позвонили один раз, из автоматизированного компьютерного центра, и сказали, что она выиграла приз и может забрать его в каком-то кондоминиуме в Джерси. Прослушка офисного телефона тоже ничего не дала.

— Черт. Наверное, она звонила из автомата. Нужно будет установить за ней наблюдение.

— Я бы подождала. Фелл довольно долго работала патрульным, она рано или поздно обнаружит слежку.

— Это ее рук дело. Если только на него напали не настоящие грабители.

— Нет. Лукас считает, что это полицейские. Он сказал, что у одного на поясе висела обтянутая кожей черная дубинка. Единственное место, где можно купить такую, — это база снабжения полиции. Кроме того, он говорит, что они даже не попытались забрать его бумажник.

— Но они не собирались его убивать.

— Нет. Он считает, что они хотели вывести его из строя. Возможно, сломать что-нибудь...

— Хм, — промычал О'Делл, криво ухмыльнувшись. — А ты знаешь, что в Нижнем Истсайде однажды действовала банда с необычной специализацией: они за десять баксов подряжались откусить ухо кому надо?

— Я не знала, — сказала Лили.

— И такое бывает... Ладно. Вернемся к Дэвенпорту. Держи его в неведении.

— Я продолжаю себя чувствовать так, будто я его предаю, — пробормотала Лили, отвернувшись от О'Делла и глядя в окно.

По тротуару какой-то мальчишка толкал велосипед со спущенной шиной. Он повернулся, когда мимо проехала большая машина, и уставился прямо на Лили. У него были пустые змеиные глаза десятилетнего психопата.

— Он знал, во что ввязывается.

— Не совсем, — сказала Лили, отворачиваясь от серых глаз паренька, который смотрел им вслед, и взглянула на О'Делла. — Он думал, что знает, но ведь он из маленького городка. Лукас не отсюда. Он все воспринимает иначе.

— Как ты объяснила Кеннету то, что Дэвенпорт оказался у тебя дома?

— Я... солгала, — ответила Лили. — И я бы не отказалась, если бы вы меня прикрыли.

— Хм.

Лукас пострадал не слишком сильно, и Лили остановила такси и отвезла его в медицинский центр «Бет Израэль», а сама доложила о нападении. Поскольку она применила оружие, требовалось заполнить официальные формы. Она сразу приступила к этому и позвонила Кеннету, чтобы сообщить о случившемся.

— Я должен поинтересоваться, что он делал в твоей квартире в два часа ночи? — спросил Кеннет с напускным весельем.

— Вряд ли тебе это покажется интересным, — ответила Лили. — Это была чисто деловая встреча, никаких удовольствий.

— И я не хочу знать.

— Точно.

— Ладно. Ты в порядке? Я имею в виду, в действительности, — спросил он через мгновение.

— Конечно. У меня разбито окно, стекло придется вставлять...

— Хорошо. Поспи. Поговорим позже.

— И это все? Я имею в виду...

— Доверяю ли я тебе? Разумеется. Увидимся вечером.

Лили смотрела в окно машины на пронесившийся мимо город. Может быть, она предала Лукаса. Или Кеннета. Она больше ни в чем не была уверена.

— Кретины, — возмутился О'Делл, и газета в его руках задрожала от ярости.

Репортеры приходили и уходили. Более наивные верили в историю Лукаса о том, что на него напали грабители, другие сомневались. Журналист из «Ньюсдей» решительно заявил, что происходит что-то еще: возможно, у Беккера есть сообщники или кто-то другой пытается помешать расследованию.

— Я ничего не знаю про грабителей в Миннеаполисе, но в Нью-Йорке они не объединяются в пары, как в рестлинге. Если только вы не лжете, на вас напали профессионалы.

После того как все ушли, Лукас принял еще несколько таблеток тайленола, доплелся до ванной комнаты и вернулся как раз в тот момент, когда Лили появилась в коридоре.

— Ты ужасно выглядишь, — сказала она.

— Все из-за щеки. Она жутко болит. — Он прикоснулся к распухшему багровому синяку средним пальцем. — По крайней мере, голова уже лучше. Меня выпустят после ланча.

— Я слышала, — ответила Лили.

— Спасибо, что прислала джинсы. Другие мои штаны...

— Пострадали, — закончила она за него.

— Точно.

— О'Делл договорился о лекции про Менгеле — сообщение о ней появится сегодня в дневных газетах, «Таймс» напечатает его завтра утром, и мы попросим всех обратить на него внимание. Телевидение в том числе. Мы нашли одного ученого, который уже читает лекции о Менгеле.

— Здорово, — сказал Лукас. — Когда?

— В понедельник.

— Господи, так скоро?

— Нам нужно все проделать как можно быстрее. Может быть, удастся поймать Беккера, прежде чем он еще кого-нибудь убьет. — Лили отступила к больничному стулу, села и бросила сумку на пол у ног. — Послушай, насчет прошлой ночи... Ты абсолютно уверен, что это были полицейские?

— Абсолютно. Они могли быть профессиональными костоломами, но у меня не сложилось такого ощущения. Наоборот, я почувствовал, что это копы. А почему ты спрашиваешь?

— Я подумала о другой возможности.

— Смит?

— После того как ты разгромил его лужайку...

Лукас принялся тереть губу.

— Может быть, — сказал он. — Но я в этом сомневаюсь. Тот, кто занимается темными делами, умеет справляться с подобными ударами.

— Ты разговаривал с Фелл сегодня утром?

— Она едет сюда. Нам дали наводку на пару человек, которые могут что-то знать о Беллвью. Она поговорила с Кеннетом, чтобы убедиться, что мы никому не перебежим дорогу.

— Хорошо. К нам должен подъехать Бобби Рич. Это тот парень, что узнал про свидетеля.

— Про того, которого нашел Петти...

— В тот день, когда его убили. И еще нужно просмотреть кое-какие бумаги.

— Я думаю, это бессмысленно, — сказал Лукас. — Что касается жертв, мы не найдем в их биографиях ничего, что укажет нам на убийц. Попробуем рассмотреть вопрос с точки зрения бюрократии: кто брал их дела и когда.

— Это невозможно.

— Да, я знаю.

— Значит, мы завязли?

— Не совсем, но мы уже почти все перепробовали. Может быть, Рич нам поможет. Кроме того, у нас есть Фелл. Я хочу взглянуть на квартиру Петти и его личные вещи. И еще было бы неплохо посмотреть на то место, где его застрелили.

— Это примерно в полумиле от моего дома — мы можем пройти пешком. Его квартира опечатана. Я возьму новую печать и отведу тебя туда. Когда?

— Может, сегодня вечером, после того, как мы поговорим с Ричем?

— Отлично.

— Что ты сказала Кеннету?

— Насчет того, что ты был у меня дома? Ты пришел в гости, а секс в наши планы не входил ни в прошлую ночь, ни в будущем. Я заверила его, что ты не делал мне никаких предложений и я тебе тоже. Нам просто нужно было кое-что обсудить.

— Звучит ужасно, — усмехнулся Лукас.

— Могло быть ужасно, но мне все сошло с рук. Кроме того, я ему наврала, что часть времени с нами был О'Делл. Джон это подтвердит.

Через несколько минут появились Кеннет и Фелл, и Лили взорвалась:

— Боже праведный, Дик, что ты здесь делаешь? Ты что, всю дорогу шел пешком? — Уперев руки в бока, она сердито повернулась к Фелл. — Барбара, ты позволила ему...

— Помолчи, Лили, — приказал Кеннет и прикоснулся указательным пальцем к ее щеке. А затем повернулся к Лукасу и заявил: — Ужасно выглядишь.

— А ты что думаешь, Барб? — спросил Лукас.

Фелл спряталась за Кеннетом, выглянула из-за его спины и ответила:

— Он прав.

— Значит, мнение единогласное, — подытожил Лукас. — То же самое сказала Лили, когда сюда вошла. Единственный, кто мне ничего такого не говорил, — это двадцатичетырехлетняя журналистка из «Таймс» с потрясающей попкой. Девушка считает, что я выгляжу совсем неплохо, к тому же она готова узнать подробности этого случая в личной беседе с героем происшествия...

— Наверное, у него сотрясение мозга, — предположила Фелл.

— Он всегда такой, — ответила Лили. — Думаю, это врожденная глупость.

Кеннет покачал головой и проговорил:

— Черт подери женщин, они никогда не могут устоять перед разбитой физиономией. Я всегда старался получить пару синяков и ссадин, если хотел кого-то соблазнить. Работало, как часы... — Он замолчал, нахмурился и посмотрел на Лукаса. — А ты пытаешься кого-нибудь соблазнить?

И он перевел взгляд на Лили.

— Не слишком сильно он старается, — заметила Фелл.

Лукас и Кеннет рассмеялись, Лили — нет.

— Послушайте, что я хотел сказать, — начал Кеннет. — Займитесь теми именами, которые вам удалось узнать. Фелл их проверила...

— Один адрес многообещающий, а другой не очень, — доложила Фелл.

— Торговцы наркотиками?

— Нет. Ни тот ни другой. По крайней мере, никто об этом не слышал.

— Хорошо. — Лукас встал с кровати. — Давайте дойдем до сестринского поста. Может, удастся уговорить их отпустить меня до ланча.

Старшая медсестра сказала, что лечащий врач хотел еще раз осмотреть Лукаса и что она попросит доктора зайти к нему в палату, как только он придет, то есть через несколько минут.

— Он осмотрит вас первым.

— Хорошо, но можно побыстрее?

— Сразу как он появится.

— Мне пора, — сказала Лили. — Постарайся сегодня не слишком напрягаться.

— Конечно.

Лукас осторожно направился назад в палату, стараясь не слишком быстро поворачивать голову. У двери он оглянулся на лифт. Кеннет и Лили ждали, глядя на цифры, загорающиеся наверху, затем Кеннет наклонился к Лили, она встала на цыпочки, и они поцеловались так, словно ничего важнее на свете не было. Лукас отвернулся и увидел, что Фелл заметила, как он наблюдает за парой.

— Настоящая любовь, — грустно произнес он.

Горячее, окутанное дымкой солнце вызывало у него легкую тошноту, а головная боль затаилась где-то глубоко.

— Ты бледный, и вид у тебя совсем нездоровый, — озабоченно сказала Фелл.

— Я в порядке. — Лукас посмотрел на вывеску магазина: «Телевизоры и бытовые приборы, детали и ремонт, Арнольд». — Давай поговорим с хозяйкой.

Когда они вошли, звякнул колокольчик. Грузная женщина подняла голову от грессбуха, захлопнула его и тяжело поднялась им навстречу.

— Чем я могу помочь?

У нее была веселая желтозубая улыбка и невероятный акцент жительницы гор Западной Виргинии. Взглянув на Лукаса, она проговорила:

— Ого, у вас такой вид, будто вы попали в серьезную переделку.

— Мы из полиции, — сказала Фелл, приподняла клапан сумки и показала свой значок. — Вы Роза Арнольд?

Улыбка женщины увяла, и она нахмурилась.

— Понятно. Чего вы хотите?

— Мы ищем одного человека и решили, что, возможно, вы сумеете нам помочь, — ответил Лукас.

— Я здесь не так давно...

Лукас сунул руку в карман, достал зажим для денег, вытащил оттуда свои права и протянул Арнольд.

— Барбара из полиции Нью-Йорка, — сказал он, кивком показывая на Фелл, — а я нет. Я из Миннеаполиса. Меня пригласили, чтобы я помог им отыскать выродка по имени

Беккер, который убивает людей.

— Правда? — Арнольд никак не отреагировала, только разглядывала его своими маленькими глазками, как курица, подозревающая, что ей сейчас свернут шею.

— Да. В нашем городе он убил мою подружку. Возможно, вы об этом читали. Я собираюсь поймать его и прикончить.

Женщина кивнула и спросила:

— А при чем тут я?

— Мы думаем, что он получает то, что ему необходимо, — наркотики и медицинское оборудование — из Беллвью. Мы знаем, что вы торгуете самыми разными вещами, принадлежавшими раньше этой больнице.

— Чуть, я даже не притронулась...

— Две недели назад вы вывезли оттуда пятьсот упаковок белой копировальной бумаги фирмы «Хэммермил бонд», заплатили за них по доллару за упаковку и продали все магазину товаров для компьютеров по три доллара за штуку, — перебила ее Фелл. — Мы могли бы вас арестовать, если бы хотели, но нам нужна помощь.

Роза Арнольд молча смотрела на них, и Лукас увидел, что в ее глазах светится острый ум. Она просчитывала варианты. Он представил себе, как она вытаскивает из ящика какую-нибудь старую железку, что-нибудь вроде ржавого «ивер джонсон» тридцать второго калибра, какие еще попадаются в горных деревнях, и наставляет ему на грудь. Но если не считать шороха мух, бьющихся в витрину, ничего не произошло.

— Убил твою подружку? — повторила она и наклонила голову, искоса поглядев на него.

— Да, — ответил он. — Это очень личное.

Она еще пару минут обдумывала его слова, затем спросила:

— Чего ты хочешь?

— Мне нужно имя человека, который крадет из Беллвью разное оборудование.

— Мое имя всплывет?

— Ни в коем случае.

Она еще немного подумала, а затем пробормотала:

— Лью Уайтчерч.

— Лью...

— Уайтчерч, — повторила женщина.

— Кто еще?

— Он единственный работает там.

— А существует ли вероятность того, что он торгует наркотиками?

— Думаю, да. Я к ним не прикасаюсь, но у Лью... у него есть такая проблема. Он иногда нюхает.

— Спасибо. — Лукас достал из кармана визитку, перевернул и написал номер своего телефона в отеле. — Ты не продавала контрольные приборы для отделения «скорой помощи»? Или, может, знаешь кого-нибудь, кто это сделал?

— Нет, — уверенно ответила она.

— Поспрашивай своих знакомых. Если найдешь кого-то, пусть он мне позвонит. Клянусь на Библии, что, кроме меня, никто ничего не узнает. Я этим занимаюсь только потому, что Беккер перерезал горло моей подружке.

— Перерезал горло?

Женщина прикоснулась к своей шее.

— Ножом для хлеба, — уточнил Лукас и подпустил горечи в следующую реплику: — Послушай, каждый, кто имеет дело с Беккером, может закончить свои дни привязанным к операционному столу и узнать, что такое, когда тебе выкалывают глаза и вырезают сердце, пока ты еще живой... Ты же читаешь газеты.

— Смотрю телевизор.

— Тогда ты все знаешь.

— Он проклятый псих, вот кто он такой.

— Поговори со своими друзьями. И позвони мне.

Когда они вышли на улицу, Фелл сказала:

— Сукин сын! Иногда ты меня пугаешь. Ты использовал свою подружку...

— Она мертва, ей все равно, — ответил Лукас и пожал плечами. — Но простые люди, родившиеся в горах, понимают, что такое месть.

— Напомни мне имя.

— Лью Уайтчерч. И она думает, что он торгует наркотиками.

— Давай займемся им, — согласилась Фелл.

Когда они ловили такси, она сказала:

— Если я сама поймаю Беккера, я получу звание детектива первого класса до того, как выйду на пенсию.

— Это было бы здорово.

Сквозь поток машин к ним направлялось такси.

— Более высокая пенсия. Тогда я могла бы себе позволить работать обычной официанткой и мне не пришлось бы танцевать топлес.

— О-о, — разочарованно протянул Лукас. — А я собирался прийти на твою премьеру.

— Может быть, мы что-нибудь придумали бы, — ответила она и села в такси, прежде чем Лукас успел ответить.

Полицейские нашли Льюиса Уайтчерча, который толкал перед собой тележку с инструментами, в подвальном коридоре Беллвью. Его начальница, заместитель главного администратора больницы, указала на него и с беспокойством осталась стоять неподалеку. Она сообщила им, что люди Кеннета уже побывали здесь и разговаривали с двумя другими служащими.

— Кто вы? — спросил Уайтчерч.

Фелл показала ему свой значок, а Лукас перекрыл путь к отступлению.

— Нам нужно поговорить с вами наедине.

Уайтчерч покачал головой.

— Я не хочу ни с кем разговаривать.

— Мы можем побеседовать здесь или я вызову наряд и мы отправимся в Южный участок.

— О чем? — спросил Уайтчерч, бросив быстрый взгляд на свою начальницу.

— Давайте найдем другое место, — предложил Лукас.

Они устроились в мастерской госпиталя и уселись на выдавшие виды офисные стулья. Уайтчерч поворачивался то к одному, то к другому.

— Клянусь Богом, я не знаю...

Полицейские рассказали ему про пятьсот упаковок бумаги.

— Я не собираюсь ничего такого обсуждать, — заявил Уайтчерч. У него был густой, точно майонез, акцент жителя Нью-Джерси. — Хотите поговорить про того типа, Беккера — я помогу вам, чем смогу. Но мне ничего не известно ни о нем, ни о медицинском оборудовании. Я к этому дерьму ни за что не стану прикасаться... — Он взял себя в руки. — Послушайте, я ничего отсюда не выношу, но даже если бы и выносил, приборы я бы не трогал. Ну, вы же понимаете, потому что люди могут умереть.

— Если мы поймаем того, кто связался с Беккером, он пойдет вслед за ним, как соучастник. Его ждет «Аттика»,^[22] и вот что я тебе скажу, приятель: никакого залога для того, кто помогал этому мерзавцу, не будет.

— Господи, я бы вам сказал, — заныл Уайтчерч, отчаянно потев. — Послушайте, я знаю несколько человек, которым, возможно, известно...

— И что ты думаешь? — спросила Фелл.

— Он неплохо держался. Я не знаю. В любом случае, у нас есть имена. А к нему мы еще вернемся. Пусть немного поварится в собственном соку...

Уайтчерч назвал им еще двоих человек, оба сегодня работали.

— Джейкс — санитар, он должен быть где-то здесь, — сказала помощница главного администратора. Ее захватила охота, и она заговорила лаконичными фразами, невольно подражая Фелл. — Уильямс... насчет него я выясню.

Они нашли Харви Джейкса в прачечной, где он вынимал из машины простыни.

— Я не в курсе, — с беспокойством ответил он. — Послушайте, понятия не имею, почему вы пришли ко мне. Я никогда ничего такого не делал, ничего не брал. Кто вам назвал мое имя?

Уильямс оказался и того хуже. Он работал в прачечной и оказался совсем тупым.

— Что вы говорите?

— Мы говорим, что вы тащите отсюда самые разные вещи и...

— Что вы сказали?

Лукас внимательно посмотрел на него, затем перевел взгляд на Фелл и покачал головой.

— Он не притворяется.

— Что? — спросил Уильямс, и его отправили назад, в прачечную.

— Мы влезли в дела черного рынка — здесь многое зависит от случайности, все пользуются возможностями, которые им представляются, и таких трудно прижать, — сказала Фелл, когда они шли по коридору. Как и все остальное в Нью-Йорке, интерьер Беллвью представлял собой сплошные заплатки, более светлые пятна на темном фоне. — Выглядит это все не слишком убедительно. Уайтчерч может быть крупной рыбой, если он сумел найти грузовик, чтобы вывезти отсюда столько бумаги. Джейкс и Уильямс — мелочь, если они вообще что-то воруют.

— Примерно так, — согласился Лукас. — Но Уайтчерча надо взять на заметку.

— Хочешь к нему вернуться?

— Надо бы, — сказал он, засунув руки в карманы. — Но у меня все болит...

— Ты постоянно трогаешь щеку. — Фелл легко прикоснулась к его синяку, он даже боли не почувствовал. — И что же мы будем делать?

— Я возвращаюсь в отель. Мне нужно поспать, я отвратительно себя чувствую.

— Мы зашли в тупик?

— Если не считать Уайтчерча, я не знаю, в какую сторону двигаться, — ответил Лукас. — Давай подумаем. Я позвоню тебе завтра.

В «Лакоте» Лукас изучил в зеркале свою раздувшуюся щеку. Синяк потемнел, багровое пятно, расплзшееся на пол-лица и особенно яркое в середине, по краю было шероховатым. Он коснулся щеки и поморщился. Лукас не в первый раз получал сильные удары и знал, что его ждет: на месте содранной кожи появится корочка, вокруг нее все станет желто-зеленым, и через неделю он будет выглядеть еще хуже — превратится в настоящего Франкенштейна. Он покачал головой, попробовал осторожно улыбнуться, проглотил полдюжины таблеток аспирина и проспал два часа. Когда он проснулся, головная боль заметно ослабела, но появилась тошнота. Он выпил еще четыре таблетки аспирина, принял душ, почистил зубы, вытащил из-под кровати блокнот «Биенфанг», а из чемодана — широкий маркер и написал:

«Беккер.

Нуждается в деньгах.

Нуждается в наркотиках.

Живет в Мидтауне с другом?

Есть автомобиль.

Его никто не видел. Маскировка?

Знает химию.

Знает медицину.

Контакт в Беллвью.

Ночь».

Лукас прикрепил схему к стене и принялся ее изучать, лежа на кровати. Если Беккер покупает наркотики, ему требуются деньги — иначе быть не может. В тюрьме округа Хэннепин он страдал от ломки и умолял, чтобы ему вернули таблетки.

Вывод: он должен искать контакты с поставщиками или хотя бы одним из них. Может быть, он работает на кого-то? Едва ли в качестве продавца: даже самый недалекий дилер поймет, что имеет дело с бомбой с часовым механизмом, если узнает Беккера. Возможно, он выступает в качестве химика — метамфетамин несложно синтезировать, если ты получил необходимую подготовку и имеешь доступ к нужным материалам. Если он начал производить метамфетамин, тогда понятно, откуда у него деньги, наркотики и даже место проживания.

Машина — это уже иная проблема. Беккер избавляется от тел и, очевидно, использует автомобиль. Где он его взял? Откуда у него документы? Все указывает на сообщника...

Лукас встал, зашел в ванную комнату и посмотрел в зеркало. Кожа на разбитой щеке затвердела. Он потрогал ее ногтем, оторвал корочку, и по скуле потекла струйка крови. Проклятье! Нужно быть осторожнее. Лукас взял кусок туалетной бумаги, прижал к щеке и вернулся в постель.

Он снова принялся изучать схему на стене, но задумался о другом. Почему на него напали? Действительно ли с ним хотели расправиться или происходит что-то еще? Его вполне могли пристрелить: в тот момент он был беспомощен. А если его не собирались убивать, бейсбольные биты позволили бы разобраться с ним более эффективно. Почему нападавшие рискнули и дали ему шанс оказать сопротивление? Если бы он успел вытащить

пистолет, то мог бы их убить...

Почему Лили выглянула из окна именно в это время?

Но главная загадка была слишком сложной. Пока он не сумел продвинуться вперед, и Лили с О'Деллом это понимали. Он мог лишь изучать документы и слушать, что говорят вокруг. Лукас не владел внутренней информацией, не знал предыстории — и в результате не понимал, в каком направлении следует искать. Однако его окружали люди, которые к этому причастны: Фелл, Кеннет, сам О'Делл и даже Лили. Тогда о случайности не может быть и речи.

В восемь тридцать он встал, оделся, вышел на улицу, взял такси и через десять минут был в квартире Лили. Она его ждала.

— Ты все еще плохо выглядишь. — Лили прикоснулась к его щеке. — Какая горячая! Ты уверен, что сможешь сегодня работать? Придется побегать.

— Ладно, — кивнул он. — Ричу назначено на девять?

— Да. Он нервничает, но придет.

— Я не хочу, чтобы он меня видел, — сказал Лукас.

— Хорошо. Ты можешь сидеть на кухне с выключенным светом, а он будет говорить с тобой из коридора.

— Отлично.

Лукас сунул руки в карманы и направился на кухню.

— Есть что-нибудь новое по Беккеру? — спросила Лили, последовав за ним.

— Нет. Впрочем, я пришел к выводу, что он выходит только по ночам. — Лукас сел на высокий дубовый стул и оперся о стойку бара. Рядом стояла керамическая ваза ручной работы, наполненная яблоками. Он взял одно и принялся вертеть в руке. — Даже если он пользуется театральным гримом, при дневном свете его лицо не может не привлекать внимания.

— И что из этого следует?

— Можно ли организовать после полуночи проверку одиноких мужчин, которые ездят на недорогих автомобилях в центре города?

— Господи, Лукас! Шансы отыскать его таким образом минимальны, а какие-нибудь психи пристрелят нескольких полицейских во время таких проверок.

— Я лишь пытаюсь найти способ оказать на него давление, — сказал Лукас и бросил яблоко в вазу.

— Неужели мы хотим вытеснить его отсюда? Он просто переберется в другое место и начнет все сначала...

— Я не уверен, что мы на это способны. Уж не знаю, каким образом, но у него здесь все очень удачно сложилось. Он сумел найти надежное убежище. Если он уедет, то все потеряет. Сама подумай: сейчас Беккер один из самых известных людей в стране. Он не может останавливаться в отелях, заправляться на бензоколонках, ему нельзя пользоваться общественным транспортом. И ездить на машине, не подвергаясь опасности, — если его остановит полицейский, ему конец. Беккеру необходимы наркотики и деньги. Если мы сумеем на него надавить и он пустится в бега, то долго не продержится.

Лили немного подумала и кивнула.

— Пожалуй, мы кое-что сможем сделать. Мы не будем останавливать всех подряд, но можно объявить, что мы проводим такую операцию, и попросить поддержки у населения. Показать несколько задержаний по телевидению...

— Было бы неплохо.

— Завтра я поговорю с Кеннетом.

Лили села на стул напротив Лукаса, положив ногу на ногу и обхватив колено руками.

— Как получилось, что это дело поручили ему? — спросил Лукас.

— О'Делл использовал свои связи. Кеннет — один из наших лучших специалистов по организации и проведению подобных расследований.

— Они не любят друг друга.

— Да, не любят. Я не знаю, почему О'Делл выбрал именно Кеннета, но могу сказать одно: он бы так не поступил, если бы не был уверен, что Кеннет поймает Беккера. В Миннеаполисе тебе удавалось контролировать бюрократическую сторону процесса из-за того, что у вас небольшой департамент и все знают друг друга. Но здесь... Мы должны найти Беккера, или покатаются головы. Люди напуганы.

Лукас кивнул и немного подумал.

— Кеннет связан с отделом сбора информации. Ты уверена, что он не имеет отношения к так называемому Робин Гуду?

Лили посмотрела на свои руки.

— Я это чувствую. Впрочем, я ничего не могу доказать. Тот, кто стоит во главе этих людей, наделен харизмой и даром организатора... и имеет определенные политические взгляды. Кеннет подходит по всем параметрам.

— Но?..

— Он обладает здравым смыслом. И верит... в добро. Во всяком случае, мне так кажется. Мы с ним говорим о самых разных вещах...

— Хорошо.

— Но это не доказательство, — закончила Лили.

Она была напряжена, вопрос Лукаса вызвал у нее тревогу.

— Меня интересовали не улики, а твое мнение, — сказал Лукас. — А как насчет О'Делла? Складывается впечатление, что он руководит всем. Управляет и тобой, и Кеннетом. Даже мной — по крайней мере, так ему кажется. Он, словно фокусник, вытащил из шляпы Фелл...

— Я не знаю, просто не знаю. Уже одно то, как он выявил Фелл, похоже на настоящую магию. Возможно, мы попусту тратим время.

Она хотела сказать еще что-то, но раздался звонок в дверь. Лили соскочила со стула, вышла в коридор и нажала кнопку интеркома. Послышался мужской голос:

— Бобби Рич, лейтенант.

— Я открыла, — сообщила Лили и повернулась к Лукасу. — Займись светом.

Лукас выключил свет и сел на пол, скрестив ноги. Он наблюдал из темноты, как Лили ждет у двери: высокая женщина с аристократической шеей, заметно похудевшая после их последней встречи.

«Харизма. Хорошие организаторские способности. Определенные политические взгляды».

— Как тебе удалось уговорить О'Делла пригласить меня в Нью-Йорк? — неожиданно спросил Лукас. — Он не хотел этого? Тебе пришлось настаивать?

— Идея исходила от него в большей степени, чем от меня, — ответила Лили. — Я лишь рассказала ему о тебе, а он сразу заявил, что ты идеально подходишь.

Рич постучал в дверь, а Лукас подумал: «В самом деле?»

Рич оказался высоким чернокожим мужчиной атлетического телосложения. Он так коротко стриг редкие волосы, что голова казалась бритой. На нем была зеленая спортивная куртка с коричневыми рукавами и синие джинсы.

— Привет, — поздоровался Рич, входя в квартиру.

Лили указала ему на кресло — она выбрала его, чтобы Лукас мог видеть лицо визитера — и сказала:

— На кухне еще один парень.

— Что?

Рич, усевшийся было в кресло, приподнялся и посмотрел в конец коридора.

— Не вставай, — резко сказала Лили, заставив его опуститься на место.

— Что здесь происходит? — спросил он, по-прежнему глядя в сторону кухни.

— У нас есть человек, который сумел близко подобраться к Робин Гуду. Может быть. Он не хочет, чтобы ты видел его лицо. Он не знает, кому можно верить. Если ты не желаешь говорить со мной в его присутствии, мы можем закончить на этом. Тебе будет достаточно перейти в спальню, а он уйдет. После этого мы останемся вдвоем... но я хотела, чтобы ты знал.

Сжав ладонями ручки кресла, Рич облизнул нижнюю губу. Через мгновение он расслабился.

— Не вижу, как это может мне повредить.

— Конечно, — согласилась Лили. — По большей части он будет просто слушать, возможно, задаст пару вопросов. Почему бы тебе не повторить то, что ты рассказал Уолту? Если кому-то из нас понадобится что-нибудь уточнить, мы тебя прервем.

Рич немного подумал, посмотрел в темноту, словно надеялся что-то увидеть, и кивнул.

— Ладно.

Он находился дома, когда ему позвонил бывший взломщик Лоуэлл Джексон, которого он несколько раз арестовывал. Джексон старался порвать с криминальным прошлым, работал маляром, и дела у него шли неплохо.

— Он сообщил, что ему позвонил приятель, Корнелл по прозвищу Рыжий. Корнелл сказал, что видел, как убили Фреда Уэйтса, и это были не обычные бандиты — один из преступников, немолодой белый мужчина, сидел в машине; Рыжий решил, что он полицейский. Джексон дал мне адрес.

«Немолодой белый мужчина?»

— Ты пытался найти Корнелла? — спросила Лили.

— Да. У меня ничего не вышло. Тогда я отправился на встречу с Джексоном. Он сказал, что сразу после разговора со мной видел Корнелла на его обычном месте — на Сто восемнадцатой улице. Все это есть в моем рапорте.

— Продолжай, — велела Лили.

— Корнелл сказал, что уезжает из города домой. Никто не знает, куда он делся. Его фамилия Рид. Корнелл Рид. У него есть судимость. Наркоман, подсел на крэк. Впрочем, раньше он учился в колледже. Иными словами, это не обычный хулиган с улицы.

— Сколько ему лет? — спросила Лили.

— Около двадцати пяти.

— Он из Нью-Йорка?

— Нет. Предположительно приехал с юга, возможно, из Атланты. Живет здесь

несколько лет, но Джексон сказал, что они никогда не говорили о том, откуда он родом. Тут что-то было... не так. Корнелл не рассказывал о своем прошлом. Когда он напивался, то часто плакал, когда ему задавали вопросы.

— Сколько раз его задерживали?

— С полдюжины, ничего серьезного. Кражи в магазинах, небольшие дозы наркотиков. Мы попытались найти что-то на него в информационном центре, но там ничего не оказалось — его первые аресты были в Нью-Йорке, а адреса в Гарлеме.

— И он исчез.

— Найти его не удалось. Мы проверили Атланту, но они ничего о нем не знают.

— Возможно, он мертв?

Рич нахмурился.

— Не думаю. Когда его видели в последний раз, он был в новых туфлях, а в руках держал большую нейлоновую сумку. Так говорят парни со Сто восемнадцатой улицы. Корнелл пришел с ними попрощаться. Потом сел в такси, и больше его никто нигде не встречал.

— Вы написали об этом в рапорте?

— Да. И мы продолжаем его разыскивать. Честно говоря, он единственная наша зацепка.

— А что вы делаете по убийству Петти? — поинтересовался Лукас.

— Главным образом следим за парнями, — ответил Рич. — Если честно, я испытываю тревогу. Пытался увильнуть от участия в расследовании. Мне не нравится наблюдать за своими.

— Как вас выбрали? — спросил Лукас.

— Понятия не имею. Наверное, решение приняли наверху, — наморщив лоб, ответил Рич. — Мой начальник сказал мне, что я должен прибыть в Сити-Холл для получения задания. Он так же не знает, что происходит.

— Хорошо, — произнес Лукас. — С чего Корнелл взял, что белый был немолодым человеком?

— Понятия не имею. Если я его найду, обязательно спрошу. Может быть, он уже встречал его раньше...

Разговор продолжался еще полчаса, но Рич лишь повторил то, что было в отчетах. Лили поблагодарила его и отпустила.

— Пустая трата времени, — сказала она Лукасу.

— Мы должны были попытаться. Что тебе о нем известно? Я имею в виду, о Риче.

— На самом деле не слишком много.

— Он хороший детектив?

— В целом — да. Вполне компетентен, но не более того.

— Хм.

Лукас коснулся разбитой щеки, опустил голову и задумался.

— Что такое?

— У меня возникли кое-какие идеи, — сказал он, поднимая голову. — Давай пройдемся.

— Хочешь прогуляться? Осмотреть ресторан?

— Далеко до него? — спросил Лукас.

— Если не спешить, минут десять или пятнадцать.

— А в нас не будут стрелять, когда мы выйдем на улицу?

— Нет. О'Делл попросил двух полицейских поговорить с управляющими соседних домов, — ответила Лили. — Они следят за подозрительными типами, которые появляются поблизости.

На улице было пусто, но Лукас внимательно оглядел окна на противоположной стороне через дверь вестибюля.

— Нервничаешь?

— Нет. Просто пытаюсь понять, — ответил он.

Лили внимательно посмотрела на него.

— Что?

— Ничего.

Он покачал головой. Рич не вызвал у него подозрений.

— И все же...

— Правда, ничего...

— Ладно, — с тревогой сказала Лили, продолжая изучать его лицо.

Гринвич-Виллидж был тихим симпатичным местечком: повсюду ухоженные кирпичные дома, на подоконниках горшки с цветами, тут и там кованые решетки. Впечатление несколько портила колючая проволока на оградах. Люди здесь выглядели иначе, чем в других районах города, чувствовалось присутствие богемы: сандалии и парусиновые шорты, бороды и волосы до пояса, старомодные велосипеды и деревянные ожерелья.

Ресторан «Манхэттенский кабальеро» находился на улице красных каменных зданий. Небольшое заведение, название и фирменный знак были написаны на стекле, в соседнем окне красовалась реклама пива.

— Они стреляли из третьего окна второго этажа, — сказала Лили, остановившись на тротуаре возле двери в «Кабальеро» и показывая на другую сторону улицы.

— Если у тебя есть лазерный прицел, то промахнуться невозможно, — заметил Лукас, посмотрев вверх. Потом он перевел взгляд на тротуар. — Должно быть, Петти стоял здесь — видны царапины.

Увлеченный геометрией и техническими подробностями убийства, он перестал обращать внимание на свою спутницу. Повернувшись к Лили, он увидел, что она опирается на окно ресторана, словно у нее закружилась голова, а ее лицо побледнело и приобрело восковой оттенок.

— Господи, извини...

— Я в порядке, — пробормотала Лили.

— Мне показалось, что ты сейчас упадешь в обморок.

— Это гнев, — сказала она. — Когда я вспоминаю о Уолте, мне хочется кого-нибудь убить.

— Все так плохо?

— Так плохо, что я не могу в это поверить. Словно я потеряла ребенка.

Они взяли такси, чтобы добраться до квартиры Петти. Когда они ехали по Бруклинскому мосту, Лили спросила:

— А ты когда-нибудь здесь был? В Бруклин-Хайтс?^[23]

— Нет.

— Отличное место. Я собиралась сюда переехать, но если ты успел пожить в Гринвич-

Виллидж, то уже не хочешь его покидать.

— Да, выглядит неплохо... — сказал Лукас, глядя в окно такси. — Женщина из дома, где расположена квартира Петти...

— Логан.

— Да. Кажется, она утверждает, что кто-то находился в его квартире, когда он уже был мертв, еще до того, как прибыли полицейские?

— Да, совершенно точно. Она вспоминает, что подумала тогда: он вернулся домой, а потом опять ушел. В тот вечер она смотрела телевизор и вспомнила название передачи, даже сумела уточнить, какая часть шла в тот момент. Мы проверяли — он был мертв уже десять минут.

— Кто-то действовал быстро.

— Даже очень. Он с точностью до минуты знал, когда в Уолта будут стрелять. И ждал этого. Только непонятно, как он сумел попасть в квартиру. У него должен был быть ключ.

— Это довольно просто, если речь идет об операции, разработанной отделом сбора информации.

— Тебе это должно быть известно, — усмехнулась Лили.

Дом из темного кирпича, в котором находилась квартира Петти, стоял на склоне пологого холма, в тупике. Место казалось немного запущенным, но приятным. Дверь Марси Логан была слева, в крохотном вестибюле.

— Как вы поздно, — сказала хозяйка, глядя на полицейский значок Лили.

Цепочку она не сняла. Логан была пожилой женщиной лет шестидесяти пяти, с седыми волосами и светлыми глазами.

— Вы сказали, что придете в десять часов.

— Прошу нас извинить, возникли срочные дела, — ответила Лили. — Мы отнимем у вас совсем немного времени.

— Что ж, заходите. — Голос прозвучал сурово, но Лукасу показалось, что она рада компании. — Мне придется подогреть кофе...

Логан приготовила домашнее печенье и кофе. Печенье она положила на серебряный поднос. Поставив кофейник в микроволновую печь, она принялась расставлять чашки и блюдца.

— У вас очень уютно, — сказала Лили.

— Благодарю вас. Знаете, совсем рядом снимали «Очарованные луной». Я даже видела Шер на Променаде...

Когда кофе согрелся, хозяйка подтолкнула поднос с печеньем к Лукасу. Он попробовал: овсяное и съел еще одну печенину, запивая кофе.

— Это была не женщина, — твердо сказала Логан, когда Лили задала ей вопрос. — Слишком тяжелые шаги. Я его не видела, но ходил мужчина.

— Вы уверены?

— Я целыми днями слушаю, как приходят и уходят люди, — ответила Логан. — В таких вещах я разбираюсь. Я подумала, что вернулся Уолтер, а если бы там была женщина, у меня бы такой мысли не возникло.

— Он поднялся наверх, провел там несколько минут, а потом спустился? — спросила Лили.

— Совершенно верно. Прошло не более получаса, потому что мое шоу идет тридцать

минут. Он появился после того, как оно началось, а ушел до окончания.

— Вы сказали следователям, что подумали о Петти, — продолжала Лили. — Впрочем, уверенности у вас не было, и вы не стали проверять. Почему у вас появились сомнения?

— Тот, кто приходил, остановился в вестибюле. Словно смотрел на дверь моей квартиры и прислушивался, есть ли кто-нибудь внутри. Потом он поднялся наверх. Уолтер всегда был человеком решительным. Он бы сразу вошел ко мне или отправился к себе. В особенности в пятницу. Он всегда выпивал несколько бутылок пива и к тому времени, когда добирался до дома, едва мог терпеть... ну, вы меня понимаете. Он спешил. И почти сразу после того, как входил в свою квартиру, я слышала, как в туалете спускают воду. Но в тот вечер человек остановился у входа, а на обратном пути снова помедлил в вестибюле. Мне как-то не по себе, когда я об этом думаю. Возможно, он размышлял, не следует ли избавиться от возможного свидетеля.

— Не думаю, что вашей жизни что-то угрожало, — сказала Лили, улыбнувшись последним словам хозяйки.

— А почему вы все время молчите, молодой человек? — обратилась Логан к Лукасу, который принялся за шестое печенье.

Казалось, он не в силах остановиться.

— Я слишком занят печеньем, — признался Лукас. — Оно просто великолепно. Вы можете заработать целое состояние.

— О, как вы милы, — с улыбкой сказала она. — А что случилось с вашим лицом?

— На меня напали грабители.

— Как это похоже на Нью-Йорк! Даже полицейские...

— А откуда вы знаете, что этот тип поднимался именно в квартиру Петти? — спросил Лукас.

— Ну, я слышала, как он вошел, потом заработал лифт — он поднимался наверх. А еще через секунду раздался звонок — мне показалось, что он донесся из кухни. Значит, человек ехал до второго этажа. Когда лифт останавливается на третьем, мне почти ничего не слышно. А если едет выше, я уже не могу определить куда.

— Значит, — продолжил Лукас, — вы услышали шум на втором этаже.

— Да. Линны и Голды уже пришли домой, Шумахеры на все выходные уехали на Файер-Айленд. Я решила, что вернулся Уолтер, к тому же он всегда приходил в это время. Но я не слышала, чтобы он спускал воду в туалете. Затем лифт снова звякнул на втором этаже и стал опускаться вниз. И тот, кто в нем ехал, вновь задержался возле моей квартиры — прошло около минуты, прежде чем хлопнула выходная дверь. Мне бы следовало выглянуть, но я смотрела шоу.

— Ничего страшного, — кивнул Лукас. — А вы уверены, что это не был гость, пришедший в одну из соседних квартир?

— Абсолютно уверена, — ответила пожилая женщина, качая головой. — Когда здесь появились полицейские и сообщили, что произошло, я рассказала им о странном посетителе, и они опросили всех. Соседи говорят, что в тот день гостей у них не было.

Они закончили беседовать с Логан, поднялись на лифте на второй этаж, и Лили сняла печать с дверей квартиры Петти. Он поддерживал у себя дома порядок, но сейчас здесь все перерыли эксперты. Холодильник был отключен, дверца осталась распахнутой. Шкафы также были открыты, повсюду валялась бумага. Лукас подошел к письменному столу Петти, стоящему в небольшом алькове, и принялся просматривать финансовые документы.

Записной книжки он не нашел.

— Я не вижу записной книжки.

— Вероятно, ее забрали парни из убойного отдела. Я спрошу у них, — пообещала Лили.

Десять минут спустя она констатировала:

— Как и в случае с Ричем, мы напрасно потратили время. Здесь ничего нет.

На обратном пути их поджидала миссис Логан с коричневым бумажным пакетом, который она протянула Лукасу.

— Благодарю, — сказал он и с улыбкой добавил: — Когда я с ними покончу, то вернусь за новой порцией.

Пожилая леди захихикала, а полицейские вышли на улицу и поймали такси.

«Корнелл Рид. Он видел убийцу, немолодого белого мужчину, и понял, что это полицейский».

Лукас лежал в номере отеля и размышлял об этом. Затем он вздохнул, скатился с кровати, вытащил из кармана записную книжку и нашел в ней домашний телефон Хармона Андерсона. Набирая номер, Лукас посмотрел на часы. В Миннеаполисе полночь.

Андерсон уже лежал в постели.

— Господи, Лукас, что происходит?

— Я в Нью-Йорке...

— Я знаю. Сам не прочь там оказаться... — Было слышно, как Андерсон приглушенным голосом сказал кому-то: — Лукас. — Потом он вновь заговорил громче: — Моя жена передает тебе привет.

— Послушай, я сожалею, что разбудил тебя...

— Ладно...

— Я не хочу, чтобы у тебя возникли неприятности, но ты не можешь сделать для меня кое-какую работу на компьютере? Я заплачу тебе, как консультанту.

— К дьяволу деньги. Что тебе нужно?

— Я тут попал в змеиное гнездо, старик. Ты не мог бы узнать, у каких авиакомпаний есть рейсы из всех крупных аэропортов Нью-Йорка, включая Ньюарк, и проверить, не покупали ли в течение последнего месяца билет на имя Корнелла Рида? Или на человека с именем Корнелл, если такое вообще возможно. Или Рыжего Рида. Я не думаю, что речь идет о полете через океан, разве что на Карибы. Прежде всего проверь перелеты внутри страны — в Атланту, Лос-Анджелес или Чикаго. Я должен знать, куда он отправился и кто платил за билет, если у тебя получится.

— Это может занять пару дней.

— Свяжись со мной. И я не шутил относительно денег. Несколько долларов тебе не помешают.

— Мы решим эту проблему.

— Позвони мне, старик.

Лукас повесил трубку и снова лег на кровать, продолжая вспоминать разговор с Ричем. Рич не знал, почему его выбрали в команду Петти. Для Лили это также оставалось тайной. Из всех его достоинств сработало одно: ему позвонил знакомый грабитель, что оказалось единственной ниточкой в расследовании. Удивительно редкая удача.

Рич сказал, что Корнелл Рид — наркоман. Если это так, то он не должен был улететь из Нью-Йорка. Если у него имелось достаточно денег на авиабилет, то Рид купил бы наркотики

и уехал на автобусе. Или попросил бы кого-нибудь подвезти его. Или просто остался бы в городе. Когда у тебя много крэка, тебе никуда не нужно уезжать... Нет, он определенно не стал бы отдавать кассиру аэропорта Ла Гуардиа несколько сотен долларов.

С другой стороны, наркоман не поедет на такси на автобусный вокзал. Можно добраться на метро, а на оставшиеся деньги купить еще дозу. Аэропорт — совсем другое дело. Туда непросто доехать, если не брать такси...

Что ж, возможно, он улетел. Может быть, ему купили билет, который невозможно сдать. Например, это сделали официальные лица.

Или кто-то из департамента полиции.

Кроме того, не следовало забывать о рассказе миссис Логан.

Все это очень любопытно. Но Лукас испытывал тревогу. Неужели Лили ничего не поняла? Или рассчитывала, что Лукас не догадается?

Тридцать порций «спида», два дня; Беккер не спал уже целую вечность. Химические препараты несли его, как река тащит лист, вокруг бурлил поток мыслей и времени. Он избегал женщины с глазами, той, что продолжала за ним наблюдать. Она вызывала у Беккера ужас, но химия победила ее за два дня, и она постепенно теряла над ним власть.

Впрочем, происходили другие вещи.

К вечеру второго дня пришли жуки. Он чувствовал их присутствие: они длинными цепочками ползали по его венам. По всем венам, но в особенности по предплечью; Беккер ощущал маленькие выпуклости, насекомые двигались все дальше, делая свою грязную работу. Они его поедали.

Жуки пожирали красные кровяные клетки. Он помнил, что в детстве разрушал муравейники и наблюдал, как муравьи разбегаются в разные стороны в поисках укрытия, зажав в челюстях мучнистые белые яйца. Именно этот образ вставал перед его мысленным взором: бегущие муравьи, которые несут в клешнях кровяные клетки. Тысячи и тысячи сновали по его венам. Если бы он сумел их выпустить...

Голос в его голове повторял: «Нет-нет-нет, это галлюцинация, нет-нет-нет...»

Он с трудом встал; у него болели колени и ступни. Им пройдены многие мили по подвалу, туда и обратно, туда и обратно. Сколько? Несколько бродячих клеток мозга куда-то направились и совершили подсчеты... скажем, пять тысяч путешествий взад и вперед, каждый раз он проходил двадцать футов... тридцать семь целых и восемьсот семьдесят восемь тысячных мили. Тридцать семь целых и восемьсот семьдесят восемь тысячных...

Беккер попался в петлю восьмерок-семерок, его захватила ее бесконечность, петля будет существовать дольше, чем солнце, дольше Вселенной, будет продолжаться до... до чего?

Он встряхнулся и выбрался из западни, почувствовал, как жуки беснуются в его венах, отнес свое предплечье в ванную комнату, включил свет и посмотрел на выпуклости в тех местах, где собрались насекомые...

Голос произнес: «Формикация...»^[24]

Беккер оттолкнул его. Нужно выпустить их наружу, как-то выдавить. Он отправился в свою операционную, подошел к ванночке, где лежали инструменты, нашел скальпель... Нужно освободить...

Он снова принялся ходить, жуки исчезали... но что это за запах? Такой чистый и медный, похожий на аромат моря. Кровь?

Беккер посмотрел на себя. По руке текла красная струйка. Не очень сильно, но рука и предплечье выглядели так, словно с них содрали кожу. И там, где он ходил, пол был залит кровью, кривая отмечала его маршрут, словно кто-то размахивал курицей с отсеченной головой.

«Стереотипия»,^[25] — сказал голос в голове.

Что? Он посмотрел на свое предплечье: жук стремительно перемещался вдоль вены. Как Чарли Виктор^[26] по Тропе Хо Ши Мина, как Чарли Виктор в отеле «Оскар», Чарли-Отель-Индия-Майк-Ноябрь-Лима-Танго-Ромео...^[27]

Еще одна петля — откуда все это взялось? Вьетнам? Беккер встряхнулся. Жуки ждали, сомкнув ряды.

Лечение. Он подошел к столику с лекарствами, нашел полдюжины таблеток. И все. Он проглотил сначала одну, потом другую. Потом третью.

Он взял телефонную трубку, но после короткой борьбы положил на место. Нет, отсюда он не должен звонить поставщику. Полицейские ставят жучки в телефоны дилеров, жучки... Он посмотрел на свое предплечье, на липкую кровь...

Беккер заставил себя успокоиться. Помылся. Оделся. Перевязал рану на предплечье. Порез? Как он...

Он потерял мысль и стал смотреть на себя в зеркало, готовясь выйти на улицу. Там ему нужно будет постоянно оглядываться через плечо. Нужда вызовет к жизни другого человека. С измененным голосом. С иными манерами. Закончив одеваться, он вышел из дома и направился к перекрестку, где висел телефон-автомат.

— Да? — ответил женский голос.

— Будьте добры доктора Веста.

Уайтчерч взял трубку через секунду.

— Боже мой, нам нужно срочно поговорить. Прямо сейчас. Здесь были полицейские, они ищут вашего приятеля — того, кому вы продаете это медицинское оборудование.

— Что?

— Парня, которому вы его продаете, — настойчиво повторил дилер. — Он безумный убийца, Беккер. Боже мой, здесь было полно копов!

— Полицейские из Нью-Йорка?

— Да, баба и еще злобный тип из Миннеаполиса.

— Они прослушивают вашу линию?

— Это не мой телефон. Не беспокойтесь. Вам нужно думать о том парне, который покупает эту дрянь...

— С ним я разберусь, — взвизгнул Беккер, и в горле у него защемило. — Мне нужен товар.

— Боже мой...

— Много товара.

— Сколько?

— А сколько у вас есть?

— Но вы ведь не связаны с Беккером? — спросил дилер после короткого молчания.

— Беккер тут ни при чем. Я продаю оборудование старшекласснику со Стейтен-Айленда. Он использует его в своем научном проекте.

Тут Уайтчерч вспомнил: школьный учитель...

Уайтчерч решил устроить себе отпуск в Майами, значит, ему не мешают лишние деньги.

— Я могу достать двести штук «спида», тридцать «ангелов» и десять «снежка», если вы готовы все это взять.

— Годится.

— Через двадцать минут?

— Нет. Мне нужно еще доехать. — Пусть Уайтчерч думает, что он живет на Стейтен-Айленде. — Через пару часов.

— Через два часа? Хорошо. Значит, встречаемся в девять на обычном месте.

Беккер оставил «фольксваген» на Первой авеню, на многоэтажной парковке для

служащих, которой горожане могли пользоваться с шести вечера до полуночи. Он кивнул охраннику в будке и заехал на самый верхний этаж. Он и прежде следил за Уайтчерчем. Беккер считал, что следует соблюдать осторожность: многие продавцы наркотиков сдавали друзей и клиентов полиции. Он многому научился в тюрьме, это другая сторона жизни.

Дилер настаивал, чтобы его клиент приходил вовремя.

«Товар будет у меня в руках всего минуту, пока я нахожусь на улице. Так безопаснее».

Обычно Уайтчерч выходил из Беллвью и шел по тротуару в сторону автобусной остановки, когда появлялся Беккер. Однажды Беккер приехал слишком рано и наблюдал за Уайтчерчем с парковки. Дилер вышел из больницы и направился к остановке, подождал две или три минуты, а потом вернулся обратно через ту же дверь. Беккер позвонил, извинился и договорился встретиться через несколько минут.

Он спустился на первый этаж, миновал будку и оказался возле узкого переулочка, ведущего к приемному покою. Стемнело, зажглись уличные фонари. Беккер оказался здесь раньше, чем следовало, и ему пришлось замедлить шаг. Вокруг были люди. Плохо. Он свернул в переулок и двинулся в сторону той двери, из которой обычно выходил дилер. Подергал за ручку. Закрыто. Посмотрел на часы. Еще две минуты. Сейчас Уайтчерч появится, осталось совсем немного...

Еще в машине Беккер принял «ангела» из неприкосновенного запаса. Сильная штука: она высвобождала его могущество...

«Дерринджер» зажат в руке.

Дверь распахнулась, Уайтчерч вышел на тротуар и вздрогнул от неожиданности, увидев своего клиента.

— Что...

— Нам нужно поговорить, — прошептал Беккер. — Возникли кое-какие осложнения...

Он заглянул мимо Уайтчерча в пустой коридор больницы, выложенный кафелем.

— Давайте войдем на несколько минут внутрь. Нужно кое-что вам рассказать.

Дилер кивнул, повернулся и повел Беккера за собой.

— Наличные принесли?

— Да. — Беккер протянул конверт с деньгами, и Уайтчерч взял его. — А товар у вас с собой?

— Все в порядке.

Как только за ними закрылась металлическая дверь, Уайтчерч повернулся к Беккеру. Лампы дневного света в коридоре были не слишком сильными, но этого хватило.

Держа в руке пластиковый пакет, дилер сделал полшага к Беккеру и прошептал:

— Так вы...

Он остановился, прикусил язык и отшатнулся.

— Убийца-психопат, — с улыбкой произнес Беккер. — В точности как в сериале «У меня есть секрет». Помнишь? Там играл Гарри Мур, если я не ошибаюсь.

Уайтчерч начал озираться, пытаясь найти путь к спасению, и невольно отступил на шаг, собираясь бежать, потом оглянулся через плечо и сказал:

— Послушайте...

— Нет.

Беккер прицелился в широкую спину дилера.

— Не надо! — закричал Уайтчерч.

Беккер выстрелил ему между лопаток. Грохот был оглушительным, дилера отбросило

вперед, он попытался ухватиться за гладкие кафельные стены, но его развернуло, и он оказался лицом к убийце. Теперь их разделяло два фута. Беккер вновь поднял пистолет.

— Не надо...

Он спустил курок, и пуля попала Уайтчерчу в лоб. Быстро засунув пистолет в карман, Беккер вытащил скальпель, наклонился и вырезал глаза мертвеца. Хорошо.

Где-то в коридоре хлопнула дверь.

— Эй! — послышался крик.

Беккер огляделся — никого. Он схватил пластиковый пакет с таблетками, постоял немного, вспомнил о деньгах и увидел конверт, торчащий из-под трупа Уайтчерча. Услышал, как хлопнула дверь где-то дальше по коридору, и схватил конверт. Бумага порвалась, но Беккеру удалось забрать большую часть банкнот, лишь одна или две остались под телом.

— Эй...

Беккер оглянулся на ходу, до двери оставалось всего несколько шагов, но в коридоре все еще никого не было, лишь звучало эхо голоса.

Убийца выскочил наружу, взял себя в руки и торопливо зашагал по переулку, стараясь не бежать. Вскоре он свернул на улицу, ведущую к парковке. Он вошел и сразу начал подниматься по лестнице, услышал шаги сзади и обернулся на ходу.

За ним спешила молодая женщина. Беккер остановился на ступеньке, и она его догнала.

— Подождите... — Она слегка запыхалась. — Мне не хочется входить туда в одиночку. Если там кто-то есть... Ну, вы знаете.

— Конечно.

Незнакомка боялась, что на нее нападут. На парковку вел только один открытый вход, но любой мог перелезть через низкое ограждение. Судя по граффити на бетонных стенах, некоторые так и поступали.

— Господи, что за паршивый день, — сказала женщина. — Ненавижу работать, когда такая хорошая погода. А в офисе я вижу только мониторы компьютеров.

Беккер снова кивнул — он не доверял своему голосу. Если бы у него было время, он мог бы ее забрать. Молодая и, похоже, неглупая, она подходила просто идеально. Прекрасный объект. Возможно, она поймет, какой замечательный шанс ей представился.

«Я могу взять ее, — подумал он. — Прямо сейчас. Ударить по голове...»

Он сжал руку в кулак за спиной у женщины и подумал: «Или пистолет. Я могу им воспользоваться».

В кармане Беккер ощущал тяжесть «дерринджера». Патронов не осталось, но угроза...

Но если он причинит ей какой-то вред, ударит, будет вынужден вступить в борьбу, она перестанет быть идеальным образцом и его результаты станут сомнительными. За ним следят люди, которые его ненавидят и пойдут на все, чтобы подвергнуть насмешкам его выводы. Он отстал на шаг. Его сердце стучало, как барабан.

— До встречи, — сказала женщина, когда до машины Беккера оставалось подняться еще на один уровень. Она выглянула наружу, задержавшись на площадке лестницы. — Здесь никого нет... я чувствую себя немного глупо.

Он может, но... нужно подождать. Никакой импровизации. «Не забывай о том, как все получилось в прошлый раз... Спокойно, спокойно, их очень много».

Беккер помахал рукой и решил рискнуть.

— До свидания, — осторожно сказал он.

Он должен заполучить одну из них. Должен. До тех пор, пока женщина не села в

машину и не захлопнула дверцу, он не понимал, как сильно ему этого хочется.

Беккер съехал с пандуса и оказался на улице. В переулке, где находился вход в приемный покой, возник какой-то шум, но Беккер не стал останавливаться, чтобы посмотреть, в чем дело, и направился прямо к себе в квартиру. Ему ужасно хотелось добраться до содержимого своей сумки: электрошокера, анестезирующего препарата и маски.

Он схватил электрошокер, проверил уровень заряда. Все в порядке. Затем просмотрел содержимое мешка, который забрал у Уайтчерча. «Только попробовать». Он раскусил одного «ангела» зубами, рассчитывая взять только половинку. «Нет, этого мало». Он проглотил всю таблетку, дожидаясь, когда придет сила.

Беккер плыл и думал: «Инфракрасный. Ультрафиолетовый. Прорыв».

Он знал, куда идти...

Возле бара Беккер увидел, как из задней двери, пошатываясь, выходит женщина, опирается о кирпичную стену и прикуривает сигарету от старомодной зажигалки «Зиппо». Мужчин вокруг немного, зато полно женщин, которые приходят и уходят. Многие из них одиноки. Легкие цели.

Женщина вышла на улицу и остановилась возле стены. Она была одета в джинсы с широким кожаным поясом и футболку без рукавов. У нее были короткие черные волосы и золотые колечки сережек в ушах.

Беккер обошел свой «фольксваген» так, словно не имел к нему ни малейшего отношения и приблизился к незнакомке. Он старался двигаться медленно, чтобы от него не исходило агрессии. Электрошокер в одной руке, флакон с анестезирующей жидкостью под мышкой, другая рука сжимает маску.

— Потрясающий вечер, — сказал он.

Женщина улыбнулась.

— А ты отлично выглядишь.

Беккер улыбнулся в ответ и встал перед бампером «фольксвагена».

«Заходи в пряничный домик, малышка...»

— Что случилось? — спросила Лили.

Кеннет повернулся и подложил ладонь ей под голову.

— Я чувствую себя инвалидом, когда мы делаем это. Точнее, делаем только это.

Двухспальная койка на носу лодки имела клинообразную форму. Кеннет лежал на боку.

Почти в полной темноте он потянулся к ее лицу, коснулся линии волос подушечкой указательного пальца, провел вниз вдоль носа, легко дотронулся до губ, потом до каждого соска. Палец стал медленно спускаться к пупку, очертил маленький круг, двинулся к внутренней части бедра. Лили все еще была теплой и влажной.

— Нас... никто не заставляет, — сказала Лили.

— Не знаю, как тебя, но меня к этому влечет, — проворчал Кеннет. — Если я больше не смогу заниматься любовью, то буду чувствовать себя овощем.

— Просто ты хочешь всегда быть наверху, — ответила Лили, стараясь обратить все в шутку.

Он ничего не ответил, и она добавила:

— Ты должен следовать советам Фермута.

— Проклятые врачи...

Кардиолог Фермут неохотно разрешил Кеннету заниматься сексом, «если партнерша будет делать трудную часть работы».

— Слушай его, — нежно, но настойчиво сказала Лили. — Он пытается сохранить тебе жизнь, глупый.

— Конечно.

Кеннет отвернулся и почесал грудь.

— Хочешь сигарету?

— Нет, я не буду курить. Я тут подумал... доктора здесь ни при чем. Дело во мне. Когда я начинаю возбуждаться, мое сердце начинает биться быстрее и я все время к нему прислушиваюсь...

— Тогда нам нужно это прекратить. Может быть, на несколько недель... — предложила Лили.

— Нет. Будет только хуже. Просто... господи, как бы я хотел, чтобы одна вещь — только одна вещь в мире — не вызывала проблем! Всего одна. Я собираюсь заняться любовью, но стоит мне начать, как я не могу не думать о своем сердце, и тогда ничего хорошего не получается. Когда ты все время сверху, а я лежу, как мертвец с эрекцией, то я спрашиваю себя: а как это для нее? Наверное, секс со мной похож на некрофилию.

— Ричард, ты идиот...

— Господи, я рад, что познакомился с тобой, — сказал он через некоторое время. — Я не мог поверить, что ты работаешь на О'Делла. И я постоянно думал: такая удивительная женщина не может просто на него работать, наверное, происходит нечто скрытое от моих глаз.

— О господи...

Лили захихикала, и каюту наполнил странный, неожиданно приятный звук ее хриплого голоса.

— Извини меня, — продолжал Кеннет, вновь прикасаясь к подруге. — Интересно, как

О'Делл занимается сексом? Улетает в Вегас и берет сразу трех пухленьких девочек? Сколько времени он не видел своего члена? Он такой толстый, что ему до него не достать...

— Перестань... — сказала Лили, но тут же снова захихикала, и ее смех заставил Кеннета захохотать.

— А вот у Дэвенпорта все иначе, — после паузы заметил он.

— Заткнись, — оборвала его Лили. — Я не хочу это слышать.

— У него, наверное, агрегат, как у шетлендского пони...

— Хочешь, чтобы тебя укусили?

— Ты делаешь мне предложение?

— Дик...

— Послушай, я не ревную. Ну разве что совсем чуть-чуть. Он и правда отличный парень. Мысль пригласить его сюда для контактов со средствами массовой информации была довольно странной, но у нас все получилось. Как ты думаешь, он заберется в койку к Барбаре?

— Я не знаю, — холодно ответила Лили.

— Он из тех парней, которые всегда не прочь, — заметил Кеннет.

— Соринка в чужом глазу.

— Вовсе нет. Я не говорил, что это плохо. Просто мне интересно, что у него получится с Фелл. Брак, заключенный в аду.

— Она очень привлекательна.

— Возможно, если тебе нравятся женщины такого типа, — сказал Кеннет. — Она похожа на байкера, который слишком часто падал со своего «харлея». Зачем ты поставила их в пару? Навязчивое желание забыть прежний роман?

— Нет, нет и нет. Просто нам нужен человек, умеющий общаться со скупщиками краденого, обитающими в Мидтауне.

— Да, но Дэвенпорт выступает в роли говорящей головы.

— Он никогда не будет говорящей головой. Даже в тех случаях, когда появляется на экране телевизора. У него в запасе столько ходов, сколько нам с тобой и не снилось, он самый скользкий, самый ловкий...

— ...самый бесчестный...

— ...самый непростой тип во всей полиции штатов. Кроме того, он должен что-то сделать, чтобы заставить средства массовой информации обратить на него внимание.

— Да, пожалуй. — Пальцы Кеннета вновь скользнули по ее бедру, нежная кожа стала прохладной из-за испаряющегося пота. — Нам нужно либо чем-нибудь накрыться, либо найти способ обогреть помещение.

Рука Лили коснулась его паха.

— О господи, — пробормотала она. — Ты уверен, Дик?

Он повернулся к ней и прижал к себе.

— Ты произнесла правильное слово. [\[28\]](#)

— Будь серьезнее!

— Ладно. Как тебе такая мысль: ты мне действительно нужна; именно ты помогаешь моему сердцу биться...

«Они все заставляют тебя испытывать чувство вины; именно это получается у них лучше всего», — подумала она позже, когда Кеннет заснул.

Телефон разбудил Лукаса. Он выбрался из-под одеяла, опустил ноги на пол и подождал несколько секунд, приходя в себя, затем снял трубку.

— Алло?

— Как голова?

— Лучше, — ответил Лукас. Он никак не мог сосредоточиться. Его взгляд скользнул к окну, ярко освещенному косыми лучами солнца. — Который час?

— Семь.

— Господи, я никогда не встаю в такую рань...

Лукас почувствовал, что лицо все еще болит. На подушке осталось пятнышко крови.

— Послушай, день обещает быть чудесным, но будет жарко, — весело заметил Кеннет.

— Вот спасибо. Если бы ты не позвонил, мне бы пришлось выглядывать в окно...

«Что происходит?» — подумал Лукас.

— Насколько я понял, вы с Фелл беседовали вчера с парнем по имени Уайтчерч в Беллвью?

— Да.

— Поздно вечером Беккер его прикончил.

— Что?!!

Лукас поднялся на ноги, обдумывая новость.

— Застрелил в коридоре. Выколол глаза, — сообщил Кеннет. — Парни из морга утверждают, что это дело рук Беккера, подражатель не сумел бы проделать все так чисто. После вашего разговора это не может оказаться случайным совпадением. Мне позвонили пару часов назад, и я отправил Картера в больницу. Там уже знали, что вчера с Уайтчерчем беседовали полицейские...

— О господи, — пробормотал Лукас. — Уайтчерч был в этом замешан. Мы это поняли. У нас не оставалось сомнений, что он нам лгал.

— Как вы на него вышли?

— Помог скупщик краденого, — ответил Лукас. — Из Нижнего Истсайда.

— Смит?

— Нет, мелкая сошка, женщина по фамилии Арнольд. Мы еще раз поговорим с ней, но не думаю, что она хорошо знала Уайтчерча — скорее всего, лишь изредка получала от него товар. Но почему Беккер решил еще раз с ним встретиться? Ему потребовалось дополнительное оборудование?

— Уайтчерч продавал наркотики, — сказал Кеннет.

— Вы уверены?

— Да, мы получили эти сведения из разных источников. Могу спорить, что галотан тоже от него.

— Телефоны?

— Мы отправили судебное постановление, и телефонная компания проверяет свои компьютеры. Они составят списки всех звонков в квартиру Уайтчерча и ему на работу, а также укажут номера телефонов, с которых они были сделаны за последние два месяца.

— Этого будет достаточно, — сказал Лукас. — У Фелл есть пейджер. Если вы найдете Беккера, сообщите нам. Я бы хотел увидеть, как вы возьмете мерзавца.

— Хм. Не все так просто, — возразил Кеннет.

— Хорошо. Мы с Фелл отправимся к скупщице краденого. Проклятье, почему Уайтчерч его прикрывал? Это будет непросто выяснить.

Лукас позвонил Фелл и поведал ей новости.

— Мы все испортили? — с тревогой спросила она.

— Нет. У нас был лишь короткий разговор с этим парнем — мы не могли знать заранее. Но люди Кеннета сейчас самым тщательным образом отработывают его связи. Нам нужно поговорить со скупщицей краденого... как ее зовут?

— Роза Арнольд.

— Верно... Ты уже готова выйти из дома? — спросил Лукас.

— Послушай, я сижу голая на своей постели и еще не совсем проснулась.

— Если у тебя найдется теплый рогалик и чашка кофе, я к тебе приеду, — предложил Лукас.

Он вспомнил фотографию обнаженной Фелл и ее друга-полицейского.

— Иди ты к черту, Дэвенпорт, — со смехом ответила Фелл. — Если ты уже привел себя в порядок, почему бы тебе не взять такси? Когда ты подъедешь к моему дому, я буду ждать внизу.

— Лучше ты заскочи за мной, — предложил Лукас. — Я только-только проснулся, и мне нужно побриться. — Он коснулся разбитой щеки.

— Тогда жди, я скоро буду.

Фелл приехала, одетая в сшитое на заказ черное платье из хлопка с мелкими цветочками — так одеваются женщины в Молайне, штат Иллинойс, — черные туфли на низких каблуках и нейлоновые чулки.

— Боже мой, ты прекрасно выглядишь, — сказал Лукас, садясь в такси рядом с ней.

Она покраснела и спросила:

— Мы навестим Арнольд без предупреждения?

— А ты не хочешь поговорить о том, как ты замечательно выглядишь?

— Кончай болтать, — проворчала Фелл.

— Как пожелаешь. — И тихонько добавил: — Милашка.

— Что? Что ты сказал?

— Ничего, — с невинным видом ответил Лукас.

— Ты идешь по лезвию бритвы, приятель, — предупредила она, прикрыв один глаз.

Арнольд была напугана.

— Наверное, его убили из-за того, что он говорил с вами, — сказала она, прикусив полную губу.

— Нет, из-за того, что он позвонил выродку Беккеру, которого прикрывал, и сообщил ему, что мы с ним беседовали, — возразил Лукас. — Беккер меня знает. Он не захотел рисковать.

— Так чего вам от меня нужно? Я все рассказала.

— Как вы связывались с Уайтчерчем, когда возникала необходимость? — спросил Лукас.

— Таких проблем у меня не возникало. Когда у него появлялось что-нибудь хорошее, он приносил товар мне. В остальных случаях — черт подери, мне не нужно медицинское

оборудование. Меня привлекает то, что можно быстро и дешево продать. Костюмы. Галстуки. Телефоны. Я не знаю, что делать с больничным барахлом.

Фелл наставила на нее палец.

— Пару месяцев назад ты взяла «Симпсон-Мак-Колл».

Арнольд отвернулась.

— Нет, я ничего об этом не знаю.

Фелл некоторое время изучающе смотрела на нее, а потом повернулась к напарнику.

— Маклерская фирма перебиралась в новое здание во время выходных. Весь вечер на место въезжали и выезжали грузовики, перевозя папки с документами, компьютеры, телефоны и мебель. Все это тут же устанавливалось. Проблема состояла в том, что далеко не все машины были наняты владельцем. Какие-то ловкачи арендовали машины, забирали в доках коробки с оборудованием и исчезали за линией горизонта... Один из них увез шестьсот новеньких бежевых кнопочных телефонов. Кому-то еще досталось пятьдесят совместимых «Нортгейт Ай-би-эм» в упаковке.

— В самом деле? — слегка разочарованно спросила Арнольд. — Компьютеры?

Фелл кивнула. Лукас посмотрел на скупщицу.

— Но если бы ты должна была встретиться с Уайтчерчем, как бы ты поступила?

Арнольд пожала плечами.

— Позвонила бы в больницу. Он не делал тайны из того, что там работал. Но только вечерами.

— У него был какой-то особый номер телефона?

— Понятия не имею. Я ему никогда не звонила.

— А как...

Послышалось гудение пейджера Фелл. Она вытащила его из сумочки и посмотрела на дисплей.

— Где здесь телефон? — спросила она у хозяйки, а Лукасу сказала: — Готова спорить, они его взяли.

— Вон там, — махнула рукой Арнольд. — Под стойкой.

Пока Фелл набирала номер, Лукас спросил у женщины:

— А он с кем-нибудь работал?

— Послушайте, я покупала у него телефоны по четыре доллара за штуку, — нетерпеливо ответила Арнольд. — Коробки с ручками и карандашами. Блокноты. Пачки бумаги для ксерокса. Моющие средства. Однажды он принес сотню бутылок «Эры», ну, знаете, такое мыло. Я понятия не имела, где он все это добывал, и не задавала лишних вопросов. Больше я ничего о нем не знаю.

— Алло, это Фелл, вы посылали мне сообщение на пейджер? — сказала Фелл в трубку. Затем добавила приглушенным голосом: — Господи. Какой адрес? Да? Ладно. — Она повесила трубку и посмотрела на напарника. — Беккер совершил очередное убийство. Еще одна женщина. В десяти минутах ходьбы отсюда.

Лукас наставил на Арнольд указательный палец.

— Ты слышала? Подумай про Уайтчерча. Если что-нибудь вспомнишь, сразу звони нам. Что угодно.

— Мне нечего...

Но полицейские уже успели выйти за дверь.

Тело нашли в тупике, рядом с Принс. В переулке, не пуская любопытных, стояли полицейские в форме. Фелл и Лукас показали свои значки и прошли за оцепление. Кеннет и двое сотрудников в штатском смотрели в люк. Кеннет так сильно вцепился в перила ограждения, что костяшки его пальцев побелели.

— Проклятый маньяк, — выдавил он, когда подошли Лукас и его напарница.

Медэксперты спустили в люк лестницу. Лукас заглянул вниз и увидел тело маленькой обнаженной женщины, лежащей, точно сломанная кукла. Вокруг возились санитары.

— Вы уверены, что убийца — Беккер? — спросил Лукас.

— Да, но тут все иначе. Нет ощущения, что он проводил научный эксперимент. Тело заметно пострадало, словно он... Я даже не знаю. Такое впечатление, что он развлекался.

— Глаза?

— Да, они выколоты, и врач говорит, что это его работа. Веки отрезаны с хирургической точностью. Сукин сын оставил свою подпись.

— Давно она здесь? — спросила Фелл.

— Совсем недолго. Самое большее, несколько часов. Вероятно, оказалась тут сегодня утром, до рассвета.

— Тело уже идентифицировали? — спросил Лукас.

— Пока нет. — Кеннет посмотрел на Фелл, которая закурила «Лаки страйк». — Могу я попросить сигарету?

— Нет, — покачала головой Фелл, не глядя в его сторону.

— Проклятье, — проворчал Кеннет и спрятал левую руку в карман пиджака, а два пальца правой просунул между рубашкой и телом в области сердца. Впрочем, он тут же опомнился, вытащил руку, посмотрел на свою ладонь и убрал в другой карман. — Мерзкие благодетели.

— Есть что-то новое по телефонам Беллвью? — спросил Лукас, продолжая наблюдать за экспертами, которые приготовились забрать тело.

Кеннет нахмурился.

— Подумай сам, Дэвенпорт: у нас есть парень, который продает наркотики, но не получает телефонных звонков. То есть ему практически не звонят. За последний месяц на его домашний номер звонили шесть раз. Он мог пользоваться телефоном в отделе материально-технического обеспечения, но делал это редко. Во всяком случае, так говорит его начальник.

— А у него был пейджер? Или сотовый? — спросила Фелл.

— Нам ничего об этом не известно, — ответил Кеннет.

— Чепуха, — резко сказал Лукас. — Он ведь был дилером. Мы это точно знаем?

— Да.

— Следовательно, у него должен быть телефон. Просто нужно его найти.

— Парни Картера опрашивают персонал Беллвью. Хочешь принять участие? — предложил Кеннет и посмотрел на Фелл. — Вам единственным удалось хоть что-то выяснить.

Эксперты перевернули тело. Голова женщины откинулась назад, и ее пустые глазницы неожиданно обратились к полицейским.

— О черт, — простонала Фелл.

Она отвернулась, и ее вырвало.

— Ты в порядке? — спросил Лукас, положив руку ей на спину.

— Да, — сказала она, выпрямляясь. — Извините. Ее глаза застали меня врасплох.

Пять минут спустя завернутое в одеяло тело подняли. Но Кеннет приказал его развернуть.

— Я хочу посмотреть, — ровным голосом произнес он. — Сожалею, что не мог спуститься вниз...

Одеяло сняли. Кеннет и Лукас присели рядом с раздвижными носилками. Лицо женщины было белым и неподвижным, как мрамор, страх и боль все еще искажали ее черты. Кляп из твердой резины, как и в предыдущих случаях, удерживался проволокой, заведенной за уши.

— Плоскогубцы, — рассеянно произнес Кеннет.

— Он обращается с людьми, как... с дровами, — сказал Лукас, пытаясь подобрать правильные слова.

— Или лабораторными животными, — добавил Кеннет.

— Сукин сын!

Лукас наклонился над телом, едва не потеряв равновесие, так что ему пришлось опереться рукой о мостовую. Его лицо оказалось всего в нескольких дюймах от левого уха жертвы. Лукас посмотрел на экспертов и попросил:

— Переверните ее на правый бок. — Он вытащил ручку из кармана рубашки и обратился к Кеннету: — Взгляни на это.

Кеннет и Фелл наклонились над телом, остальные детективы толпились за их спинами. Лукас указал ручкой на две овальные отметины на шее мертвой женщины.

— Вы когда-нибудь видели что-то подобное?

Кеннет покачал головой.

— Похоже на ожоги, — предположил он. — Или на укусы змеи.

— Не совсем. Это след от электрошокера, который считается средством самозащиты. Такими пользуются полицейские в Сент-Поле. Я присутствовал на демонстрации. Если прижать шокер к коже на одну или две секунды, остаются такие же ранки.

— Вот почему жертвы не сопротивлялись, — сказала Фелл, посмотрев на Лукаса.

Он кивнул.

— Беккер пускает в ход электрошокер. Человек сразу теряет сознание. Потом он применяет газ.

— Едва ли существует много мест, где можно приобрести эту штуку.

— Их продают в магазинах, снабжающих полицию. Но я видел шокеры там, где можно купить пистолет. Есть возможность даже заказать его по почте, — сказал Лукас.

Кеннет встал, отряхнул с ладоней песок и поднял лицо вверх, словно обращался к небесам.

— Пожалуйста, Господи, помоги мне найти нужный адрес в одном из таких заказов!

Лукас и Фелл взяли такси и поехали в Беллвью. Стекла были опущены, и жаркий запах ревушего города наполнил машину, когда она на пять минут застряла в пробке на перекрестке. Лицо Фелл было искажено гневом.

— Думаешь о Беккере?

— О теле... Господи! Надеюсь, Робин Гуд доберется до него, — сказала она. — До Беккера.

— Какой Робин Гуд?

Лукас с любопытством посмотрел на Фелл.

— Ничего, — проворчала она, отворачиваясь.

— Нет, скажи, что за Робин Гуд?

— А, чепуха, — ответила она, вытаскивая из сумочки сигарету. — Говорят, что кто-то убивает разных мерзавцев.

— Ты имеешь в виду «комитет бдительности»?

Она усмехнулась и спросила, показывая в окно:

— А как еще можно поддерживать здесь порядок? Многие думают, что это дело рук полицейских, но я с ними не согласна. Вероятно, они принимают желаемое за действительное.

— Вот как...

Она закурила сигарету, закашлялась и стала смотреть на улицу.

Уайтчерч отвечал за эксплуатацию больницы. Под его надзором находилась дюжина людей, которые работали круглосуточно в три смены и занимались мелким ремонтом в здании.

— Прекрасная должность, если ты ворует оборудование, — заметила Фелл, когда они присоединились к Картеру в помещении для персонала.

Трое детективов беседовали с работниками больницы, а Картер наблюдал за ними.

— Или если продаешь наркотики, — добавил Картер и посмотрел в список. — Следующий Джимми Бейл. Вот черт! Я не верю, что мы получим какой-то результат.

— Я понимаю, о чем вы говорите, — сказал Лукас, глядя на испуганных служащих, стоящих чуть в стороне.

Бейл ничего не знал, как и все остальные. Фелл выкурила пачку «Лаки страйк» и вышла, чтобы купить другую. Она вернулась и встала, прислонясь спиной к двери.

— Марк... вас ведь зовут Марк? — говорил Картер. — Проклятье, Марк, мы топчемся на месте. Невозможно поверить, что человек воровал здесь все подряд и никто ничего не знал. Или что он торговал наркотиками, а вы об этом даже не подозревали.

Марк, высокий худой парень с прыщами на лице, нервно кивнул, и адамово яблоко на его шее судорожно дернулось.

— Послушайте, вы ведь его не знали. Стоило мне к нему зайти, как он говорил: «Марк, поднимись в четыреста сорок один „Д“ и поставь новую дверную ручку, а потом проверь, не течет ли фонтанчик с питьевой водой на шестом этаже». И мне ничего не оставалось, как выполнять его указания. Иногда он ко мне приходил сам, но мы с ним никогда не болтали и не дружили.

Когда Марк ушел, Лукас сказал:

— Никто ничего не видел. Многим ли из них вы поверили?

— Большинству, — ответил Картер. — Не думаю, что он торговал наркотиками здесь. И если ты что-то ворует, то не станешь об этом болтать. Кто-нибудь захочет войти в долю или попытается украсть сам, а потом сдаст тебя полицейским, чтобы получить меньший срок.

— Но кто-то должен был знать, — возразила Фелл. — Этот парень последний?

В дверь постучала женщина с вьющимися светлыми волосами. Она держала руки перед собой, словно что-то вязала.

— Вы из полиции? — робко спросила она.

— Да, — сказал Лукас. — Заходите. — Он зевнул и потянулся. — Чем мы можем вам помочь?

Женщина вошла и неуверенно огляделась.

— Говорят, вы спрашивали, был ли у Лью пейджер или сотовый телефон?

— Верно. Как вас зовут?

— Дотти Бедрик, я сестра-хозяйка? — Ее предложения звучали как вопросы. — На прошлой неделе Лью порвал свои брюки возле моего кабинета? Там была какая-то проблема с трубами, он наклонился, и брюки разошлись по шву сзади?

— Так-так, — сказал Лукас.

— В общем, я оказалась рядом? Все знают, что я шью, он зашел ко мне и спросил, смогу ли я с этим что-то сделать? Он сразу стащил с себя брюки — естественно, он был в спортивных трусах на резинке, — и я все зашила. На нем остались футболка и трусы, а брюки оказались у меня. В них лежали только бумажник, ключи и мелочь. Он не носил в карманах пейджера или чего-то похожего.

— Ну что ж, спасибо вам, — кивнул Лукас. — Вы нам очень помогли.

— А почему вас это интересует? — спросила Бедрик.

«Мисс Марпл», — подумал Лукас.

— Мы думаем, — я уверен, вы это слышали от других, — что он занимался продажей наркотиков. А значит, ему требовался доступ к телефону.

— В нем было что-то странное...

Она хотела, чтобы ей задавали наводящие вопросы. Лукас положил руки на пояс и раздвинул полы спортивной куртки, как полицейские в телесериалах, а потом слегка приподнял бедро.

— Что же?

Ей это понравилось.

— Я обратила внимание, что в тех случаях, когда по громкой связи звали доктора, он поднимал голову и прислушивался. По-моему, он смотрел на динамик. А потом он сам подходил к телефону и звонил кому-то. Я видела, как он это делал, два или три раза.

— Ясно, — произнес Картер. — Значит, звали врача?

— Совершенно верно.

— Господи, — сказал он, повернувшись к коллегам. — Вот оно.

— Вот оно? — прочирикала Бедрик.

— Да. — Картер улыбнулся немолодой леди и тряхнул головой. — Никогда не слышал, чтобы штатский так поступал.

Фелл решила задержаться в Беллвью и попытаться размотать ниточку до конца. А Лукас покачал головой и сказал, что вернется в Южный участок.

— Ты считаешь, что здесь я ничего не найду? — спросила Фелл.

— Все может быть, но теперь, когда Уайтчерч мертв, я в этом сомневаюсь.

— И все равно я хочу остаться. Это все, что у нас есть.

«Все, что у нас есть, — подумал Лукас. — Да. Мы нашли поставщика, лучшую линию расследования за всю прошедшую неделю, но Беккер убил его прямо у нас под носом. Мы замечательные полицейские. Должен существовать другой подход, новый путь...»

Как только Лукас вошел в полицейский участок, он сразу услышал голос Кеннета.

— ...знаю, что это срочно, но мне плевать, — говорил он. — Я не хочу, чтобы люди

оставались здесь и переключивали бумажки. Все должны выйти на улицы. Надо, чтобы проклятые наркоманы поняли: идет война. И вместо того, чтобы приходить сюда, тебе следует выйти в город вместе со своими ребятами и растряссти этих подонков. Кто-то знает, где он...

Лукас остановился у двери. Семь или восемь детективов смущенно замерли в комнате для совещаний, а Кеннет устроился на складном стуле, прижав пальцы правой руки к сердцу. Его лицо покраснелось от гнева. Он перевел взгляд с полицейских на Лукаса и резко сказал:

— Ну, порадуй меня.

— Ты говорил с Картером?

— Я должен был ему перезвонить. — Кеннет бросил взгляд на листок бумаги с номером телефона. — Что произошло?

— Пожилая леди рассказала, как Уайтчерч принимал телефонные звонки.

— Черт возьми, — пробормотал кто-то.

Лукас покачал головой.

— Но я не уверен, что нам это что-то даст. Возможно, он придумывал имена врачей в качестве пароля для клиента. Когда покупателю требовалось связаться с ним, диспетчер — или кто-нибудь другой — вызывал доктора по громкой связи. Потом Уайтчерч брал трубку и звонил сам. В больнице тысячи врачей, они получают тысячи звонков. Речь идет о сотнях вызовов.

— Проклятье, — сказал Кеннет и провел рукой по волосам, но одна прядь продолжала упорно торчать вверх. — Картер продолжает поиски?

— Да, шестеро детективов. Фелл тоже осталась, чтобы им помочь.

Кеннет на секунду задумался, потом недовольно вздохнул и спросил:

— Что-нибудь еще?

— Нет. Я продолжаю изучать документы, но у меня возникла одна мысль... Когда я возвращался сюда, мне пришло в голову взглянуть на проблему с другой стороны. Картер занимается телефоном, а ваши ребята позаботятся обо всем остальном. Я снова подумал о том, как трудно найти Беккера, и о том, где он добывает деньги, — мы слишком много о нем не знаем. Возможно, мне стоит побеседовать с парнями, которые были с ним знакомы лучше.

— И с кем же именно?

— С теми, с кем он сидел в тюрьме. Пожалуй, я слетаю в Миннеаполис. Там я смогу допросить его сокамерников. Может быть, он поделился с кем-то своими мыслями или кто-то подбросил ему идею, где можно найти подходящее убежище...

— Неплохо, — одобрил Кеннет, потирая грудь. — Впрочем, этот план непросто осуществить, к тому же ты нужен мне здесь. — Он немного подумал. — Вот что я тебе скажу: почитай отчеты до конца сегодняшнего дня, подумай о телефоне. Послезавтра лекция. Если к этому моменту у нас ничего не будет, вернемся к твоему предложению. Ты видел произведения искусства?

— Искусства?

— Джим, покажи... — велел Кеннет.

Один из детективов протянул Лукасу коричневый конверт. Лукас вытащил из него стопку цветных фотографий восемь на десять. Тело Уайтчерча, лежащее на спине в коридоре. На вымощенном плитками полу кровь за его головой и на стене. Несколько банкнот в двадцать долларов на полу рядом с телом.

— Что это за купюры? — спросил Лукас.

— Должно быть, они ссорились из-за денег, когда Беккер его пристрелил, — сказал полицейский по имени Джим. — Один из уборщиков услышал выстрелы. Неглупый парень: он сначала громко закричал и лишь после этого осторожно заглянул в коридор. Уайтчерч уже лежал на спине, внешняя дверь закрывалась. Очевидно, Беккер схватил большую часть денег и убежал.

— И он не успел срезать веки, — заметил Лукас.

Если бы не кровь, Уайтчерча можно было бы принять за уснувшего пьяницу.

— Нет, он лишь выколол глаза и забрал наркотики, если, конечно, Уайтчерч их принес. Кстати, на банкноте остался отпечаток. Он принадлежит Беккеру.

— Ладно, на этом пока все, — сказал полицейским Кеннет.

Наступило напряженное молчание, потом все поднялись на ноги и направились к двери, качая головами.

— Послушайте, ребята. Скажите своим подчиненным, чтобы они надели бронежилеты. Им придется говорить с очень сильно напуганными людьми.

Когда Уэрта проходил мимо Кеннета, он остановился и пригладил ему волосы.

— В чем дело, парень? — спросил Кеннет.

Детектив ухмыльнулся:

— Всего лишь поправляю твой «ирокез». ^[29] С этими торчащими вверх седыми волосами ты похож на Стива Мартина в «Придурке», только ты старый и худой.

— Поцелуй меня в задницу, Уэрта, — со смехом ответил Кеннет, приглаживая шевелюру.

Лукас с удивлением смотрел вслед уходящему Уэрте, а потом повернулся к Кеннету.

— Что? — недоуменно спросил Кеннет, продолжая причесываться.

— Стив Мартин? — переспросил Лукас.

— Придурок, — проворчал Кеннет.

— После того как ты отправил их на улицу, они употребляют это слово по отношению к тебе, — сказал Лукас.

Он постарался сменить тему, забыть о Стиве Мартине и увести разговор в сторону.

— Я знаю, — спокойно ответил Кеннет, глядя вслед детективам. — Господи, вытаскивать из постелей наркоманов в такую жару... Вони будет до небес, наркоманы придут в ярость, полицейские потеряют терпение, и кто-то пострадает.

— Но выбора нет, — сказал Лукас. — Нужно продолжать оказывать давление со всех сторон. После смерти Уайтчерча Беккеру необходим новый дилер.

Час спустя Лукас лежал на кровати в своем номере «Лакоты» и размышлял о том, что сказал Уэрта. О том, что Кеннет с его седыми волосами похож на Стива Мартина...

Хорошо. Ты находишься на улице. Произошло убийство. «Мимо проносится машина, внутри сидит пожилой белый мужчина». Вот что сказал Корнелл Рид осведомителю Бобби Рича. Пожилой белый мужчина. Как можно догадаться, что мужчина старый, если он сидит в движущейся машине? У него седые волосы...

И еще не следовало забывать о том, что рассказала миссис Логан...

Кеннет подходил по всем параметрам. Он много лет работал оперативником, занимал высокую должность, имел доступ к засекреченной информации. Он был крутым, но к нему хорошо относились. Кеннет обладал харизмой. И у него седые волосы.

Он спит с Лили. Как все это связано? Как она могла оказаться в одной постели с возможным преступником? И самый главный вопрос: почему Лукас стал работать рядом с Кеннетом и получил возможность за ним наблюдать — ведь под подозрением находились сотни других офицеров полиции?

Одним ответом был О'Делл. Другим — Лили. Или они оба.

Лукас лежал на кровати с цветным маркером и блокнотом в руках, пытаясь составить список. Наконец он начал:

«1. Корнелл Рид».

Лукас дремал в постели, лежа на спине, когда ему позвонила Фелл. В номере царил полумрак. Он выключил все лампы, кроме света в ванной комнате, оставив дверь в нее приоткрытой.

— Я внизу, — сказала Фелл. — Если ты не спишь, давай где-нибудь перекусим.

— В Беллвью есть что-то новое? — спросил Лукас.

— Я все расскажу.

— Спущусь через десять минут.

Ему потребовалось пятнадцать. Лукас побрился, стараясь не касаться синяков, почистил зубы, быстро принял душ и воспользовался бальзамом после бритья. Когда он спустился в вестибюль, Фелл оглядела его и проворчала:

— Великолепно. Я чувствую себя грязной тряпкой.

— Ты прекрасно выглядишь, — возразил Лукас, но это было неправдой.

У Фелл появились синяки под глазами, лицо побледнело от усталости. Платье, утром свежее, сейчас совершенно потеряло вид.

— В двух кварталах отсюда есть симпатичный итальянский ресторанчик, — сказал Лукас.

— Хорошо. Сейчас меня вполне устроит что-нибудь недорогое. — Подойдя к двери, Фелл добавила: — Сожалею, что бросила тебя одного и осталась с Картером, но это расследование очень много для меня значит. И миссис Бедрик была моей... нашей... и я хотела находиться рядом, чтобы заработать очки.

Лукас кивнул.

— Никаких проблем. — Когда они вышли на тротуар, он заметил: — Ты не кажешься довольной.

— Совершенно верно. Беллвью — настоящее крысиное гнездо. У них есть общая система громкой связи, и мы пытались отследить все входящие звонки. Мы искали людей, которые не должны были звонить врачам, и рассчитывали, что кто-то заметил какие-нибудь несоответствия. Выяснилось, что под подозрением оказалось две тысячи звонков.

— А нельзя уменьшить их количество?

— Можно попробовать. Мы попытались заняться вымогательством. Кеннет заручился поддержкой помощника окружного прокурора. Мы говорили одно и то же всем, кого допрашивали: если мы узнаем, кто помогал Уайтчерчу до того, как она выйдет на связь с нами, мы предъявим ей обвинение в соучастии в убийствах, совершенных Беккером. Если же она сама во всем признается, мы обеспечим ей неприкосновенность. И тогда можно будет воспользоваться услугами адвоката и не отвечать на вопросы, не связанные с Беккером... Так что шанс остается. Если нам удастся ее напугать.

— Откуда ты знаешь, что это женщина?

Фелл улыбнулась.

— Это предположение Кеннета. Он сказал: «Ты когда-нибудь слышала мужской голос по внутренней связи в больнице?» Мы все подумали и решили: да, такое случается не слишком часто. Если мужчина будет повторять фамилии несуществующих докторов — а мы думаем, что все происходило именно так, звонивший называл кодовые имена, — на него обязательно обратят внимание. Вот почему мы практически уверены, что это женщина.

— А что, если звонки шли через оператора?

— Тогда мы в тупике... хотя Картер думает, что это не так. Диспетчер мог начать узнавать фамилии и голоса...

Окно «Ветстоуна» украшало старинное точильное колесо, дюжина столов стояла в передней части зала, еще несколько отдельных кабинок находилось у дальней стены. Деревянный пол в центре стал гладким под ногами людей, которые ходили по нему целое столетие. Под медленную джазовую мелодию из музыкального автомата танцевала одинокая пара.

— Есть свободная кабинка? — спросил Лукас.

— Пожалуйста, — ответила официантка. — Слева, для некурящих.

Фелл грустно улыбнулась Лукасу и сказала:

— Мы согласны.

Они заказали спагетти, чесночный хлеб, бутылку розового вина и заговорили о Беккере. Лукас стал вспоминать преступления в Миннеаполисе:

— ...начали убивать, чтобы обеспечить себе алиби. Случайным образом выбрали женщину возле супермаркета и убили ее, чтобы еще сильнее запутать дело.

— Как муху, — сказала Фелл.

— Да. Однажды я имел дело с психом, свихнувшимся на сексуальной почве, — в некотором смысле я понимал его мотивы. Он был безумцем. Его таким сделали. Если бы он имел возможность выбирать, он не захотел бы оставаться плохим. Тут не было его вины, просто в голове перепутались провода. Но Беккер...

— И все равно он ненормальный, — перебила его Фелл. — Они могут выглядеть холодными и рациональными, но такое спокойствие в состоянии сохранять только чокнутые. А что он делает сейчас? Если мы возьмем его живым, то существует большая вероятность, что его отправят в сумасшедший дом, а не за решетку.

— Я бы предпочел тюрьму, — сказал Лукас.

— Как и я, но есть люди, которые думают иначе. К примеру, врачи.

Грузный человек в рабочих брюках и с седыми усиками Чарли Чаплина остановился около музыкального автомата и принялся изучать инструкцию. Официантка подошла к их столику и спросила:

— Еще вина?

Лукас посмотрел на Фелл и перевел взгляд на девушку.

— Пожалуй.

Официантка взяла бокалы.

У нее за спиной толстый мужчина бросил в щель автомата двадцать пять центов, нажал две кнопки, вернулся к столику и наклонился к своей спутнице. Когда она встала, зазвучал вальс «Blue Skirt».

— Господи, «Blue Skirt». Фрэнки Янкович, — сказал Лукас. — Пойдем потанцуем.

— Ты, наверное, шутишь...

— Ты не хочешь...

— Конечно хочу. Просто я не верю, что этого хочешь ты.

Они закружились на гладком полу. Фелл двигалась легко и уверенно, она хорошо танцевала, а вот Лукас оставался закрепощенным. Они сделали круг возле толстяка и его партнерши, затем пары поймали единый ритм. Официантка, которая несла меню другим

посетителям, остановилась, чтобы посмотреть на танец.

— Еще один раз, — с сильным немецким акцентом сказал Лукасу грузный мужчина, когда композиция закончилась.

Он поклонился и указал на автомат. Лукас бросил свои двадцать пять центов, выбрал ту же мелодию, и они снова закружились в вальсе. Голова Фелл удобно устроилась у него под подбородком, ее мягкие волосы мягко щекотали щеку. Когда музыка закончилась, оба вздохнули и вернулись в кабинку, держась за руки.

— Рано или поздно я бы хотела провести некоторое время в твоих трусах, как принято говорить у нас на Девятой, — призналась Фелл, когда они уселись за столик. — Но не сегодня вечером. Я слишком грязная и устала, к тому же у меня паршивое настроение, а в голове крутится множество бездарных фильмов.

— В общем... — начал Лукас.

— В общем что? Ты не хочешь?

— В общем, я хотел сказать, что у меня в номере есть душ.

Фелл склонила голову и принялась без намека на улыбку изучать Лукаса.

— Ты думаешь, это поможет забыть женщину, которую мы видели утром, ту, без глаз? — хмуро спросила она.

— Думаю, нет. Но послушай... ты меня заинтересовала. Полагаю, тебе это известно, — после небольшой паузы ответил Лукас.

— Хм, как тебе сказать, — смущенно ответила Фелл. — Мне всегда не хватало уверенности в себе.

— В общем... — начал Лукас и рассмеялся.

— Ты все время повторяешь «в общем».

— В общем, выпьем еще вина, — предложил он.

Когда они выпили половину второй бутылки, Фелл уговорила Лукаса еще раз запустить музыкальный автомат, и теперь они танцевали иначе — ее лицо было поднято вверх, и он ощущал ее теплое дыхание на своей шее. Он начал реагировать на ее близость и обрадовался, когда музыка смолкла и они вернулись в кабинку.

Фелл опьянела, она смеялась, и Лукас спросил о полицейском, с которым она встречалась.

— О боже, — сказала она, глядя в потолок, где большой деревянный вентилятор без устали медленно вращал свои лопасти. — Он выглядел таким симпатичным, а оказался ужасной змеей. Он напоминал персонаж из «Крестного отца Гринвич-Виллидж»,^[30] носил превосходные костюмы и туфли, он выделялся, ты меня понимаешь? В общем, он был клевым. У него даже на носках были стрелки.

— Насколько клевым может быть парень из транспортной полиции? — сострил Лукас.

Она нахмурилась.

— Когда это мы о нем говорили? Я не...

— Конечно упоминала, когда мы были у тебя, — сказал он и подумал: «Ты ведь действительно не знаешь, в отличие от Лили. Дэвенпорт, ты неосторожен». — Я отмечаю ммм, важные детали...

— А почему это важно? — спросила она, явно польщенная.

— Проклятье, ты же детектив, — улыбнулся он. — Давай выпьем еще капельку вина.

— Ты пытаешься меня напоить?

— Может быть.

Фелл поставила бокал с вином на стол и ткнула в него пальцем.

— Какого дьявола ты это делаешь, Дэвенпорт? Ты из отдела внутренних расследований?

— Боже мой, я же тебе сказал, что нет. Послушай, если ты хочешь говорить серьезно, то мой издатель находится рядом, кроме того, мое лицо можно найти на коробках с играми. Там есть биография и тому подобное, мы можем поехать...

— Ладно. Но зачем ты меня расспрашиваешь?

— Вовсе я не...

— Вранье! — Фелл заговорила громче: — Ты такой же чертов дамский угодник, как он и как Кеннет. Я это поняла, как только ты пригласил меня потанцевать. Я почувствовала, что таю. Черт возьми, как тебе это удается?

Лукас наклонился к ней, стараясь успокоить ее и не рассмеяться.

— Я не...

— Господи, — пробормотала она и отстранилась. — Похоже, я напилась.

— Куда мы пойдем?

— К тебе в номер. Я передумала.

— Барбара... — Лукас оставил на столе три банкноты по двадцать долларов и поспешил за ней. — Ты слишком много выпила.

— Чертов дамский угодник, — сказала Фелл и решительно направилась к двери.

Он проснулся в полутемном номере, тонкий луч света из ванной комнаты падал на постель. Лукас был смущен, его охватило ощущение дежавю. Разве Фелл ему только что не звонила и не сказала?.. Тут поток его мыслей прервался — он ощутил тяжесть. Она заснула под его рукой, положив голову ему на грудь и закинув правую ногу на бедро. Он попытался осторожно выбраться из-под нее, но она проснулась и пробормотала:

— Хм?

— Просто пытаюсь устроиться удобнее, — прошептал он, вдруг сообразив, что наступила ночь.

Фелл казалась совсем робкой. Не пассивной, но... настороженной.

— Ой... — Она приподнялась, из-под одеяла показалась маленькая грудь. — Который час?

Лукас нашел свои дорожные часы и посмотрел на циферблат.

— Без десяти три, — ответил он.

— О господи.

Она села, отвернувшись от него. Простыня упала, и он подумал, что у нее чудесная спина — гладкая, стройная, с сильными мышцами. Лукас провел по ней пальцем, и Фелл выгнулась, пытаясь уйти от его прикосновения.

— О-о-о-о, прекрати, — бросила она через плечо.

— Тебе лучше лечь, — сказал он.

— Пора уходить.

— Что?

Она повернулась к нему, но ее глаза остались в тени, и Лукас не сумел их разглядеть.

— Мне правда...

— Чепуха. Иди сюда и поспи со мной.

— Мне нужно выспаться.

— Как и мне. Проклятый Беккер.

— Забудь его хотя бы на несколько часов, — сказала Фелл.

— Ладно. Но ты ложись.

Она опустилась на простыню рядом с ним.

— Ты больше не с Ротенберг?

— Нет.

— Вы расстались?

— Все это очень странно, — начал он.

— Ты говоришь не те слова, — заявила Фелл.

Она снова приподнялась, и он провел пальцем по нежной коже нижней части ее груди.

— Все дело в том, что у нас с Лили очень сложные отношения, — продолжал Лукас. —

Ты ведь знаешь, что она спит с Кеннетом.

— Да, я догадалась. Когда я в первый раз увидела их вместе, Лили подвозила его в участок, и она поцеловала Кеннета на прощание. Мне пришлось войти внутрь и приложить кусочек влажной ткани ко лбу. То есть было ужасно жарко. Но потом я увидела, как вы с Ротенберг разговариваете друг с другом, и поняла, что между вами еще не все сказано.

— Неправда. Но я был рядом, когда распался ее брак, и она помогла мне завершить отношения с женщиной, от которой у меня ребенок. Мы были словно... поворотной точкой друг для друга, — сказал Лукас.

— Понятно, — ответила Фелл.

— А за рулем была Лили?

— Что?

— Ты сказала, что она подвезла Кеннета.

— Да, Кеннет не может водить машину. Это его убьет, движение на Манхэттене ужасное. — Она снова села и повернулась к нему. Теперь Лукас мог видеть ее глаза. — Дэвенпорт, проклятье, что тебе нужно?

— Господи...

Он рассмеялся, обхватил ее за талию, и она позволила ему снова увлечь себя в постель.

— Я хочу знать одно: если ты хочешь что-то узнать, ты ведь спишь со мной не ради этого?

Лукас закатил глаза.

— Барбара...

— Хорошо. Ты бы в любом случае мне солгал, так зачем я спрашиваю? — Потом она нахмурилась и сама ответила на свой вопрос: — Я скажу тебе зачем. Потому что я идиотка и всегда спрашиваю. Мужчины мне лгут. Господи, мне нужен психиатр. Психиатр и сигарета.

— Так кури, я не возражаю, — разрешил Лукас. — Только не стряхивай пепел мне на грудь.

— Правда?

Она погладила его по груди.

— Ну, курение убивает тебя, медленно, но верно. Впрочем, если тебе необходима сигарета...

— Спасибо.

Она выбралась из постели — замечательная спина! — нашла свою сумочку, вытащила сигареты, отыскала пепельницу и пульт дистанционного управления телевизором.

— Мне необходим никотин в крови. — И с удивительной искренностью и

простодушием добавила: — Я не могла курить — боялась, что мои губы будут иметь вкус пепельницы.

— А мне показалось, что ты решила не спать со мной, а потом передумала.

Фелл покачала головой.

— Дурачок, — сказала она, закурила, включила телевизор, нашла прогноз погоды. — Жара, сплошная жара, — через минуту добавила она.

— Нью-Йорк похож на Лос-Анджелес, только влажность выше, — заметил Лукас.

— Ты бы посмотрел, что здесь творилось в прошлом году...

Они болтали, Фелл курила, закончила первую сигарету и тут же зажгла вторую, потом прошлась по номеру и собрала все спички с рекламой отеля.

— Мне постоянно не хватает спичек. Я их повсюду ворую, — призналась она. — Когда я работаю, у меня два правила: идти в туалет, как только появляется шанс, и воровать спички. Нет, на самом деле у меня три правила...

— Никогда не есть в заведении, которое называется «Момс»? [\[31\]](#)

— Мне нравится такое правило, — улыбнулась она. — Нет, у меня другое: никогда не спи с полицейскими. Они всегда такие коварные...

Настало воскресное утро. Солнечный свет проникал сквозь жалюзи, словно молоко. Фелл проснулась в девять часов, потянулась и приподнялась на локте, глядя на темноволосую голову Лукаса на подушке. Потом она встала и принялась собирать свою одежду.

— А я упоминал твою попку? — спросил Лукас, приоткрыв один глаз.

— Несколько раз, и я оценила каждый из них, — слабо улыбнулась она. — Моя голова... проклятое дешевое вино.

— Вино не было дешевым. — Лукас сел, опустил ноги на пол и помассировал шею, чтобы окончательно проснуться. — Я позвоню Кеннету и попробую с ним договориться.

Фелл кивнула. Она все еще не пришла в себя.

— Мне нужно вернуться домой и переодеться, а потом я поеду в Беллвью. Там будут воскресные дежурные, в рабочие дни их не бывает.

— Для тебя это важно? — спросил Лукас.

— Это самое крупное расследование из тех, в которых я принимала участие, — ответила Фелл. — Господи, как бы я хотела добраться до Беккера! Лично!

— В Беллвью ты его не найдешь, — сказал Лукас. — Даже если тебе удастся отыскать помощницу Уайтчерча и она заговорит, меня не удивит, если окажется, что Беккер звонил из автомата. И что ты будешь делать дальше?

— Но если мы найдем телефон, то устроим засаду. Или Беккер пользовался автоматом, расположенным в квартале от того места, где он живет, и мы сможем проверить квартиры.

— Да...

— Может быть, мы сумеем взять его завтра вечером, во время лекции.

— Возможно... Пойдем, я должен удостовериться, что ты хорошо помылась.

— Именно этого мне всегда не хватало, — засмеялась она. — Помощи в душе.

— Ну, ты же сама сказала, что у тебя болит голова. Тебе необходим горячий душ и массаж шеи. Правда. Я говорю это в духе истинного братства женских сообществ.

— Вот и отлично, я не думаю, что способна справиться с еще одним сексуальным импульсом, — ответила Фелл.

Тем не менее из ванной они вскоре перебрались в постель, а из постели снова в душ, где Фелл стояла, опираясь о стену, а Лукас вытирал ее шершавым махровым полотенцем. Именно в этот момент из Миннеаполиса позвонил Андерсон.

— Корнелл Рид. Из Ла Гуардиа в Атланту, а оттуда в Чарльстон. Обратных билетов не зафиксировано. Оплачено муниципальными службами Нью-Йорка.

— Ничего себе... Чарльстон?

— Да.

— С меня причитается, Хармон, — сказал Лукас. — Перезвоню позже.

— Никаких проблем...

Лукас повесил трубку и задумался.

— Что еще за Чарльстон? — спросила Фелл из дверей ванной комнаты.

— Танец и город... Извини, это был личный звонок. Я пытаюсь отыскать мать моего ребенка. Она отправилась в Чарльстон с командой «Проуб».

— Понятно, — протянула Фелл и бросила полотенце себе за спину. — Вы все еще

близки?

— Нет. Между нами все кончено. Но Сара моя дочь. Я общаюсь с ней.

Фелл пожала плечами и улыбнулась.

— Я просто проверяла уровень масла. Так ты будешь звонить Кеннету?

— Да.

Они позавтракали в кафе отеля, потом Лукас вызвал такси для Фелл, и она уехала домой. Он позвонил в участок из своего номера, и его сразу переключили на другой телефон. Кеннет взял трубку после первого гудка.

— Если мы не возьмем его на лекции завтра вечером, я возвращаюсь в Миннеаполис. Возможно, сумею найти там какой-то след, — сказал Лукас.

— Хорошо. Полагаю, здесь мы сделали все, что было в наших силах, — ответил Кеннет. — Лили рядом со мной, мы собирались тебе звонить. Как насчет того, чтобы покататься на лодке?

— А где вы находитесь? — спросил Лукас.

— У Лили.

— Тогда вы можете за мной заехать, — предложил Лукас.

Закончив разговор с Кеннетом, Лукас некоторое время сидел, держа руку на телефоне. Потом он поднял трубку и позвонил оператору, чтобы выяснить код Чарльстона. Лукас не представлял, насколько велик город, но ему казалось, что он не должен быть большим. Если они знают своих преступников так же хорошо, как в Миннеаполисе...

В справочном ему дали номер полицейского управления Чарльстона, и через пару минут Лукас беседовал с дежурным офицером.

— Меня зовут Лукас Дэвенпорт. Я полицейский, работаю в южном участке Манхэттена. Мне нужен парень, который должен находиться у вас. Каковы шансы его найти?

— А в чем проблема?

Протяжная южная речь, больше похожая на интонации жителя Техаса, чем на невнятный говор Южной Каролины.

— Он видел, как застрелили одного парня. Он не убийца, а лишь свидетель. Мне необходимо с ним поговорить.

— Как его зовут?

— Корнелл Рид, по прозвищу Рыжий. Двадцать два или двадцать три года...

— Он черный.

Едва ли это можно было считать вопросом.

— Да.

— А вы из Южного участка?

— Да.

— Подождите...

Лукасу пришлось подождать минуту, потом еще одну. Так всегда бывает с полицейскими. Всегда. Наконец послышались щелчки, и линия ожила.

— Я связался с Дариусом Пайком, нашим детективом. Он вас слушает. Дариус, давай...

— Алло?

У мужчины был низкий спокойный голос.

Рядом шумели дети. Лукас снова представился.

— Я побеспокоил вас дома? Извините...

— Все в порядке. Вы ищете Рыжего Рида?

— Да. Мы полагаем, что он был свидетелем убийства в Нью-Йорке, и я бы очень хотел с ним побеседовать.

— Этот жалкий придурок вернулся в город около месяца назад. Вы хотите его арестовать?

— Нет, только поговорить.

— Вы намерены прилететь или будете вести допрос по телефону?

— Я бы хотел личной встречи, если это возможно.

— Тогда позвоните мне заранее. Я могу найти его практически в любое время.

Лукасу предстояло принять решение: Миннеаполис или Чарльстон? Два разных расследования, две разные ниточки. С чего начать? Лукас задумался. Он не успеет слетать в Чарльстон и вовремя вернуться. Ловушка в Новой школе должна сработать завтра вечером; если они не возьмут Беккера, то в Миннеаполис будет необходимо вернуться. Не следовало забывать, что Беккер убивает людей. Чарльстон может пролить свет на дело Робин Гуда, а Робин Гуд тоже убивает людей, но здесь, как правило, речь идет о плохих парнях... Лукас мрачно покачал головой. В принципе это не должно иметь значения. Но все не так просто.

Лукас позвонил в «Нортуэст» и заказал билет до Миннеаполиса, а затем тройной перелет Миннеаполис — Чарльстон — Нью-Йорк. Вот и все, сейчас больше ничего сделать нельзя. Теперь все зависит от завтрашнего вечера.

Когда Лили позвонила от стойки портье, Лукас успел переодеться в джинсы и голубую футболку. Он спустился и увидел Лили с усталыми, но спокойными глазами. Она была в джинсах, бейсболке цвета морской волны и французской полосатой тельняшке, которая на Пятой авеню стоила никак не меньше двухсот долларов.

— Ты похожа на модель, — сказал Лукас.

— Может, мне стоит позвонить в «Крузинг уорлд»? [\[32\]](#)

— Ну да, ты выглядишь как доступная женщина.

— Это журнал, посвященный парусным лодкам, болван! — ответила она и шутливо ударила его в плечо.

Кеннет ждал их на пассажирском сиденье «мазды навахо». Он был одет в удобные потертые брюки цвета хаки и футболку с надписью «Сохо» на груди.

Лукас забрался на заднее сиденье и сказал Лили:

— Отличный фургон.

— Он принадлежит Кеннету. Полный привод помогает выработке тестостерона, — отозвалась Лили, садясь за руль. — У тебя такой же?

— Не совсем: этот подходит только для Манхэттена, — пошутил он и, повернувшись к Кеннету, добавил: — Я не знал, что ты можешь водить машину.

— Купил ее еще до последнего приступа, — ответил Кеннет. — Боюсь, что цена как раз и явилась его причиной. И не рассказывай насчет езды по городу, это настоящая рабочая лошадка...

— Ладно, ладно...

Они покинули Манхэттен по туннелю Линкольна и оказались в Джерси, свернули направо и поехали по зигзагообразной дороге к порту. Пристань для яхт выглядела довольно скромно и занимала небольшую бухточку; здесь находилось несколько десятков лодок, отделенных от парковки десятифутовой металлической оградой с колючей проволокой

наверху. Большинство катеров стояло на бетонных стапелях, фалы негромко позвякивали об алюминиевые мачты, словно лес колокольчиков на одну ноту; несколько яхт бросили якоря на небольшом расстоянии от берега.

— Взгляните на этого парня, который выпускает свой парашют, — сказал Кеннет, вылезая из фургона.

Лукас и Лили вышли вслед за ним из машины. Кеннет указывал в сторону реки, где две парусные лодки, плывущие бок о бок, одновременно меняли галс, гонимые северо-западным ветром. На палубе одной из яхт мужчина высвободил яркий желто-красный парус. Он мгновенно наполнился ветром, действительно став похожим на парашют, и лодка рванулась вперед.

— Ты уже ходил под парусами? — спросил Кеннет.

— Пару раз. На озере Верхнее, — ответил Лукас, прикрывая ладонью глаза. — Чувствуешь себя, словно находишься на сбежавшем локомотиве. Трудно поверить, что они двигаются со скоростью бегуна трусцой.

— Бегун не весит двадцать тысяч фунтов, как эта штука, — заметил Кеннет, глядя на лидирующую яхту. — Это и есть локомотив...

Они выгрузили холодильник из багажника, и Лукас пронес его через парковку, мимо загорелой женщины в крошечном бикини, за которой тянулась цепочка девочек, похожих на утят. Самая маленькая из них, с рыжими волосами, в трусиках песочного цвета и босиком, затанцевала на горячем асфальте — шлепанцы она несла в руках.

Лили провела их через узкие ворота в ограде. За ней шел Лукас, а Кеннет замыкал шествие. Они спустились к воде. Тут и там люди работали на своих яхтах и слушали радио. По большей части это были станции, передающие рок, почти у всех разные, словно в гавани решили провести рок-фестиваль под открытым небом. Несколько лодок были уже готовы отплыть, но их владельцы не торопились и охотно болтали друг с другом.

— Здесь она и обитает, — сказал Кеннет.

«Лестрейд» была мощной и грациозной одновременно, как погрузневшая балерина.

— Симпатичная, — неуверенно похвалил Лукас.

Он имел некоторое представление о рыбацких лодках, но почти ничего не знал о парусных яхтах.

— «Айленд пэкет-двадцать восемь» действительно хорошая яхта, — заверил его Кеннет. — Я завел ее вместо детей.

— Еще не поздно обзавестись и детьми, — заметил Лукас. — У меня, например, есть ребенок.

— Подожди, подожди, — рассмеялась Лили. — В данном вопросе у меня тоже должно быть право голоса.

— Совсем не обязательно, — сказал Лукас и осторожно вошел в кубрик, продолжая держать в руках холодильник. — Город полон женщин, достигших брачного возраста. Найди какую-нибудь из них с отличной парой буферов и не слишком умную, чтобы не пришлось тревожиться из-за конкурентов. Неплохо, если она любит заниматься домашней работой...

— К дьяволу плавание, пошли в город, — заявил Кеннет.

— Отлично, я жду с нетерпением, — отозвалась Лили. — Блистательное остроумие, литературные разговоры...

Лили и Лукас занимались оснасткой, а Кеннет нетерпеливо давал указания. Когда им

удалось поднять паруса, Лукас улучил момент и оглядел яхту: большая каюта в носовой части, маленький, но удобный камбуз, множество полок с книгами и даже сотовый телефон.

— Здесь можно жить, — заметил он.

— Я действительно провожу тут немало времени. Не менее ста дней в году ночью на лодке. Даже в тех случаях, когда у меня нет возможности плавать, я приезжаю сюда, чтобы спокойно почитать и выспаться. Я всегда засыпаю здесь, как ребенок.

Кеннет включил двигатель и вывел яхту из бухты, его тонкие седые волосы развевались на ветру, глаза скрывались за темными овалами очков. С загорелого лица не сходила улыбка, когда он маневрировал вдоль пристани. Наконец судно оказалось на открытой воде.

— Господи, как я это люблю! — воскликнул Кеннет.

— Тебе следует соблюдать осторожность, — посоветовала Лили, с тревогой глядя на него.

— Да, конечно, не прищепи пальчик... — Он повернулся к Лукасу и добавил: — Постарайся не получить инфаркт — это страшно тебя ломает. Я могу управлять двигателем и рулем, но тогда мне не справиться с парусами и якорем. Я не могу плавать в одиночку.

— Давай не будем об этом, — сказал Лукас.

— Ну и черт с ним, — согласился Кеннет.

— А какие возникают ощущения? — спросил Лукас.

— Вы же не собирались это обсуждать, — запротестовала Лили.

— Кажется, будто два борца пытаются раздавить тебе грудь. Появляется сильная боль, но я не слишком много запомнил. Словно я попал в автомобильную катастрофу и грудь вдавилась внутрь. Помню, что оказался на полу и жутко вспотел... — Он произнес эти слова негромко, но со злостью в голосе, как человек, который клянется отомстить. Через пару секунд он добавил: — Давайте поставим паруса.

— Да, — ответил слегка удивленный Лукас. — Мне нужно тянуть за веревку?

Кеннет посмотрел на небо.

— Господи, если ты слышал этого человека, прости его, прости эту сухопутную крысу из Миннесоты, Миссури или Монтаны — там ведь нет воды.

Лукас поднял главный парус. Кливер управлялся через роульс, канаты вели к кубрику. Лили перемещала кливер — иногда по собственной инициативе, иногда выполняя указания Кеннета.

— Как давно ты ходишь на яхте? — спросил у нее Лукас.

— Первый раз еще девчонкой в летнем лагере. А потом Дик начал меня учить на большой яхте.

— Она быстро все схватывает, — похвалил ее Кеннет. — У нее природное чувство ветра.

Они лениво скользили по реке, нос яхты уверенно разрезал воду, ветер дул им в лица. Над водой кружили мухи и поднимались вверх, их кружевные крылышки мелькали вокруг.

— Что теперь? — спросил Лукас.

Кеннет рассмеялся.

— Теперь мы поплывем вверх по течению, а потом сделаем разворот и вернемся.

— Так я и думал, — сказал Лукас. — Вы даже не пытаетесь ловить рыбу.

— Похоже, ты не сумел ощутить великую округлость мира, — заметил Кеннет. — Тебе необходимо выпить пива.

Кеннет и Лили дали ему урок управления яхтой, рассказали, как называются тросы и элементы такелажа, показали буйки, отмечающие фарватер.

— Кажется, у тебя есть домик у озера? Разве там нет буйков?

— На моем озере? Если я помочусь с одной стороны причала, то попаду на другой берег. Если бы там был буй, то не хватило бы места для лодки.

— А я думал, что великие северные леса... — серьезно начал Кеннет.

— Да, там встречаются огромные водные пространства, — ответил Лукас. — Например, озеро Верхнее. У нас есть вещи, которых не найдешь и в Атлантике...

— Очень в этом сомневаюсь, — скептически заметила Лили.

— Да? Каждые несколько лет озеро замерзает, и когда ты на него смотришь, горизонт становится как лезвие ножа, а вокруг только лед. Ты можешь бесконечно долго идти к горизонту, но никогда до него не доберешься...

— Ладно, — не стала возражать Лили.

Они поговорили о катании на буерах и о парашютно-горнолыжном спорте, но затем вернулись к плаванию на яхтах.

— Я планировал взять годичный отпуск и отправиться в кругосветное путешествие в одиночку... если только не застряну на островах, — сказал Кеннет. — Я и сам не знаю, что будет. Беру уроки испанского, немного изучаю французский...

— Французский?

— Да. Плынешь на юг, к островам, затем пересекаешь Атлантику, оказываешься на Канарах, может быть, заходишь в Средиземное море, чтобы посмотреть на Ривьеру — тут и потребуется французский, — затем вдоль африканского побережья к Кейптауну. Далее Австралия, Полинезия, Таити — там тоже говорят по-французски. Потом обратно к Галапагосам, Колумбии и Панаме, снова острова...

— Звучит привлекательно, — заметил Лукас.

— Тебе нравится эта идея? — серьезно спросил Кеннет.

— Ну да, — сказал Лукас, глядя на воду. Его скулы и губы горели от солнца, и он чувствовал, как расслабляются мышцы на шее и спине. — Год назад у меня было паршивое время, я впал в депрессию. Медицинского характера. Сейчас я с этим справился, но не хотел бы повторить тот опыт. Я бы предпочел... сбежать. Например, на острова. Не думаю, что там у людей бывает депрессия.

— О каких островах вы говорите? — вмешалась Лили.

— Я даже не знаю, — напустил туману Кеннет. — Наветренные, или Подветренные, или еще какие-нибудь...

— А какая разница? — спросил Лукас у Лили.

Она пожала плечами.

— Не спрашивай меня, это ваши острова.

После недолгого молчания Кеннет сказал:

— Униполярная депрессия. Ты слышал зов своих пистолетов?

Лукас удивленно посмотрел на него.

— У тебя было нечто подобное?

— Сразу после второго инфаркта, — ответил Кеннет. — По правде говоря, он оказался не таким уж серьезным, но проклятая депрессия едва меня не доконала.

Они сделали разворот и поплыли обратно по течению. Кеннет вытащил из кармана пачку сигарет.

— Дик, выброси сигареты...

— Лили, я выкурю одну. Только одну. И на сегодня — все.

— Черт возьми, Дик...

Казалось, Лили сейчас заплачет.

— Лили... ну их к дьяволу!

Кеннет выбросил «Мальборо» за борт. Лукас видел, как пачка медленно плывет по реке.

— Так-то лучше, — сказала Лили, но по ее щекам потекли слезы.

— Вчера я попросил сигарету у Фелл, но она мне отказала, — признался Кеннет.

— Вот и молодец.

Глаза Лили все еще были полны слез.

— Посмотрите на город, — смущенно проговорил Лукас.

Они повернулись, чтобы взглянуть на озаренные солнцем башни Манхэттена. Каменные здания сияли, словно политые маслом, современные стеклянные башни сверкали, точно клинки ножей.

— Какое замечательное место, — сказал Кеннет, а Лили вытерла щеки тыльными сторонами ладоней и попыталась улыбнуться.

— Отсюда не видны заплаты, — заметил Лукас. — Ведь именно из них состоит Нью-Йорк, вы же знаете. Бесчисленное множество. Заплата на заплате. Я шел из отеля в Южный участок, пересек Бродвей по Тридцать пятой, и там оказалась выбоина, а внутри ее была вторая, и кто-то поставил заплату на меньшую, нижнюю выбоину.

— Проклятый деревенщина, — пробормотал Кеннет.

Когда солнце стало клониться к горизонту, они подошли к причалу. Лукас спустил основной парус, а Лили уверенно поставила яхту на место. Их лица покраснели от солнца.

— Для меня это был лучший день за последний месяц, — сказал Кеннет и посмотрел на Лукаса. — Я бы хотел еще раз поплавать с тобой до твоего отъезда.

— С удовольствием. Когда-нибудь нам нужно будет отправиться на острова...

Лукас отнес холодильник в фургон, а Лили прихватила постельное белье, которое Кеннет хотел постирать.

— Жаль, что он не может водить машину, — посетовал Лукас, когда Лили захлопнула крышку багажника.

— А он водит, — по секрету сообщила Лили. — Говорит, что не притрагивается к рулю, но я совершенно уверена, что по ночам он гоняет по городу. Пару месяцев назад мы подъехали к его дому, и пока мы парковались, я заметила, что на спидометре были цифры один-два-три-четыре-четыре. И тогда я подумала: еще одна миля — и получилась бы возрастающая последовательность один-два-три-четыре-пять. А когда я села за руль на следующий день, то увидела на спидометре один-два-четыре-один-ноль или что-то в этом роде. Значит, он брал машину. Я и сейчас проверяю спидометр и вижу, что он продолжает ездить. Он не в курсе, что мне об этом известно. Но я молчу, Кеннет всякий раз так злится, что я боюсь еще одного инфаркта. До тех пор, пока он пользуется рулевым управлением и тормозами с усилителем...

— Мужчину сводит с ума, если он привязан к одному месту, — сказал Лукас. — Тебе лучше и в будущем ничего ему не говорить.

— Я стараюсь. Но иногда мне не хватает терпения. Мужчины бывают такими глупыми, что у меня даже голова начинает болеть.

Они вернулись на яхту. Кеннет возился внизу.

— Послушай, Лукас, ты не можешь мне немного помочь? Нужно вытащить аккумулятор двигателя, но для Лили он слишком тяжелый.

— Дик, ты опять взялся за разводной ключ?.. — воскликнула Лили, но Лукас приложил палец к губам, и она замолчала.

— Сейчас спущусь.

Через десять минут, пока Кеннет и Лили закрывали яхту, Лукас потащил аккумулятор к машине. На парковке он поставил его на бампер, чтобы найти нужный ключ на связке. Потом обернулся и посмотрел на пару. Лили прижалась к Кеннету, а он обнимал ее за талию. Она что-то ему сказала, затем поцеловала в губы. Лукас ощутил лишь легкий укол ревности.

Кеннет ему нравился.

Аудитория в Новой школе была небольшой. Между выходом на улицу и дверями, ведущими внутрь, имелся узкий вестибюль.

— Превосходно, — сказал Лукас.

Они с Фелл обошли помещение вместе с полудюжиной других полицейских и теперь ждали, прогуливаясь по Двенадцатой улице. Фелл закурила сигарету.

— Как только он свернет за угол, то окажется внутри нашей сети, — продолжал Лукас. — А вестибюль настолько мал, что мы сумеем проверить любого посетителя, прежде чем он догадается, что вокруг полно полицейских.

— Ты все еще полагаешь, что он появится? — скептически спросила Фелл.

— Надеюсь.

— Это было бы слишком просто.

— Он псих, — объяснил Лукас. — Если Беккер видел объявление, он придет.

У тротуара остановилась машина, и из нее вышел Кеннет.

— Премьера, — сказал он и оглядел фешенебельные соседние улицы, велосипеды, прикрепленные к металлической ограде цепочками, ухоженные кирпичные здания. — У меня такое ощущение, что сегодня что-то должно произойти.

Они последовали за ним внутрь и почти сразу столкнулись с Картером, который держал в руках несколько раций. Каждый получил по одной, они тут же надели наушники и проверили, как они работают.

— Молчите, пока не возникнет экстремальной ситуации, — сказал Картер. — Здесь двенадцать наших парней, и если все начнут кричать одновременно...

— Где должен находиться я? — спросил Лукас.

— А что ты сам думаешь? — спросил Картер. — У кассы, где продают билеты?

— Ммм, в таком случае я буду смотреть людям в спину. — Лукас огляделся. Короткий коридор вел из вестибюля в аудиторию Новой школы. — Вы не против, если я останусь там?

— Хорошо, — кивнул Картер и повернулся к Фелл. — Ты будешь раздавать программки в фойе.

— Замечательно...

— Как все будет организовано? — спросил Кеннет.

— Мы должны начать через двадцать минут. Для вас мы оставили место у входа — оттуда будет видно всех. Если потребуется, вы сможете быстро вернуться в вестибюль, — сказал Картер. — Пройдите сюда...

Беккер прошел по Двенадцатой улице мимо парня, который возился со своей машиной. До начала лекции оставалось десять минут. Беккер сильно нервничал. Он взволнованно разглядывал людей, шагающих по улице рядом с ним, старался затеряться в толпе. Он чувствовал, что дело опасное. Говорить будут о нем. Среди прохожих могут находиться полицейские. Но оно того стоило. Беккер был готов пойти на риск.

Большая часть людей проходила через несколько дверей, похожих на театральные. Дальше наверняка находилась аудитория. Повинуясь импульсу, Беккер вошел в дверь, которая находилась ближе, и свернул к залу.

И едва не споткнулся.

Дэвенпорт!

Ловушка.

Страх сдавил ему горло и едва не задушил. Дэвенпорт и еще один мужчина стояли спиной к Беккеру, в коридоре, разделяющем два входа. До них оставалось не более десяти футов. Они наблюдали за людьми, входящими в здание через другую дверь.

Дэвенпорт стоял слева, вполоборота ко второму мужчине, спиной к Беккеру. Тот, второй, заметил Беккера, когда он входил в дверь, и останавливаться было уже поздно. Беккер сразу прошел через вестибюль, мимо входа в аудиторию. Справа остался столик охранника с телефоном. Дальше был еще один коридор, который, скорее всего, вел наружу.

Беккер бессознательно коснулся своего лица, ощутил жесткие шрамы под гримом. Вспомнил тот день, когда Дэвенпорт наносил ему удары в зале прощаний...

Он заставил себя вернуться к действительности и двинулся дальше, по лестнице, через дверь, к выходу. Он потел и задыхался.

Беккер оказался в саду, украшенном скульптурами. Напротив он заметил проход, такой же, как тот, через который он сюда попал. За ним начинался новый коридор, еще в сотне футов — несколько других дверей и следующая улица. Впереди никого не было. Он быстро пересек двор, схватился за ручку и потянул.

Заперто. Беккер толкнул дверь, но она даже не дрогнула. Стекло показалось ему слишком толстым, даже если бы у него было чем его разбить. Он оглянулся назад, в сторону открытой двери. Если он вернется, то на несколько секунд окажется лицом к лицу с Дэвенпортом, как пару минут назад, когда тот смотрел на полицейского, который с ним разговаривал.

Беккер застыл на месте, не в силах просчитать возможные варианты. Нужно как можно быстрее скрыться. Он повернул налево и нашел короткий коридор с дверью, обозначенной буквой «Б» и словом «Лестница». Он рванул ручку на себя, надеясь...

Закрывается. Проклятье! Беккер притаился в коридоре, найдя временное убежище. Впрочем, здесь оставаться нельзя. Если кто-нибудь его заметит, то сразу догадается, что он прячется.

Проклятый коп снова заманил его в ловушку.

На мгновение Беккер потерял связь с реальным миром, его разум помчался вдаль, стремительно уменьшаясь и сжимаясь... Он со вздохом вернулся обратно и обнаружил, что вцепился в дверную ручку.

Нет. Должно быть что-то еще. Беккер отпустил ручку и вернулся во двор. Он нуждался в помощи. Ему требовалось как следует все обдумать. Он потянулся к своей заветной коробочке, нашел ее, вытряхнул на ладонь полдюжины таблеток «спида» и тут же проглотил. Едкий вкус на языке помог успокоиться, позволил собраться с мыслями.

Если его поймают — и не убьют сразу, — то посадят за решетку и отнимут таблетки. Беккер содрогнулся, его тело свела судорога. Второй раз он не переживет этого кошмара. Такое невозможно даже представить.

Он вновь вспомнил похоронный зал. Увидел находящееся в нескольких дюймах лицо Дэвенпорта, услышал его невнятную речь. Потом появился пистолет, прицел, подобный гвоздю на дубинке, гвоздю, раздирающему его лицо...

Нужно думать. Думать.

Пора двигаться. Но куда? Дэвенпорт здесь, он наблюдает. Придется пройти мимо него. Не вполне осознавая, что делает, Беккер вновь вытащил коробочку с таблетками и проглотил остатки «спида» и единственного «ангела». Думать.

— Пора начинать, — сказал Картер.

— Дайте ему еще пять минут, — попросил Лукас. — Сделайте вид, что нужно наладить проектор слайдов или еще что-нибудь.

— Толпа будет возмущена, когда Йонел сделает заявление.

— Не обязательно, — возразил Кеннет, уставший ждать в аудитории. — Может быть, они даже получают удовольствие.

— Йонел говорит, что сначала он в любом случае будет полчаса рассказывать о Менгеле и Беккере, — сказал Лукас. Он встал и подошел к двери. — Я намерен посмотреть на посетителей. Не так уж много людей заинтересовалось лекцией.

— Проклятье, он не придет, — пробормотал Картер.

— Может быть, но я думаю иначе, — ответил Лукас.

Отчаявшийся Беккер изучал двор. Он спустился по лестнице и обнаружил альков с дверью. Возможно, она ведет за кулисы? Он взялся за ручку, потянул... и дверь поддалась. Он слегка приоткрыл ее и прильнул глазом к щели. Да, задняя часть сцены. Там находился мужчина в брюках и спортивной куртке, он всматривался в посетителей из темной ниши на противоположной стороне. На глазах у Беккера он поднес прямоугольный предмет к лицу. Рация? Да, наверное. Коп.

Сразу за дверью, перед Беккером, стоял поцарапанный стол с пустой банкой от арахисового масла, черным телефоном и складным зонтиком в нейлоновом чехле. Беккер бесшумно закрыл дверь и повернулся к лестнице. Отчаяние становилось все сильнее — выхода нет. Никаких шансов. И они обязательно осмотрят здание перед уходом. Беккер в этом не сомневался. Но он должен выбраться отсюда. Или спрятаться.

Один момент. Рация? У полицейского была рация.

Беккер повернулся, вновь шагнул к двери и заглянул внутрь. Коп все еще стоял в нише и выглядывал из-за занавеса, проверяя толпу. И на столе лежал вовсе не зонтик, а складной пюпитр, забытый после концерта.

Он нанес удар Рэю Шолти, и кровь разлетелась брызгами от его головы...

«Пи-си-пи» уже начал действовать, согрел Беккера, принес уверенность. Ему нужна рация. Он позволил двери закрыться и быстро оглядел альков. Бумага? Он вытащил из сумки конверт и сложил его. Немного подумал... Пожалуй, другого пути нет. Он не позволит снова себя избить. Беккер глубоко вздохнул, немного постоял, а потом решительно подошел к двери, распахнул ее и шагнул внутрь.

Полицейский сразу его увидел, нахмурился и двинулся ему навстречу. Беккер протянул конверт и шепотом позвал:

— Офицер...

Мужчина посмотрел на толпу и пересек сцену за занавесом. Рацию он держал в руке. Беккер сделал шаг, и его рука коснулась пюпитра. Если его раскрыть, он будет недостаточно надежным оружием, но в пластиковом футляре из него получится отличная дубинка.

— Вы не... — начал коп.

У него был низкий голос.

— Там человек, — зашептал Беккер и, протянув конверт полицейскому, будто бы случайно разжал пальцы.

Конверт упал к ногам полицейского. Он машинально наклонился, чтобы его поднять.

Беккер ударил его.

Взмахнув пюпитром, как топориком, он попал за ухо. «С таким звуком молоток ударяет по переспелой мускусной дыне», — подумал Беккер. Полицейский упал на пол. Получилось довольно тихо, да и занавес поглотил большую часть шума. Беккер схватил копа за ворот, оттащил в угол возле двери и замер. Он ждал вызова или крика — тогда ему придет конец. Ничего.

Нельзя допустить, чтобы полицейский рассказал о том, как на него напали. Беккер постоял рядом с ним, а потом вытащил тело через дверь во двор. Там по-прежнему было пусто. И он принялся наносить удары потерявшему сознание мужчине. Он остановился только после того, как голова его жертвы превратилась в кровавое месиво.

«Остановись... нет времени. Но глаза...»

Убийца торопливо достал перочинный нож, выколол глаза, затем обыскал тело и нашел удостоверение на имя Фрэнсиса Совита. Рация. Вот черт! Она осталась внутри. Подойдя к двери, Беккер заглянул внутрь, увидел передатчик, поспешно вошел и забрал его.

Затем он вернулся на крыльцо и перешагнул через мертвое тело. Он заметил, что его руки перепачканы кровью, и вытер их о куртку полицейского, но ладони остались липкими. Он поднял их к лицу и понюхал. Знакомый запах действовал успокаивающе.

Беккер взглянул на рацию. Обычный переключатель. Он успокоил дыхание, проверил одежду и решительно поднялся по ступенькам ко входу в здание. На мгновение остановился, втянул в себя воздух, сосредоточился, распахнул дверь и зашагал вперед.

«Я один из сотрудников, — подумал он. — Да, преподаватель, который здесь работает».

Он услышал мужской голос: за углом кто-то говорил. Беккер подошел к столику охранника, где стоял телефон, и снял трубку. Он видел плечо и рукав пиджака Дэвенпорта, остававшегося на прежнем месте. Беккер склонился над столиком, поднес рацию к губам и включил ее.

— Это Фрэнк, — выпалил он. — Он здесь, за сценой, за сценой...

И опустил руку с рацией, продолжая другой прижимать трубку к уху и всем своим видом показывая, что назначает кому-то свидание. Раздался один крик, потом другой. Плечо Дэвенпорта исчезло из виду, но мимо пробежал другой мужчина, устремившийся во двор.

Беккер быстро выскользнул из-за столика и через наружную дверь вышел на улицу. Из аудитории послышался женский крик. Беккер продолжал идти вперед. Человек, возившийся с автомобилем, спешил ко входу с пистолетом в руке.

А потом ночь сомкнулась вокруг него. Беккер исчез.

Во дворе собрались полдюжины старших офицеров полиции, которые орали друг на друга. Свет горел во всех помещениях, патрульные в форме осматривали здание дюйм за дюймом, но они понимали, что поиски бесполезны.

— Безмозглый идиот! Сколько человек успело уйти? Сколько?

— Я пытался прикрыть его задницу! Проклятье, а где вы все были, парни? Где?..

Массивный полицейский толкнул своего высокого коллегу. Казалось, они сейчас подерутся, но через мгновение между ними встали другие офицеры.

— Боже мой, лучше выбираться через задние двери, чертово телевидение уже рыщет по улицам...

— Кто должен был следить за лестницей? Где он находился?..

— Заткнитесь. — Кеннет, который сидел на скамейке и разговаривал с Лили и О'Деллом, решительно вошел в кольцо полицейских, словно нож в масло. — Хватит.

Побледневший Кеннет стоял на тротуаре, двумя пальцами касаясь груди возле сердца. Он повернулся к одному из копов.

— Сколько человек успело выйти?

— Послушайте, это не входило в мои...

— Мне плевать, кто виноват! — прорычал Кеннет. — Мы все обделались. Я лишь хочу понять, сколько народу ушло.

— Я не знаю, — ответил полицейский. — Двадцать или тридцать. Когда все бросились за сцену, часть людей, стоящих в фойе возле двери, вышла на улицу. Их было некому остановить. Когда я вернулся... большинство уже ушли.

— В аудитории находилось около пятидесяти человек, — сказал Кеннет. — Вероятно, примерно половина успела покинуть здание.

— Но дело не в этом, — возразил полицейский.

— А в чем же? — спросил Кеннет.

Его голос был резким и болезненным, похожим на заусеницу.

— Дело в том, что я успел заглянуть в каждое из лиц. Беккера в аудитории не было. И даже если вы повесите меня за яйца, я буду утверждать то же самое. Потому что он сюда не входил.

— Но где-то он был, — резко бросил Картер.

— Никто не пересекал сцену. Никто не проходил через двор. Там есть еще одна дверь, но она никуда не ведет, через нее можно пройти в вестибюль...

Наступило долгое молчание, наполненное гневом и страхом. Эта ошибка приведет к тому, что покатаются головы. Пара полицейских искоса посмотрела на О'Делла и Лили, которые продолжали о чем-то беседовать. Наконец молчание нарушил Уэрта:

— Должно быть, он все это время находился здесь. Нашел укромное местечко еще до того, как мы сюда пришли. А потом понял, что не сумеет выбраться, а мы все осмотрим после окончания лекции, и убил Фрэнка, чтобы получить его рацию.

— Сам Фрэнк не мог вызвать нас, — кивнул Кеннет.

— Но голос был похож...

— Ну и что? У Беккера низкий голос. Наши люди оказались здесь через пять секунд. А Фрэнк был мертв. Для того чтобы так его обработать, потребовалось некоторое время.

— Зачем же Беккер тогда воспользовался рацией, если его уже здесь не было? — спросил Кун.

— Чтобы мы все прибежали сюда, — ответил Лукас. — Предположим, он зашел, убил Фрэнка, забрал рацию, вернулся через боковую дверь и вызвал нас, после чего прошел через вестибюль на улицу.

— Билли утверждает, что никто не выходил через дверь, — возразил Кун.

Молодой полицейский в штатском покачал головой, держа руки в карманах.

— Богом клянусь, я не понимаю, как кто-то мог покинуть здание. Лейтенант Картер приказал мне оставаться тут, и даже после вызова Фрэнка я не сдвинулся с места. Я видел, как все бежали...

— Ты стоял спиной к двери? — спросил Кеннет.

— Да, но я находился здесь, — сказал молодой полицейский.

Он почувствовал, как у него на лбу появляются козлиные рога.

Кеннет повернулся к Лукасу.

— А ты уверен, что он не прошел мимо тебя?

— Не представляю, как это могло произойти... Так же как и он. — Лукас показал на полицейского, который изучал лица. — Я сам вглядывался в каждого, кто проходил через дверь, — его там не было.

— Предположим, он уже находился внутри, — стал рассуждать Кеннет. — Мы считаем, что он сделал сообщение по рации в качестве отвлекающего маневра, чтобы выбраться наружу...

— Или где-то спрятаться, — перебил его кто-то. — Если он нашел себе убежище раньше...

— Ответ на этот вопрос мы скоро получим, — сказал Кеннет, глядя на ярко освещенные окна. Он искоса посмотрел на Лукаса, но тот отрицательно покачал головой: Беккер ускользнул. — Возможно, он выбрался через окно, а рацией воспользовался, чтобы заставить наших людей уйти с улицы.

— А что, если у него были ключи и он с самого начала находился в здании, просто дразнил нас? — спросил один из копов.

Они еще минут двадцать обсуждали различные варианты, а потом полицейские начали расходиться, получив новые задания. Некоторые предпочли убраться, чтобы их имена не связали с катастрофой. В алькове, во дворе, под ярким светом прожекторов работали эксперты, пытаясь обнаружить улики. Впрочем, все были уверены: это дело рук Беккера. Но как ему удалось сбежать?

— Что ж, с полицейской работой покончено — теперь пора заняться политикой, — сказал Кеннет Лукасу.

Они все еще оставались во дворе.

— Ты остаешься? — спросил Лукас.

— Придется, — кивнул Кеннет. — Нужно обзвонить нужных людей, чтобы выставить ситуацию в правильном свете и немного все затуманить.

— Будет не просто, ведь ты был здесь, — сказал Лукас.

— А как бы поступил ты? — спросил Кеннет.

— Я бы соврал, — ответил Лукас.

Кеннет заинтересовался.

— Как?

— Переложил бы всю вину на Фрэнка. Отопри заднюю дверь, — предложил Лукас, кивая на противоположную сторону двора. — Скажи им, что Беккер спрятался в здании днем — вероятно, сумел где-то украсть ключи. А оказавшись во дворе, воспользовался ими — у нас здесь находился только один человек, ведь мы перекрыли все выходы, — но прежде он столкнулся нос к носу с Френком. Между ними произошла схватка, и Беккер-извращенец под влиянием «пи-си-пи» убил полицейского и сбежал через заднюю дверь. Если кто-то и виноват в том, что произошло, так это Фрэнк. Но никто ничего не скажет вслух — ведь он мертв. Ты даже можешь им кое-что рассказать неофициально. Мол, наш сотрудник допустил ошибку, но мы не можем говорить об этом публично. Он был хорошим парнем, а Беккер его убил...

— Хм. — Кеннет потер губу. — А как быть с сообщением по рации?

— Кто-то уже высказал предположение, что Беккер нас дразнит. Я бы этим воспользовался. Можно заявить, что преступник в это время уже выбрался из здания. Средствам массовой информации такая история понравится, они посчитают, что она вполне в духе Беккера.

— И ты думаешь?..

— Нет, я уверен, что он нас обманул.

— Согласен. — Кеннет посмотрел вниз, а потом перевел взгляд на Лили и О'Делла. — Такая версия может быстро развалиться.

— Но если мы успеем поймать Беккера раньше, это уже не будет иметь значения.

Кеннет кивнул.

— Пожалуй, мне нужно поговорить с О'Деллом. Нам необходим неофициальный контакт с прессой.

— Ты думаешь, он поможет?

По губам Кеннета промелькнула быстрая улыбка.

— Он был здесь, вместе с нами. Теперь репортеры начнут поливать всех, начиная с самой верхушки...

Кеннет направился к Лили и О'Деллу, но потом остановился, засунул руки в карманы и сказал уже без тени улыбки:

— Отправляйся в Миннеаполис. Проклятье, найди что-нибудь для нас.

Лукас в одиночестве сидел в самом неудобном ряду в самолете. Место эконом-класса оказалось за переборкой, и вытянуть ноги можно было только в проход. Стюардесса обратила на него внимание еще до того, как они пролетели над Ниагарским водопадом.

— С вами все в порядке? — наконец спросила она, коснувшись его плеча.

Он опустил свое кресло до упора и закрыл глаза, как пациент, которому должны обработать зубной канал.

— Шасси уже на земле? — хрипло спросил он.

— Еще нет, — сказала она, скрывая улыбку. — Как насчет виски? Двойного?

— Не работает, — ответил Лукас. — Если только не положить туда девять таблеток фенобарбитала.

— Сожалею, — сказала она. Ее лицо оставалось серьезным, но она явно сдерживала улыбку. — Всего два часа...

— Замечательно...

Перед его мысленным взором появилась отчетливая картина: обрывки алюминиевой обшивки и куски двигателя разбросаны на канадском пшеничном поле, головы, руки и пальцы валяются, точно мусор, огонь пожара тонет в клубах маслянистого темного дыма; женщина в эластичных брюках бродит среди обломков и собирает деньги. Кукла Тряпичная Энни, разрезанная надвое, продолжает бессмысленно улыбаться. «Образы, навеянные кинематографом», — подумал Лукас. Он никогда не видел авиакатастрофы, но нужно быть полнейшим идиотом, чтобы не уметь их себе представить.

Он сидел и потел, сидел и потел, пока к нему не вернулась стюардесса.

— Мы уже почти на месте, — сообщила она.

— Сколько еще? — прохрипел он.

— Меньше часа...

— Господь милосердный...

Он молился, рассчитывая, что осталась одна или две минуты; он был в этом уверен.

Самолет летел над сетью оранжевых огней и голубых полос ртутного света. Фюзеляж несколько раз тряхнуло, и Лукас вцепился в подлокотники. В иллюминаторе он видел проносящиеся машины, черные дыры озер тянулись к западу от Петли Миннеаполиса. Лукас уставился в пол. Он вскочил на ноги, когда были выпущены шасси. Сделал ошибку и посмотрел в окно через соседнее пустое сиденье, увидел приближающуюся землю и снова закрыл глаза, готовясь к удару.

Посадка получилась самой обычной. Скучающий пилот произнес обычные слова прощания голосом деревенщины из Теннесси. Лукас не сомневался, что именно оттуда он и был родом, — такому не следовало доверять даже «шевроле» пятьдесят второго года выпуска, не говоря уже о самолете...

«Наверное, я пропах страхом, — думал Лукас, поспешно покидая салон с сумкой в руках. — Господи, это был мой худший полет».

Он читал, что аэропорт Ла Гуардиа переполнен людьми, что в самолете тебя может разорвать пополам в одно мгновение, прямо на земле. А ему придется снова подняться в воздух через день или два.

Он поймал такси, дал указания водителю и откинулся на спинку заднего сиденья.

Машина медленно катила вдоль реки, на север, мимо завода Форда. В окне дома Лукаса горел свет. Таймер.

— Приятно возвращаться домой? — спросил таксист, делая пометку в путевом листке.

— Вы даже не представляете себе насколько, — ответил Лукас.

Он протянул водителю десять долларов и вышел из машины.

По набережной прошла пара.

— Привет, Лукас, — сказал мужчина.

— Привет, Рик, привет, Стефани!

Соседи — он разглядел ее светлые волосы и его очки в металлической оправе.

— Ты оставил разбрызгиватель на заднем дворе. Мы его выключили и убрали шланг за гараж.

— Спасибо.

Лукас поднял лежащую за дверью почту, собрал рекламные объявления и каталоги, выбросил в мусорную корзину, принял душ, чтобы избавиться от запаха страха, пропитавшего тело, и рухнул на постель. Через тридцать секунд он уже спал глубоким сном.

— Лукас?

Квентин Даниэль выглянул из своего кабинета.

Под глазами у него появились темные круги, он заметно похудел. Даниэль был начальником полиции Миннеаполиса в течение двух сроков, но его мучило совсем другое. Из-за него умерли невинные люди, он был преступником, но об этом никто не знал, за исключением самого шефа полиции и Лукаса. Лукас решил для себя эту проблему и простил Даниэля. Впрочем, сам Даниэль так и не сумел забыть о том, что произошло.

— Заходи, — продолжал шеф. — Что случилось с твоим лицом?

— На меня напали, ну, или вроде того... Мне нужна помощь, — коротко ответил Лукас, усаживаясь на стул для посетителей. — Ты знаешь, что я работаю в Нью-Йорке.

— Да, они мне звонили. Я сказал им, что ты мистер Замечательный.

— Мне нужно отыскать сокамерников Беккера или людей, которые разговаривали с ним, пока он находился здесь.

— Похоже, ты хватаешься за соломинки, — заметил Даниэль, играя с коробкой для сигар, стоящей на столе.

— Именно поэтому я сюда вернулся, — ответил Лукас. — Мерзавец хорошо спрятался, и мы никак не можем до него добраться.

— Хорошо, — сказал начальник полиции, поднял телефонную трубку и быстро набрал номер. — Слоун на месте? Пришлите его, пожалуйста, ко мне в кабинет. Спасибо.

Прошло несколько минут неловкого молчания, а потом Лукас сказал:

— Ты выглядишь паршиво.

— Я себя паршиво чувствую.

Даниэль развернул коробку для сигар так, чтобы ее сторона оказалась параллельна краю стола.

— Твоя жена?..

— Мы расстались. Сначала я подумал, что мне станет легче, но я ошибся. Каждое утро я вставал, видел ее и мечтал, чтобы она ушла, а теперь я смотрю на постель, а перед глазами — пустота.

— Хочешь, чтобы она вернулась?

— Нет. Но то, что мне нужно, получить невозможно. Я скажу тебе одну вещь, между нами: я уйду отсюда. Через два месяца я достигну пенсионного возраста. Может быть, уеду на север, куплю дом у озера. Деньги у меня есть.

Раздался стук, дверь приоткрылась и секретарша сказала:

— Слоун...

Лукас встал.

— Искренне желаю тебе удачи.

— Спасибо, но я проклят, — ответил Даниэль.

Слоун ждал у столика секретарши. Он был одет в легкую спортивную куртку поверх теннисной футболки, летние брюки из твила и кроссовки. Он увидел Лукаса и широко улыбнулся.

— Ты вернулся? — спросил он, протягивая руку.

Лукас рассмеялся.

— Всего на один день. Я должен найти нескольких негодяев, но мне не обойтись без человека со значком.

— Ты работаешь в «Большом яблоке»... [\[33\]](#)

— Да. Я все тебе расскажу, но прежде нам нужно побеседовать с шерифом.

Помощник шерифа назвал три имени. Он посмотрел записи, поговорил с охранниками. Все дали согласие.

Беккер сидел рядом с Клайдом Пейтоном, которого перевели в Стиллуотер, где ему предстояло отсидеть двадцать четыре месяца за ограбление аптеки — третий арест. Наркоман.

— Этот недоумок выйдет на свободу и станет убийцей, — сказал помощник шерифа. — Он относился к Беккеру как к рок-идолу. Достаточно посмотреть на Пейтона, чтобы понять, что он думает: «Беккер сейчас далеко, убивает людей».

Томми Крей, угонщик машин, сидел в камере напротив Беккера. Его выпустили под залог. Адвокат изо всех сил затягивал процесс.

— Я слышал, что владелец машины намерен перебраться в Калифорнию. Адвокат Томми рассчитывает на оправдание, — продолжал помощник шерифа.

Камера Баррела Томаса находилась через проход. Его арестовали за нападение, он заплатил штраф и вышел на свободу.

— Томми я знаю, но про двух остальных слышу впервые, — сказал Лукас.

Он растерял прежние контакты.

— Пейтон из Сент-Пола, живет на Райс-стрит. Наркоман, но когда немного приходит в себя, продает недвижимость, — пояснил Слоун. — А Томаса и я не знаю.

— У Баррела не все в порядке с головой, — сообщил помощник шерифа. — Его называют Район. Вы все знаете картежницу Бекки Энн, с огромными буферами, она часто бывает на озере?

— Конечно, — кивнул Лукас.

— Она гуляла со своим долговязым черным дружкой...

— Мэнни, — вставил Слоун.

— Манфредом Джонсоном, — добавил Лукас.

— Да, речь о нем. Так вот, он дружит с Баррелом еще со старших классов или даже с тех пор, как они были детьми...

— Как тебе Нью-Йорк? — спросил Слоун.

Они ехали в машине Слоуна по южному району Миннеаполиса.

— Жарко, как в Алабаме.

— Ммм. Я никогда там не был. В смысле, в Нью-Йорке. Кажется, там влажно.

— Там все иначе, — сказал Лукас, глядя на проносящиеся мимо старенькие домики.

Дети катались на велосипедах под летним небом. Слоун позвонил адвокату Крея, работавшему в соседнем здании, нижнюю часть которого занимал магазин. Адвокат обещал привести Крея через полчаса.

— Насколько иначе? Как Форт-Апач?

— Нет, — ответил Лукас. — Главное в том, что там невероятное количество задниц. И нельзя угадать, откуда польется дерьмо. Получить преимущество невозможно. Здесь, если кто-то угонит паршивый грузовичок и украдет пятьдесят «Сони», мы будем знать, куда они направляются. А там... Проклятье, ты можешь составить список подозреваемых длиннее, чем твой член, и в нем будут только те парни, которые тебе лично известны. А еще наберется в сто раз больше типов, о которых ты ничего не слышал. Иными словами, список длиннее, чем мой член.

— В таком случае мы говорим о длинных списках, — заметил Слоун.

— Это странно, — продолжал Лукас. — Словно ты находишься в Ай-Ди-Эс-центре,^[34] смотришь из окна и не можешь увидеть землю. Ты теряешь ориентировку, и у тебя возникает ощущение, будто ты падаешь.

— А как дела с Беккером? — с интересом спросил Слоун. — Он самая настоящая звезда, а мы ведь были с ним знакомы.

Томми Крей сидел на деревянном стуле в кабинете своего адвоката. Он был одет в желто-коричневый шерстяной костюм, его сильно напомаженные волосы были того же цвета. Юрист пожал полицейским руки; ладонь у него оказалась потной, и Лукас скрыл улыбку, заметив, как Слоун украдкой вытер ладонь о брючину.

— Что для вас может сделать Томми? — спросил адвокат, сложив руки на столе.

Он старался выглядеть умным и деловитым. На лице Крея застыло выражение скуки и скепсиса, он ковырял в зубах.

— Он может рассказать нам о своих разговорах с Беккером в тюрьме, — ответил Лукас.

— Есть ли шансы закрыть дело об угоне машины?..

— Вам придется решать эту проблему самостоятельно, — ответил Лукас, переводя взгляд с адвоката на Крея и обратно. — Может быть, Слоун скажет судье, что вы помогли раскрыть серьезное дело, но никаких гарантий я вам дать не могу.

Адвокат посмотрел на Крея и поднял брови.

— Что ты об этом думаешь?

— Плевать, мне все равно, — ответил Крей, бросил зубочистку в мусорную корзину, попал в край, и она отскочила на пол.

Хозяин кабинета неодобрительно посмотрел на нее.

— Мы говорили о чем попало, — продолжал Крей. — И вот что я вам скажу: с тех пор, как он убрался в Нью-Йорк, я чуть мозги себе не сломал, пытаюсь вспомнить, не дал ли он мне каких-то подсказок. И ничего не обнаружил. Мы просто болтали.

— Ничего о его друзьях в Нью-Йорке, о маскировке?..

— Не-е-е, ничего. Если бы я знал, то сам бы постарался заключить сделку. Я знаю, что его приятель, который совершил другие убийства, был актером. Возможно, он пользуется театральным гримом...

— А как он себя здесь вел? Бесился, лез на стенки?

— Он все время плакал. Не мог жить без своей дряни. Ему было больно. Сначала, когда Беккер только сюда попал, я думал, что он прикидывается. Но я ошибся. Иногда он плакал часами. Он совершенно спятил.

— А что ты скажешь о Клайде Пейтоне? Его взяли за наркотики, и он часто разговаривал с Беккером.

— Он появился за день до того, как я вышел под залог. Даже не знаю, мне кажется, он был такой же больной, как Беккер. Вроде нормальный, но все равно псих, знаете, такое бывает. Страшноватый тип. Он был бизнесменом, но потом подсел на наркотики. И очень скоро стал вламываться в аптеки, чтобы достать нужные лекарства. Пока я был в тюрьме, он без конца всех поливал грязью, но иногда становился похож на камень. Понимал, что его переведут в Стиллуотер.

— Так и вышло, — заметил Слоун.

— Тупой придурок, — бросил Крей.

— А что ты нам расскажешь о Барреле Томасе?

— А вот тут что-то может быть, — оживился Крей. — Беккер и Баррел много разговаривали. Рэйон — хитрый ниггер.

Они приехали по адресу Баррела и обнаружили пустой дом со снятыми дверями. На полу валялись кучи пластиковых мешков. По битому стеклу они прошли к лестнице, поднялись наверх и в одной из комнат нашли сожженный матрас. В другой комнате царила пустота. Ванную комнату использовали в качестве туалета. Когда Слоун открыл туда дверь, он отшатнулся назад, так много там было мух.

— Нам нужно найти Мэнни Джонсона, — сказал Слоун.

— Джонсон работал в «Дос ауто гласс», — припомнил Дэвенпорт. — Он неплохой парень. Не думаю, что у него были судимости, но его девушка...

— Да. — Подруга Мэнни называла себя Рок Хадсон. — Она в прошлом месяце выиграла двадцать пять тысяч долларов в букмекерской конторе Лойна. Многие об этом знают.

— Классная штучка, — согласился Лукас.

Они нашли Рок в «Ауто гласс». Женщина сидела на пластиковом стуле рядом с коробкой с лотерейными билетами мгновенного розыгрыша, стирала складным ножом серебристую пленку и швыряла билетки без выигрыша на пол.

— Копы, — проворчала она, бросив на них короткий взгляд.

— Как дела? — спросил Дэвенпорт. — Есть хорошие новости?

— Чего надо?

— Нам нужно поговорить с Мэнни, — сказал Лукас.

Рок начала вставать, но Лукас поднял руку, останавливая ее.

— Продолжай. Мы сами его найдем.

Слоун шагнул к двери, ведущей во внутренние помещения.

— Мэнни здесь.

Они вошли в дверь вместе. Джонсон увидел их, взял чистую тряпицу и вытер руки. Ростом он был никак не меньше семи футов.

— Мэнни, нам нужно поговорить о Барреле Томасе.

— Что он сделал?

У Джонсона был низкий и раздраженный голос — так гудят бочки с маслом, когда их скатывают с грузовика.

— Ничего, насколько нам известно. Но он сидел в соседней камере с психом, Майклом Беккером.

— Ну да, Рэйон мне рассказывал, — сказал Мэнни.

— Ты знаешь, как его отыскать?

— Нет, я не знаю, где он живет, но сегодня вечером могу найти, если немного поброжу по окрестностям. Обычно он приходит в Хэннепин после девяти.

— Беккер режет людей, — сказал Слоун. — В буквальном смысле. Я не знаю, есть ли у Баррела проблемы с полицией, но если он сумеет хоть как-то нам помочь...

— Что тогда?

Слоун пожал плечами, взял тубик с «DW-40»,^[35] повертел в руках и снова пожал плечами.

— Возможно, мы сумеем немного облегчить ему жизнь, если у него возникнут проблемы с полицией в будущем. Или если твоя подруга...

Джонсон с минуту смотрел на них, потом сказал:

— У вас есть телефон, по которому я могу позвонить?

— Да, — ответил Слоун и вытащил из кармана визитку. — Держи.

— И лучше сегодня, — вмешался Дэвенпорт. — Этот тип Беккер...

— Да, я знаю, — кивнул Джонсон, положив визитку в карман. — Я в любом случае позвоню.

Поездка в Стиллуотер заняла еще час; на разговор ушло не больше десяти минут. Пейтон выглядел как нападающий, когда-то игравший в американский футбол за колледж, но с тех пор сильно прибавивший в весе. Разговор его совершенно не интересовал.

— Что проклятые копы для меня сделали? Я больной человек, а мне приходится сидеть в камере. Разбирайтесь сами.

Когда они уходили, Пейтон смотрел в пол и бормотал ругательства.

— Как мы можем на него надавить? Пообещаем посадить в тюрьму? — спросил Слоун по пути к машине.

Лукас обернулся и посмотрел на здание. «Изнутри и снаружи оно напоминает старую католическую школу для старшеклассников, — подумал он. — Пока не услышишь, как открываются и закрываются стальные двери. И тогда ты понимаешь, что такие звуки могут быть только в тюрьме».

Джонсон позвонил Слоуну вскоре после шести часов. Баррел будет говорить, он готов встретиться с Дэвенпортом в баре «Пенн», на Хэннепин. Джонсон придет туда, чтобы их познакомить.

— Хм, мне нужно кое-что сделать дома, — сказал Слоун.

— Никаких проблем, — ответил Лукас. — И спасибо тебе.

Они пожали друг другу руки, и Слоун посоветовал:

— Только не связывайся с деревянными женщинами.

В баре «Пенн» был просевший дощатый пол. Усатый худощавый бармен за стойкой

разливал выпивку, мыл стаканы, принимал плату и присматривал за входной дверью. Одинокaя чернокожaя проституткa устроилась возле стойки и читала комиксы, не обращая внимания на свой полупустой бокал с бледно-зеленым дайкири. Проституткa заглянула Лукасу в глаза — ей не понравилось то, что она там увидела, — и вновь принялась за чтение.

В дальней части бара вокруг бильярдного стола (для игры требовалось бросать в автомат монетки) стояло четверо мужчин и две женщины. Над ними, словно призраки осенних листьев, клубились тучи сигаретного дыма. Лукас прошел мимо бильярдного стола и сломанного телефона, висящего в алькове рядом с автоматом для продажи сигарет, заглянул в мужской туалет и вернулся к компании игроков. Мужчины были в джинсах и жилетках, большие бумажники болтались на цепочках у пояса. Все искоса поглядывали на Лукаса.

Джонсона здесь не было. Как и человека, который мог бы сойти за Баррела.

— Что я могу для вас сделать? — спросил бармен, вытирая руки испачканным горчицей полотенцем.

— Бутылку «Лейнис», — сказал Лукас.

Бармен вытащил пиво и поставил на мокрую стойку.

— Два доллара. — Затем кивком показал в конец зала. — Ищете кого-нибудь?

— Да.

Лукас расплатился и сел на табурет.

Зеркало за стойкой бара заканчивалось, не доходя до края стены, и Лукас стал смотреть на панель из фальшивого ореха. Он потягивал пиво и размышлял о плане дальнейших действий.

Если он не найдет Баррела быстро, ему придется задержаться здесь еще на день. Тогда он опоздает на самолет, улетающий в Атланту, и не сможет попасть в Чарльстон утром, а значит, покинет город еще через день. В таком случае ему придется как-то объяснять свою задержку в Нью-Йорке.

Проституткa постучала по стойке костяшками пальцев, кивнула на свой дайкири и получила новый бокал. Она была в длинном светло-зеленом вечернем платье, почти такого же цвета, что ее коктейль. Женщиha вновь перехватила взгляд Лукаса, но на этот раз не стала отводить глаза сразу. Лукас не помнил ее. Когда он служил в полиции, то знал почти всех проституток, постоянно работающих в барах, но с тех пор прошло несколько месяцев. Неделя — очень большой срок на улицах. Целый новый класс тринадцатилетних девочек начал заниматься оральным сексом с пригородными страховыми агентами, которых во время слушаний в судах будут называть хорошими отцами...

Лукас успел выпить половину бутылки пива, когда появился задыхающийся Джонсон. Наверное, он бежал всю дорогу к бару.

— Господи, Дэвенпорт, — пробормотал он, — я опоздал на автобус.

Джонсон взглянул на проститутку, сидящую у стойки, когда Лукас повернулся к нему.

— И где же он? — спросил Лукас.

Лицо Джонсона просветлело.

— То есть? Он уже здесь.

Лукас посмотрел мимо проститутки в сторону компании у бильярдного стола — все они были белыми.

— Где?

Джонсон засмеялся, топнул ногой и хлопнул себя по бедру.

— Ты сидишь рядом с ним.

Проститутка посмотрела на Лукаса и голосом, который был ниже на октаву, чем он ожидал, сказала:

— Эй, привет.

Лукас секунду смотрел на нее, заново оценивая черты лица, а потом закрыл глаза. Трансвестит. Еще через полсекунды все встало на свои места. Чертов Беккер! Именно так он сблизился с женщинами и мужчинами-туристами. В обличье женщины. Ночью, с соответствующим макияжем, с его маленьким узкоплечим телом. Так он выбрался из Новой школы...

Проклятье!

— Ты рассказывал Беккеру, как... это делается? — спросил Лукас, показывая на платье. — Одежда, макияж?

— Мы говорили об этом, — ответил Томас. — Но он был чокнутым уродом, и мне не нравилось с ним беседовать.

— Но когда речь заходила об этом, он выказывал интерес или вы просто болтали?

Томас склонил голову набок и посмотрел в потолок, стараясь вспомнить.

— Ну... он пытался кое-что узнать. Пару вещей. — Томас соскочил со стула у стойки бара и отошел от Лукаса и Джонсона, покачивая бедрами. Потом остановился и повернулся к ним. — Не так просто освоить правильную походку. Если ты собьешься, то испортишь впечатление.

— Вы голубые? — спросил бармен, наблюдавший за этой сценой.

— Я полицейский, — ответил Лукас. — Идет официальное расследование.

— Забудьте, что я говорил...

— Я не забуду, милый, — пропел Томас, облизывая нижнюю губу.

— Ты, паршивый...

— Заткнись, — резко сказал Лукас, направив указательный палец на бармена. Он снова повернулся к Рэйону. — Но он пытался? Пробовал такую походку?

— Несколько раз. Знаете, если подумать, то мы действительно говорили с ним о таких вещах. Не столько о кайфе, сколько о том, как добиться нужного эффекта. Ну, вы понимаете: как купить накладную грудь и тому подобное. Из него получилась бы симпатичная девушка, если бы не шрамы.

— Ты так думаешь? — спросил Лукас. — Это твое профессиональное мнение?

— Только не надо издеваться! — вспыхнул Томас.

— Вовсе нет. Я задал серьезный вопрос. Из него получилась бы женщина?

Рэйон пристально посмотрел на него и понял, что Лукас говорит серьезно.

— Да, пожалуй. У него есть талант. Но шрамы будут мешать.

Лукас соскочил с высокого стула и сказал Джонсону:

— Мы тебе должны. Если что-нибудь потребуется, обращай к Слоуну.

— И все? — спросил Томас.

— Да, — кивнул Лукас.

Лукас позвонил Фелл из автомата в баре. Когда она взяла трубку, он услышал шум телевизора. Показывали бейсбольный матч.

— Ты можешь связаться с Кеннетом прямо сейчас?

— Конечно.

— Скажи ему, что мы поняли, как Беккер это проделывает, — сказал Лукас. — Как ему удастся не привлекать к себе внимание на улицах. И как он выбрался из здания Новой школы.

— Мы поняли?

— Да. Я только что говорил с одним из его соседей по камере в окружной тюрьме Хэннепина, с парнем по имени Рэйн Томас. Симпатяга. Хороший макияж. Превосходные ноги. Он был в вечернем платье цвета дайкири. Томас давал уроки Беккеру...

— Сукин сын превратился в женщину. Какие мы идиоты! — воскликнула Фелл после короткой паузы.

— Позвони Кеннету.

— Ты еще ни с кем не говорил? — спросила она.

— Я подумал, что тебе будет приятно сообщить эту новость.

— Спасибо, Лукас, — поблагодарила Фелл. — Спасибо тебе.

Беккер стоял в душе и мог сосчитать каждую капельку воды, падавшую на его тело. Такой результат дали две крошечные таблетки экстази. Они одарили его силой воображения и способностью счета, и теперь он мог умножать невероятные ощущения при помощи неопишуемых эмоций и получать цифры...

Он повернулся, позволяя потокам воды обжигать другие участки его тела. Теперь он больше не нуждался в холодной воде, кабинка наполнилась паром и теплом, тело покраснело, старая кожа начала слезать. И когда Беккер, закрыв глаза, поворачивался — его голова была закинута назад, ладони прижаты к подбородку, локти сведены на животе, — он мог сосчитать все капли, падающие на кожу...

Он оставался в душе до тех пор, пока горячая вода не закончилась. Только после этого дрожащий, посиневший Беккер выскочил наружу. Сколько сейчас времени? Он подошел к зарешеченному окну, которое закрыл черным пластиковым мешком для мусора, и сдвинул в сторону уголок. Темнота. Полночь. Это хорошо. Ему нужна ночь.

Беккер направился к кровати и почувствовал, что наступает босыми ногами на что-то липкое. Он посмотрел вниз. Нужно вымыть пол. Засохшая кровь напомнила ему о порезе. Он взглянул на рану и провел по ней указательным и большим пальцами, ощутил боль, но жуки исчезли.

В висящем на стене зеркале он увидел отражение своего изуродованного лица. Беккер вернулся в ванную комнату и умылся, с гримасами поглядывая на шрамы. Длинные неровные рубцы выступали над мягкой кожей. Раны, нанесенные дулом пистолета, были зашиты мясником, а не квалифицированным пластическим хирургом.

Он подумал о Дэвенпорте, о его зубах, торчащих верхних клыках, яростных глазах, взлетающем пистолете, занесенном для нового удара...

Беккер вздохнул и вернулся в реальность, изрядно потрясенный, продолжая смотреть на себя в зеркало, и принялся механически наносить грим. Впрочем, он делал эту работу тщательно. «Кавер марк», чтобы скрыть шрамы, а затем обычный макияж, «Макс фактор нюу дефинишн». «Кавергерл» — лак для ногтей. Легкий лак для волос, который позволял опустить вниз его светлые волосы, чтобы скрыть мужественные очертания челюстей.

В последнюю очередь он взялся за помаду. Цвет — степная роза. Совсем чуть-чуть. Он не хотел, чтобы его приняли за шлюху... Беккер изобразил несколько поцелуев перед зеркалом, разгладил помаду языком, промокнул туалетной бумагой. Вот теперь порядок.

Он удовлетворенно кивнул, подошел к комоду, достал нижнее белье и накладную грудь и уселся на кровать. Вчера он побрился, и они уже начали немного колотиться. Беккер был блондином с тонкими волосами — даже если бы он не брился, ноги не представляли проблемы. Но он делал это, чтобы проникнуться чувством. Рэйон говорил, что это важно, и Беккер понимал — во всяком случае, тогда. Нужно вжиться в роль, войти в образ. Его отбросило в прошлое. Женщина торопливо шагает у него за спиной, она боится темноты на парковке. Войти в образ...

Колготки плавно скользили по ноге; он научился их правильно надевать, постепенно подтягивая вверх. Покончив с колготками, он встал и посмотрел на себя в большое зеркало.

«Я стал похож на фехтовальщика, — подумал он, — с обнаженной грудью и в трико».

Беккер принял изящную позу, повернулся боком. Немного выпирает спереди. Он

поправил пенис, постаравшись опустить его ниже, после чего подтянул колготки. Снова оглядел себя. Теперь все нормально.

Пришел черед бюстгальтера. Беккеру он не нравился — холодный и неудобный, к тому же лямки врезались в плечи. Впрочем, лифчик придавал ему правильный вид и нужные ощущения. Он застегнул его на спине и снова посмотрелся в зеркало. Мягкие светлые волосы свободно спадали на плечи — париками он больше не пользовался. Беккер превратился в женщину. Во всяком случае, Уайтчерча он сумел убедить. И вновь бросок в прошлое: он смотрит в лицо дилера, на котором появляется понимание, когда Беккер поднимает пистолет...

Он выбрал светло-синюю блузку с высоким воротником и плечиками, плиссированную юбку, доходящую до середины икры, и темные спортивные туфли на толстой подошве. Фальшивая грудь и узкие плечи делали его фигуру женской, но руки и ноги могли выдать.

Они были слишком большими и широкими, да и обувь он носил мужского десятого размера. Но когда Беккер надевал темные спортивные женские туфли, размер уже не привлекал внимания. Нормально для высокой женщины. К тому же считалось, что блондинки должны быть выше среднего роста. А вот спрятать руки намного сложнее...

Закончив одеваться, он посмотрел в зеркало. Отлично. Превосходно. Большая сумка, которую он повесит на плечо, позволит ему взять с собой модные туфли, а ходить по пандусу парковки он будет в спортивной обуви, как настоящий яппи. Беккер добавил к своему наряду ожерелье из искусственного жемчуга, взял флакончик «Пуазон» от Диора и нанес несколько капель на шею и на внутренние стороны запястья. Духи обладали слишком сильным цветочным запахом, и он сознательно использовал их с избытком. Район говорил ему, что парфюмерия составляет важную часть женского начала. На близком расстоянии один лишь аромат может подействовать на подсознание.

Вот так, готово. Он коснулся ямочки на горле, вспомнив, как это делала его жена, — так она поступала, когда считала процесс законченным. Он вновь подошел к зеркалу, чтобы оценить весь ансамбль, и невольно рассмеялся от удовольствия.

Красавица вернулась.

Красавица осторожно ступала между сорняками по направлению к гаражу с односкатной крышей, стараясь не зацепить колготки. Беккер оставил фары автомобиля включенными, подкатил к воротам, оглядел улицу, открыл замок, выехал наружу и вышел, чтобы запереть за собой ворота. Потом он немного посидел в машине, стараясь сосредоточиться.

Беккер не мог выбросить из головы парковку в Беллвью. Беллвью. Он протянул руку к сумочке, нашел мешочек и вытряхнул таблетку «пи-си-пи». Забросил в рот сначала одну, а потом вторую. Сложив мешочек, убрал его в сумочку, а потом свернул налево. Осторожно. Беллвью? Руки, лежащие на руле, сами повезли его туда. Он катил по тускло освещенным улицам, не слишком быстро, внимательно поглядывая по сторонам. Женщина? Да. Они меньше и с ними легче справиться. Он вспомнил, как пришлось мучиться с Кортесом, когда он укладывал его на заднее сиденье машины.

«Кроме того, женщины, — подумал он с неожиданной ясностью и легким любопытством, — держатся дольше...»

Охранник кивнул ему. Он узнал красивую блондинку в старом «фольксвагене». Она бывала здесь прежде...

Беккер отвел машину на самый верхний этаж, оставшийся почти пустым. Красный «вольво» стоял в углу — у Беккера сложилось впечатление, что автомобиль здесь уже пару дней. Две другие машины находились далеко друг от друга. На парковке было тихо. Беккер взял с пассажирского сиденья сумку, в которой лежали флакон с анестезирующим средством и электрошокер.

Его вновь отбросило назад: Кортес, самый первый. Беккер применил электрошокер, а потом навалился на него, как... Сначала ему ничего не пришло в голову, но потом он понял: как кабан. Тяжелый хряк со Среднего Запада, злобная тварь. Беккер загнал жертву в переулок за площадью, а затем воспользовался маской. Могущество...

Где-то хлопнула дверца автомобиля — пустой гулкой звук. Заработал двигатель. Беккер зашагал к лифту; нажал кнопку спуска и стал ждать. На стене висел плакат:

«ЗАБЕРИТЕ ЦЕННЫЕ ВЕЩИ! Несмотря на то что стоянка охраняется, даже в запертой машины легко проникнуть. Заберите все ценности».

Он почувствовал, что «пи-си-пи» начал действовать, контролировать его, укрепляя, одаривая мозг необходимой изворотливостью. Беккер огляделся. Камер видеонаблюдения нет. Он медленно зашагал вниз по лестнице, миновал кассира, свернул за угол и двинулся к главному входу в больницу. Между парковкой и небольшим больничным садом находился пандус. Беккер спустился по нему, затем свернул налево, нашел скамейку под фонарем и сел.

Снаружи жила своей жизнью теплая влажная ночь, в ноздри ударял запах грязного дождя и освежающей жвачки. Беккер увидел удаляющуюся от него пару. Мужчина был в соломенной шляпе, которая издавала напоминала ангельский нимб — бело-золотой овал, окружающий голову.

Потом главная дверь больницы распахнулась, и на улицу вышла женщина. Она направилась к пандусу, на ходу пытаясь вытащить из сумочки ключи. Беккер встал и зашагал за ней. Она остановилась, продолжая искать ключи. Беккер приблизился и понял, что дама слишком крупная. «Сто восемьдесят или двести фунтов, — подумал он. — Ее будет трудно перемещать».

Он остановился, повернулся и поднял ногу, чтобы посмотреть на подметку левой туфли. «Наблюдай за женщинами, — советовал ему Район. — Запоминай, что они делают». Беккер видел, как женщины останавливались, чтобы проверить подошву, и на лицах у них появлялся гнев или отвращение — тут все зависело от того, сломали они каблук или наступили на какую-то гадость, а потом они оборачивались...

Он выпрямился, словно собирался отойти в сторону и вытереть туфлю, и направился обратно в парк, удаляясь от высокой женщины. Он может сделать вид, что ждет кого-то или что он охвачен горем. Вокруг полно полицейских, но они не станут его беспокоить...

Дипломированная медсестра Шелли Карсон твердой рукой управляла операционной, и никто не смел с ней спорить.

Она подходила по всем параметрам.

«На один зуб», — подумал Беккер, как только увидел ее.

При росте пять футов и два дюйма ее вес в одежде едва ли достигал ста фунтов. Она знала, что может привлечь насильника, и старалась вести себя осторожно, когда отправлялась на парковку. Сегодня она шла вместе с Микаэлой Клемсон, высокой поджарой блондинкой, которая всю жизнь играла в теннис. Микаэла работала медсестрой и хирургическим техником. Обе очень устали после долгого дня и даже не сняли форму.

— Так ты слышала, что он сказал? «Возьми это и положи туда, куда я тебя попросил в первый раз», словно я ребенок. Я намерена подать жалобу... — говорила Клемсон.

Шелли Карсон «на один зуб» поддержала ее:

— Медсестры ничуть не хуже, чем врачи, просто это другая профессия. И они не должны терпеть подобное. Я бы обязательно...

— На сей раз я это так не оставлю, — заявила блондинка, собрав волю в кулак. — Каков подлец! Он плохой хирург, и ему стоило бы проводить больше времени в операционной и меньше напирать на свою должность...

Беккер следовал за ними. Они заметили его периферическим зрением, но ни одна не стала оглядываться. Медсестры продолжали подниматься по пандусу, а потом по лестнице.

— Я бы на твоём месте определенно не стала это терпеть, — заявила невысокая.

Ее темные волосы были коротко подстрижены, словно шлем, лишь над ушами остались эльфийские заостренные кончики.

— Завтра в три часа дня я намерена пойти в...

Блондинка посмотрела на Беккера, а потом повернулась к подруге.

Он поднимался по лестнице вслед за ними, держа одну руку на электрошокере.

Когда они оказались на середине пролета, Клемсон сказала:

— Завтра я это сделаю.

— Обязательно, — сказала женщина-эльф. — До встречи.

Блондинка прошла вперед по пандусу и осмотрелась.

— Никого нет.

Затем она зашагала к своей «тойоте». Беккер и темноволосая женщина продолжали подниматься, каблуки Беккера дробно стучали по ступеням лестницы.

— У нас договор, — сказала эльфийка, взглянув на Беккера. — Когда нас никто не встречает, мы приглядываем друг за другом.

— Хорошая идея, — пропищал Беккер.

Имитировать женский голос было труднее всего. Рэйон его предупреждал. Беккер приложил ладонь к губам и сделал вид, что кашляет, словно он немного охрип и дело вовсе не в тестостероне сорокалетнего мужчины.

— На этой парковке небезопасно, — заметила женщина. — Рано или поздно здесь обязательно на кого-нибудь нападут.

Беккер кивнул и засунул руку в сумочку. Эльфийка с недоумением посмотрела на него, интуиция подсказывала ей: что-то здесь не так. Но что? Она отвернулась. Ей не хотелось неприятностей. Беккер последовал за ней на верхний этаж. Было слышно, как внизу заработал двигатель «тойоты». Он вытащил шокер и приготовил флакон. Услышал шипение, почувствовал, что бежит...

Шелли увидела движение за спиной. За мгновение до того, как он оказался рядом, она поняла, что сейчас произойдет, и начала поворачиваться, в ее глазах застыл ужас.

Но Беккер уже настиг свою жертву. Одной рукой он закрыл ей рот, а другой прижал шокер к шее. Она начала падать, он подхватил ее, продолжая прижимать шокер...

Женщина взмахнула руками, как пойманная в сеть птица. Беккер бросил шокер, нащупал флакон и через мгновение прижал маску к лицу жертвы. Теперь она уже никуда не денется. Волосы Беккера взметнулись вверх, в широко раскрытых глазах загорелся огонь. Беккер оскалился, как шакал, поймавший кролика, грудь тяжело вздымалась, зубы блестели от избытка слюны.

Он услышал, как «тойота» съезжает с пандуса, а сопротивление женщины «на один зуб» постепенно стихало и вскоре совсем прекратилось. Он встал и прислушался. Тишина. Потом откуда-то издали донесся чей-то голос. Маленькая женщина лежала у его ног. Какое сладостное могущество...

Беккер работал всю ночь. Готовил материал — вставил кляп, обездвигил. Срезал веки. Он подержал их в ладони, переполненный восхищением. Они были такими... интересными. Хрупкими. Он положил веки на металлический поднос, где у него хранилась вся коллекция. Они уже начали подсыхать, но сохраняли форму, ресницы все еще блестели...

Шелли Карсон умерла около семи часов, беззвучно, как и все остальные, — кляп был надежным. Глаза остались навсегда открытыми. Беккер сидел рядом с ней на корточках, с камерой в руках, и щелкал вспышкой прямо в лицо, когда она умирала.

Теперь он устроился на стуле из нержавеющей стали и стал рассматривать доказательства своей страсти, восемь ультрафиолетовых фотографий, на которых он определенно мог кое-что разглядеть — сияние, исходившее от Карсон в момент смерти.

«Тут не может быть никаких сомнений, — думал он. — Ни малейших».

Дзинь!

Послышался звонок внутренней связи. Он помешал его ликованию. Старая крыса! Миссис Лейси вставала рано, но обычно сидела возле телевизора до полудня и смотрела утренние шоу.

Дзинь!

— Да? — сказал он в переговорное устройство.

— Иди скорее сюда! — взвизгнула она. — Ты должна это увидеть, тебя показывают по телевизору.

Что? Беккер посмотрел на интерком, быстро подошел к кровати, накинул халат и надел пушистые тапочки. Старуха плохо видела и слышала, она ни о чем не догадается... к тому же он не стирал грим. По телевизору? Проходя мимо туалетного столика, Беккер взял две таблетки с подноса и проглотил их, чтобы в голове прояснилось. Что она имела в виду?

На первом этаже было сумрачно. Здесь пахло затхлостью, слабый оранжевый утренний свет с трудом пробивался сквозь похожие на пергамент шторы. На втором этаже было еще хуже, шторы пропитались вонью марихуаны, разлагающихся кошачьих фекалий, тухлых овощей и плесени. И здесь царила почти полная темнота — лишь сиял экран телевизора.

Миссис Лейси стояла и смотрела в телевизор, держа в руке пульт дистанционного управления. На экране был Беккер. Одна из тех фотографий, что преследовали его и не давали спокойно выходить на улицу. Но на этом снимке он был женщиной со светлыми волосами. Портрет получился отличным.

— ...благодаря детективу Барбаре Фелл и бывшему лейтенанту из Миннеаполиса Лукасу Дэвенпорту, который приглашен в Нью-Йорк в качестве консультанта...

Дэвенпорт. У Беккера вдруг закружилась голова, и на него накатила волна тошноты. Дэвенпорт уже рядом; Дэвенпорт его убьет.

— Но... — сказала миссис Лейси, переводя взгляд с экрана на Беккера.

Беккер заставил себя успокоиться и кивнул.

— Да, это я, они говорят правду, — сказал он со вздохом.

Беккер не рассчитывал, что старуха протянет так долго. Он неторопливо шагнул к ней.

Миссис Лейси повернулась и попыталась бежать, борясь с возрастом и слабостью. Она

тихонько повизгивала от ужаса. Беккер захихикал, и кошки с шипением прыгнули в стороны, чтобы забраться на самые высокие полки. Он догнал старую женщину на пороге гостиной, прижал левую руку к ее затылку, а ладонь правой положил на подбородок.

— Но... — снова начала она.

Резкий щелчок. Ее спина была подобна сгнившей деревянной палке; она треснула, и миссис Лейси стала оседать на пол. Беккер смотрел на нее сверху вниз, таблетки уже начали действовать.

— Да, это я.

Большинство посетителей проходили прямо в офис заместителя начальника. Когда в кабинет Лили постучали, она оторвалась от «Уолл-стрит джорнал» и нахмурилась. На дверях не было таблички с ее именем.

Вновь раздался негромкий стук, и Лили сняла очки для чтения в форме полумесяца — до сих пор никто не видел ее в очках.

— Да?

Дверь приоткрылась, и появилась голова Кеннета.

— У тебя есть минутка?

— Что ты здесь делаешь? — спросила Лили, откладывая газету в сторону.

— Разговариваю с тобой, — ответил он.

Кеннет вошел, заглянул в приоткрытую дверь, ведущую в кабинет О'Делла, и увидел пустой стол.

— Он у начальства, — пояснила Лили. — Что происходит?

— Мы наводнили город газетами с фотографиями Беккера в образе женщины, — сказал Кеннет, усаживаясь на стул для посетителей. Пустые слова. Он попытался улыбнуться, но у него не получилось. — Ты знаешь, что это Лукас узнал о переодевании, а вовсе не Фелл.

— Я догадалась, — ответила Лили. — Он хочет, чтобы она добилась успеха.

— Замечательно, — задумчиво пробормотал Кеннет.

Он внимательно посмотрел на Лили, словно пытался понять, о чем она думает.

— Что ты хочешь? — твердо спросила она.

— Ладно, — ответил Кеннет. — Что тебе известно о Робин Гуде, которым занимается О'Делл?

Лили удивилась — тихий голос в ее сознании заверил, что недоумение очень к месту.

— Что? О чем ты говоришь?

Кеннет скептически посмотрел на нее, словно что-то обдумывал, а потом сказал:

— Он порет какую-то чушь о Робин Гуде, о так называемом «комитете бдительности».

У меня возникло ощущение, что подозрение пало на меня.

— О господи, — пробормотала Лили.

— Вот именно. Никакого «комитета бдительности» не существует. Вся эта история с Робин Гудом — чушь собачья. Но из этого не следует, что О'Делл для меня не опасен. Если они считают, что возникла проблема... — он показал большим пальцем в потолок, имея в виду людей, сидящих наверху, — и пока им не удастся никого найти, у них может возникнуть желание распять кого-нибудь, чтобы прикрыть собственные задницы.

— Послушай... — Лили тряхнула головой. — Я хорошо знаю, чем занимается О'Делл, но впервые об этом слышу. И я ничего от тебя не скрываю, Ричард. Ничего.

— А я уверен, что он за этим стоит.

Лили наклонилась вперед.

— Дай мне несколько дней. Я все выясню. Позволь задать кое-какие вопросы. И если он к этому причастен, я тебе расскажу.

— В самом деле?

— Конечно.

— Хорошо. — Он улыбнулся. — Знаешь, пока ты остаешься лейтенантом или имеешь

более низкий чин, у тебя есть друзья и любовницы. Когда становишься капитаном или поднимаешься еще выше, появляются союзники. Ты моя первая любовница-союзница.

Она не стала улыбаться в ответ, а лишь сказала:

— Ричард...

Улыбка Кеннета померкла.

— Да?

— Прежде чем я начну что-то делать, скажи мне: ты случайно не Робин Гуд?

— Нет.

— Поклянись, — попросила Лили, глядя ему в глаза.

— Клянусь, — не дрогнув, ответил он и не отвел взгляда. — И я не верю, что такой человек существует. Робин Гуд — миф, рожденный компьютером.

— В каком смысле?

Кеннет пожал плечами.

— Подбрось монетку пятьсот раз. События носят случайный характер, но ты найдешь какие-то закономерности. Подбрось ее еще пятьсот раз, и ты снова сделаешь выводы, только другие. Хотя они ничего не будут значить. Похожая ситуация возникает при использовании компьютера. Если у тебя имеется достаточное количество цифр, всегда можно найти связь между ними. Но последовательность, возникающая у тебя в голове, никак не связана с реальностью. Робин Гуд — это бред скудного воображения О'Делла.

Глаза Лили сузились.

— А как тебе удалось так много узнать о его деятельности?

— Не забывай, я всегда занимался сбором информации, — ответил он, немного обиженный ее вопросом. — Ходят слухи... Я считал, что его глупые игры не опасны, пока мое имя не стало слишком часто упоминаться.

Она немного подумала и кивнула.

— Хорошо. Я попробую что-нибудь выяснить.

Лукас позвонил Дариусу Пайку в Чарльстон и сообщил время приземления самолета, затем встретился со Слоуном и Делом в центре города. Они собрались в спортивном баре, чтобы поболтать и предаться воспоминаниям. Лукас был не в курсе последних сплетен — кто заискивает перед начальством, кто с кем спит. В час Слоун отправился домой, а Лукас и Дел перебрались в кафе на Западной Седьмой улице в Сент-Поле, открытое всю ночь.

— Черт, сказал я, жениться совсем неплохая идея, — рассказывал Дел. — Но потом она начала говорить о ребенке. А ей уже под сорок.

— Это еще не конец света, — заметил Лукас.

— Я похож на персонажа «Жизни с отцом»? [\[36\]](#)

Дел развел руки в стороны. На нем была джинсовая рубашка, поверх которой он надел черную безрукавку. Вдоль рукава шла оранжево-черная надпись: «„Харлей Дэвидсон“ — живи, чтобы мчаться, мчись, чтобы жить». Щеки Дела украшала пятидневная щетина, но глаза оставались ясными и спокойными, что стало для Лукаса приятным сюрпризом.

— Честно говоря, ты отлично выглядишь, — сказал Лукас. — А год назад тебя можно было выбрасывать на свалку.

— Ну да...

— Так почему же ты против ребенка?

— Господи. — Дел посмотрел в окно. — Я и сам задаю себе этот вопрос.

Дел ушел в три часа, а Лукас отправился домой, распахнул все окна и принялся подписывать чеки, пришедшие по почте. В пять он закончил это утомительное дело, закрыл и запер окна, вернулся в спальню и заново собрал сумку. Он вызвал такси, а когда они проезжали мимо работающего круглые сутки универмага «Супер-Америка», купил два пончика с джемом и стаканчик кофе, после чего они направились в аэропорт.

В шесть тридцать самолет отъехал от терминала. Стюардесса предложила кофе и яйца.

— Я попытаюсь поспать, — ответил он. — Пожалуйста, не будите меня...

Как только самолет начал разгоняться, страх охватил Лукаса, он почувствовал свою полную беспомощность, ведь теперь от него уже ничего не зависело. Он закрыл глаза и сжал кулаки. Они оторвались от земли только благодаря его усилиям. Лукас едва дышал до тех пор, пока шум двигателей не изменил тональность и самолет стал медленнее набирать высоту. Он опустил сиденье. Попытался уснуть. Спустя какое-то время Лукас обнаружил, что у него во рту появился неприятный вкус, а шея затекла. Стюардесса потрясла его за плечо.

— Вы не могли бы поднять сиденье?

Лукас открыл глаза, плохо понимая, что происходит.

— Я спал, — пробормотал он.

— Конечно, — спокойно сказала стюардесса. — Но мы приближаемся к Атланта, а ваше кресло...

— Уже Атланта?

Он не мог поверить. Никогда прежде ему не удавалось заснуть во время полета. В этот момент левое крыло самолета ушло вниз, и Лукас увидел город, похожий на расплывчатый серый ковер. Десять минут спустя они приземлились.

Аэропорт живо напомнил Лукасу «Робокопа»: женские механические голоса о чем-то

предупреждали, не проникая в сознание, стальные эскалаторы заканчивались стерильными коридорами, вымощенными плиткой. Он был рад выбраться наружу, хотя полет в Чарльстон получился тяжелым. Впрочем, Лукас сумел преодолеть страх и еще до того, как самолет оказался на земле, взял себя в руки.

Пайк ждал его у маленького терминала — флегматичный чернокожий мужчина в зеленой хлопчатобумажной куртке, белой рубашке и брюках цвета хаки. Когда куртка немного распахнулась, Лукас увидел полдюжины шариковых ручек в нагрудном кармашке и маленький револьвер на поясе.

— Лукас Дэвенпорт, — представился он и пожал протянутую руку.

— Я на машине, — ответил Пайк и повел его за собой. — Как Нью-Йорк?

— Там не так жарко.

— Ну, это еще что, вам бы следовало приехать сюда в августе.

— Так говорят и в Нью-Йорке...

Они быстро выехали из аэропорта и помчались по шоссе. Потеряв ориентировку, Лукас спросил:

— А где океан?

— Прямо впереди, но город расположен не на берегу. Это вроде как... Манхэттен, — ответил Пайк. — Река впадает в океан, там находится порт, и нужно проехать мимо форта, чтобы добраться до океана.

— Форт Самтер?^[37]

— Совершенно верно, — кивнул Пайк.

— Я бы хотел там побывать. Меня интересуют поля сражений... Расскажите о Риде.

Пайк обогнал серый «нисан максима», съехал с автострады и свернул налево. Асфальт на улицах потрескался, тротуары заросли сорняками и кустарником.

— Рид — тупой ублюдок, — скучным голосом сообщил Пайк. — Мне уже надоело с ним разговаривать. Его отец прожил здесь всю жизнь, он держит мастерскую и бензоколонку, делает свою работу лучше всех в городе и зарабатывает кучу денег. Рыжий неплохо учился в старших классах, хорошо сдал тесты и поступил в Колумбийский университет, даже стипендию получил. Этот придурок отправился в Нью-Йорк и начал совать всякую дрянь себе в нос, пристрастился к кокаину. Болтался в Гарлеме, а когда возвращался сюда, нес всякую чушь. Потом он и вовсе перестал приезжать в Чарльстон. Говорили, что он полностью увяз в наркотиках.

— Хм. А как давно он появился здесь?

— Несколько недель назад, — ответил Пайк. — Мне жаль его родителей.

— Он останется?

— Я не знаю. Как только он вернулся, поползли слухи — в отделе по борьбе с наркотиками говорили, что он связался с плохими парнями. Но в последнее время все было тихо. Может, что-то изменилось.

Лукас не думал о том, каким окажется Чарльстон, но пока они ехали, пришел к выводу, что город выглядит так, как и должен: старый Юг. Дома, обшитые вагонкой с облупившейся краской, необычные деревья; кусты и растения с кожистыми листьями и шипами. Несколько пальм. Много грязи. Жара.

Мастерская Рида представляла собой здание из бетонных блоков. Она располагалась рядом с бензоколонкой и небольшим магазином, работающим допоздна. Только одно место у насосов оставалось свободным, служащие сновали между машинами, вытирали ветровые

стекла и проверяли уровень масла.

— Если ты сюда приезжаешь, они моют окна, проверяют масло, подкачивают шины. Вам не найти другого такого места, — сказал Пайк. — Вот почему Дон Рид делает такие хорошие деньги.

Он остановил автомобиль на стоянке возле магазина, и Лукас последовал за ним в офис. Здесь пахло машинным маслом, но повсюду царила чистота, вокруг стола с журналами стояли пластиковые стулья для клиентов. За стойкой, перед желтым монитором компьютера, сидел крупный мужчина и стучал по клавишам одним пальцем. Когда они вошли, он поднял голову.

— Привет, Дариус.

— Привет, Дон. Рыжий где-то поблизости?

Рид выпрямился, и улыбка исчезла с его лица.

— Он что-то сделал?

Пайк покачал головой, а Лукас сказал:

— Нет. Я прилетел из Нью-Йорка. Ваш сын был свидетелем убийства, проходил мимо. Мне нужно побеседовать с ним пару минут.

— Вы уверены? — спросил Рид, и в его голосе отчетливо прозвучала неприязнь. — У меня есть адвокат...

— Послушайте, вы меня не знаете, поэтому... Но я утверждаю — и рядом со мной стоит свидетель, — что я лишь хочу с ним поговорить. У меня нет ордера, вашему сыну ничего не грозит. Он не является подозреваемым.

Рид холодно посмотрел на Лукаса и кивнул.

— Ладно, заходите. Он внутри.

Они нашли Рыжего Рида в помещении, где красили автомобили. Он был в шляпе и маске. Увидев отца и двух полицейских, Рыжий стянул маску и шляпу и замер у порога, неуверенно глядя на Лукаса. Он был высоким и очень худым, с выдающимися вперед белыми зубами.

— Полицейский хочет с тобой поговорить. Он прилетел из Нью-Йорка, — сказал отец. — А я вас послушаю.

На лице парня появилось опасение, но он молча кивнул.

— Где бы мы могли присесть? — спросил Лукас.

Старший Рид кивнул.

— В приемной сейчас пусто...

Лукас вытащил из кармана отчет Бобби Рича, развернул его и положил перед Рыжим Ридом, чтобы тот мог подтвердить или опровергнуть то, что там написано.

— Седой мужчина, — начал Лукас. — Худощавый или толстый?

— Пожалуй, тощий.

— Кожа светлая или смуглая?

— Загорелая. Видно, много времени провел на солнце.

— Опиши, как все было, когда во Фреда Уэйтса стреляли.

— В общем, меня там не было. Мимо меня проехала машина, и мне показалось, что в окне промелькнул ствол, а я шел в другую сторону. Я слышал выстрел и видел автомобиль.

— Какая машина?

— Честно, не знаю, тогда я просто не обратил внимания.

Он опустил глаза. Пайк нетерпеливо зашевелился, а Рид-старший посмотрел на дверь, но ничего не сказал. Взгляд парня переместился на отца и вернулся к Лукасу.

— Когда это произошло? — спросил Лукас.

— У меня нет часов...

— Я имею в виду, днем, вечером, ночью?

Рид нервно облизнул губы, как будто делая выбор.

— Вечером.

— Это было в три часа дня, Рыжий, — сказал Лукас. — Светило солнце.

— Послушайте, я ужасно испугался...

— Ты не знаешь, какая была машина, но тебе удалось заметить, что в ней сидит седой, худощавый да к тому же загорелый мужчина? И ты не видел других парней? — Лукас посмотрел на Дона Рида. — Рыжий, ты врешь. Это очень важное дело. Есть версия, что этот же тип застрелил полицейского, а перед ним адвоката.

— Я ничего не знаю, — сказал Рид, пряча глаза.

— А я и не утверждаю, что ты знаешь. Но ты мне лжешь...

— Нет...

Дон Рид повернулся к сыну и резко и отрывисто произнес:

— Ты помнишь, что я тебе говорил? Никакого дерьма, никакого вранья, никаких наркотиков и воровства, и тогда я постараюсь сохранить тебе жизнь. А ты лжешь, мальчик. Ты был маленьким ребенком, но уже тогда умел различать марки автомобилей. И ты утверждаешь, что видел загорелого седого человека, но не смог определить, в какой машине он ехал? Чувь собачья. Ты лжешь. Кончай с этим.

— Я хочу знать, какое отношение к этому имеет Джон О'Делл, — сказал Лукас.

Рид, который до этого уныло смотрел себе под ноги, поднял голову.

— Вы знаете мистера О'Делла?

— Проклятье, — проворчал Лукас. Он встал, прошелся по маленькой комнатке, ударил ладонью по автомату, продающему круглую жевательную резинку «Лайонс клуб», а потом сжал двумя пальцами переносицу и закрыл глаза. — Проклятье, ты работаешь на О'Делла.

— Послушайте... — начал парень.

— Он продавец наркотиков? — спросил Дон Рид, в мрачном голосе которого зазвучал гнев.

— Нет, — ответил Лукас. — Он примерно пятый по значимости полицейский в Нью-Йорке.

Отец и сын переглянулись, а Пайк спросил:

— Что происходит?

— Идет дурацкая игра «Прицепи хвост ослу»,^[38] — ответил Лукас. — А я выступаю в роли осла. — Он обратился к Риду: — Что ж, теперь я понимаю, но мне нужны подробности. Где ты с ним встретился, как тебя вовлекли в это дело...

И тут Рид все рассказал. Они познакомились на семинаре в Колумбийском университете. О'Делл приходил трижды, и всякий раз Рид беседовал с ним после занятий. «Гарлем совсем не таков, как представляет себе ирландский полицейский», — сказал Рид. Толстый заместитель начальника и худощавый южанин спорили о жизни на улицах; вместе с несколькими другими студентами и преподавателем они зашли в кафе, разговор затянулся до поздней ночи. В следующий раз он увидел О'Делла весной, но к этому времени Рид уже принимал наркотики. Его задержали во время облавы — он курил крэк. Рид позвонил

заместителю начальника. Его выпустили, но предупредили, что в следующий раз он так легко не отделается. Впрочем, Рид продолжал употреблять кокаин. Его дважды арестовывали за хранение, и дело передали в суд. Когда Рид попался в третий раз, у него было слишком много крэка. Полицейские собирались предъявить ему обвинение в распространении, но он вновь позвонил О'Деллу, и ему опять удалось выйти сухим из воды.

А потом О'Делл позвонил сам и спросил: знает ли Рид какого-нибудь мелкого преступника, связанного с полицейским? С детективом? Ну да...

— Сукин сын, — сказал Лукас. — Должно быть, он все отлично продумал.

— Проклятье, что здесь происходит? — снова вмешался Пайк.

— Я не знаю, приятель, — ответил Лукас и повернулся к Риду. — Не звони О'Деллу. Ты вышел из дела и больше не хочешь в этом участвовать. Тебе лучше ничего не знать — все очень серьезно, а ты не имеешь к происходящему никакого отношения. Советую тебе залечь на дно.

— Он завязал, — сказал Дон Рид, глядя на сына.

— Хватит с меня Нью-Йорка, — энергично закивал тот.

Когда они ехали обратно в аэропорт, Пайк пробурчал:

— Не думаю, что мне понравился бы Нью-Йорк.

— Да, у него есть слабые места, — ответил Лукас, вырвал листок из блокнота и написал номер своего домашнего телефона. — Спасибо за помощь. Если тебе что-нибудь потребуется в Нью-Йорке или Миннеаполисе, позвони мне.

Перелет до Атланты получился тяжелым, но по пути в Нью-Йорк страх немного отступил. Лукас начал привыкать — все-таки пятый самолет за три дня. За всю жизнь он никогда так много не летал. Он вытащил блокнот и принялся делать записи.

Бобби Ричу поручили вести дело вовсе не из-за его высокой квалификации — просто он знал парня, который был знаком с Рыжим. Расчет был на то, что Рид мог попросить своего приятеля, чтобы тот рассказал полиции, что у него есть информация об убийстве Фреда Уэйтса.

Но на самом деле Рида там не было. Мужчину с густым загаром и седыми волосами выдумал О'Делл. Лукас не сумел сдержать улыбки. В некотором смысле это была чистая работа: один слой прятался под другим.

Он закрыл глаза, ему совсем не хотелось отвечать на вопрос: знает Лили правду или нет?

В Ла Гуардиа он увидел «Таймс» — со страницы на него смотрел Беккер в образе блондинки. Лукас купил газету, отстоял очередь на такси, и ему попался водитель с выступающими зубами, любитель поболтать.

— Беккер? — спросил Зубастый, поглядывая на Лукаса в зеркальце. Он видел фотографию, которую изучал его пассажир. — Проклятый наркоман. Теперь он переоделся в женщину.

— Да.

— Последнюю жертву он поймал на подземной парковке. Ее подруга говорит, что видела Беккера, он мог прикончить обеих.

Лукас сложил газету и посмотрел в затылок водителя.

— Значит, он совершил еще одно убийство? Сегодня?

— Да, утром. Ее нашли на стоянке с проволочным кляпом и срезанными веками, ну и

все остальное. Вот что я вам скажу: когда его поймают, нужно повесить его на улице за яйца вместо рекламного щита. Для примера.

Лукас кивнул в знак согласия и сказал:

— Забудь про отель. Отвези меня в Южный участок.

Картер, Уэрта и Диас склонились над бульварной газетой, все трое держали в руках чашки с кофе. Как только Лукас вошел в комнату для совещаний, Диас сказал:

— Кеннет в угловом кабинете, он хочет тебя видеть.

— Вы не знаете, где Барбара Фелл? — спросил Лукас.

— Ушла домой.

Полицейские обменялись быстрыми взглядами. Они знали, что он спит с Фелл.

— Какие новости?

— Около тысячи звонков с утверждениями, что они видели Беккера. В том числе три заслуживающих доверия, — ответил Картер. — Он водит «фольксваген жук»...

— Господи, вот это удача! — воскликнул Лукас. — Кто его видел? И как вы отыщете машину?

— Двое свидетелей на парковке прошлой ночью. Подруга Карсон и кассир. Показания первой выглядят убедительно — она даже сказала, что он слишком сильно душится «Пуазоном». Это такая туалетная вода...

— Знаю.

— А кассир помнит блондинку, он говорит, что она — он — ездит на старом «фольксвагене». Кассир обратил на нее внимание, блондинка произвела на него впечатление. Он даже спрашивал, не артист ли Беккер. Свидетелю кажется, что автомобиль был темно-зеленый или темно-синий. Мы сделали запрос в транспортное управление, но информация о «фольксвагене» еще не обнародована. Если Беккер сейчас захочет выйти на улицу, то ему потребуется другая машина. Мы останавливаем все «жуки» в Мидтауне.

— Вы говорили о трех свидетелях...

— В третьем мы не до конца уверены. Ночной продавец из книжного магазина в Гринвич-Виллидж утверждает, что запомнил лицо — он уверен, что видел Беккера, когда тот покупал какую-то жуткую книгу о пытках.

— Ага...

— Мы подобрались к нему совсем близко, — заявил Картер. — Через два или три дня мы его возьмем на улице.

— Я очень на это надеюсь, — сказал Лукас. — Есть что-то новое об электрошокере?

— Ничего.

— Телефоны?

— Нет. Проклятое крысиное гнездо.

— Ладно...

Лукас собрался уходить, но тут Картер спросил:

— Ты видел газеты?

— С Беккером? Да...

— Нет, это было в утренних выпусках, а я имею в виду дневной...

Уэрта сложил газету, которую они изучали, и протянул ему. На первой полосе Лукас увидел женское лицо с широко раскрытыми глазами; и еще до того, как понял смысл надписи, его поразил искаживший лицо ужас. Лишь через несколько мгновений он сумел прочитать заголовок: «Жертва № 8 — Беккер фотографирует смерть».

— А это законно? — спросил Лукас.

— Это медсестра Карсон, — мрачно сказал Картер. — Беккер отправил свои записи и фотографии в три газеты и на два телеканала. Они их используют.

— Господи...

Из коридора послышался голос.

Лили.

Лукас свернул за угол и в полумраке нашел кабинет с приоткрытой дверью. Он постучал, но сразу войти не стал.

— Да? — раздался голос Кеннета.

Лукас заглянул внутрь.

— Дэвенпорт.

— Заходи, — пригласил его Кеннет. — Мы говорили о тебе.

Он сидел на стуле для посетителей перед стандартным металлическим столом, задрал ноги вверх. Воротник рубашки был расстегнут, а яркий полинезийский галстук лежал на стопке телефонных справочников, на краю стола.

— Мерзкие фотографии, — сказал Лукас.

— Мы крепко влипли, — угрюмо сообщил Кеннет. — Сначала неудача в Новой школе, а теперь эти снимки. Мэр вызвал на ковер начальника полиции. Крики были слышны даже в Нью-Джерси.

Лукас передвинул третий стул и задел Кеннета.

— Подвинься-ка, чтобы и я мог положить ноги.

— Это я-то с моим проклятым больным сердцем, — пробормотал Кеннет, давая ему место.

— Ты рассказал Фелл, что Беккер — трансвестит, — начала Лили.

Она отодвинула в сторону телефонные справочники и взяла галстук.

Лукас пожал плечами, сел и задрал ноги на стол.

— Мы обсудили с ней такую возможность и решили, что это весьма вероятно.

— И очень вовремя. Мы заявили, что Карсон станет последней жертвой и мы близки к его задержанию, — сказала Лили.

— Нам бы следовало раньше догадаться о переодевании, — хмуро заметил Кеннет. — Предыдущая жертва была лесбиянкой, мы об этом знали. Мы могли бы сообразить, что она не подпустит к себе странного мужчину, да еще возле бара для сексуальных меньшинств.

— Проклятье, ты все делал правильно... — начала Лили.

— Все или не все, но мы его не поймали... — прервал ее Кеннет.

— Но он обложен со всех сторон.

— Это лишь наши жалкие надежды, — вздохнул Кеннет.

Лили принялась завязывать узел на галстук, и перед ее глазами оказалась полинезийская женщина с обнаженной грудью.

— Совершенно безумный галстук, — покачав головой, проворчала она.

— Береги буфера, — сказал Кеннет, хлопнул себя по коленям и рассмеялся собственной шутке, а Лили закатила глаза.

— Ты разыграл меня, когда говорил о Гогене и Кристиане Диоре, — напомнил Лукас Кеннету и повернулся к Лили. — Он меня убеждал, что они были партнерами по производству галстуков.

Лили рассмеялась, а Кеннет спросил:

— А откуда ты узнал, что это не так?

— Проверил, — ответил Лукас. — Гоген умер в тысяча девятьсот третьем году. Он был связан с символистами.

— Если бы ты знал, кто такие символисты, то давно бы достиг процветания.

— Они использовали цвет для воздействия на эмоциональную и интеллектуальную сферы, — сказал Лукас. — И в этом заключен глубокий смысл. Некоторые камеры в тюрьмах выкрашены в розовый цвет жевательной резинки именно по этой причине. Цвет помогает успокоить человека.

Кеннет с удивлением посмотрел на Лукаса.

— Проклятье, мне это и в голову не приходило.

— Картер заверил меня, что вы возьмете Беккера в ближайшие три дня, — сказал Лукас.

— Придурок. Именно из-за таких разговоров у нас и возникают проблемы, — проворчал Кеннет. — Да, скоро мы должны до него добраться, но я бы не стал утверждать, что нам удастся уложиться в три дня. Если у него есть вода и пища, он может затаиться.

— И все-таки...

— Думаю, недели нам хватит, — сказал Кеннет. — Он сломается. Мне лишь остается надеяться, что я все еще буду работать в полицейском департаменте, когда это произойдет. Все сильно напуганы. Да еще эти отвратительные фотографии — неудача в Новой школе перед ними меркнет.

— Все думают, что копы... — начал Лукас.

Но Лили покачала головой.

— Дело не в простых гражданах, а в политиках. Обычные люди понимают, что невозможно сразу поймать этого типа; во всяком случае, так думает большинство. Но власти считают, что они должны что-то делать, поднимают шум и угрожают нам увольнением.

— Ммм. Неделя, — сказал Лукас. — Это большой срок для мелких политиканов.

— Торопишься домой? — спросил Кеннет.

— Нет, я получаю удовольствие. И хочу находиться здесь, когда вы его арестуете.

— Или прикончим, — сказал Кеннет.

— Как получится.

Лили встала со стула, потянулась и взъерошила волосы Кеннета.

— Давай пойдем и посмотрим на реку.

— Боже мой, эта женщина не знает усталости, а у меня больное сердце, — пожаловался Кеннет.

Лукас, слегка смутившись, встал и направился к двери.

— Увидимся завтра, ребята...

В отеле его поджидала записка от Фелл:

Позвони мне, когда вернешься, до часа ночи.

Лукас держал листок в руке, пока поднимался на лифте к себе в номер. Потом бросил его на тумбочку и пошел в ванную. Он умылся и, пока стекала вода, стал рассматривать себя в зеркало.

У него были многолетние отношения с женщиной, родилась дочь. Теперь, оглядываясь назад, Лукас понимал, что их связь основывалась лишь на общем цинизме. Дженнифер

работала репортером, слишком много времени проводила на работе, стремительно приближаясь к истощению физических и духовных сил. Ребенок стал для нее путем к спасению.

С Лили его связывали более короткие, но весьма напряженные отношения. Брак Лили распался; возможно, у них все могло сложиться по-другому, живи они в одном городе и будь у них больше общего. Получилось иначе, и обоих до сих пор преследовало чувство вины.

У Лукаса было немало других романов, коротких и длинных, счастливых и не очень. Большинство женщин, с которыми он встречался, до сих пор хорошо к нему относились, впрочем, они его немного опасались — их уже опалил огонь. Но Лили и Дженнифер всегда занимали особое место.

Фелл была одной из «других». Тоскующая, привлекательная и одинокая. Если бы их связь стала постоянной, они бы свели друг друга с ума. Он вытер лицо грубым гостиничным полотенцем и вернулся к кровати. Сел, поднял трубку и некоторое время с улыбкой смотрел на телефон. В течение года Лукаса не оставляло ощущение, что он находится под водой: все тихо, безмятежно, он выпал из привычного ритма. Нью-йоркские полицейские помогли ему подняться на поверхность, а Фелл вернула к нормальной жизни в других аспектах. Он набрал номер. Она ответила после второго гудка.

— Это Лукас.

— Кеннет знал, что это сделал ты, но я набрала немало очков благодаря истории с переодеванием, — сразу начала Фелл. — Мое имя прозвучало в телевизионных новостях, а также появилось в «Таймс» и «Пост». Такие вещи всегда полезны.

— Я видел...

— Я бы хотела найти способ отблагодарить тебя. Мне приходит в голову оральный секс — если я получу свою долю.

— Женщины в наше время стали такими решительными, — ответил Лукас. — Как быстро ты можешь сюда добраться?

Фелл захватила с собой смену одежды, и в этот вечер они много смеялись и занимались любовью. На следующее утро, когда они одевались, Лукас спросил:

— Как мы найдем Джейки Смита?

— Позвоним в его офис, — ответила Фелл.

— Все так просто?

— Он делец. И сам заинтересован в том, чтобы его можно было быстро найти.

— Так позвони ему.

Смит перезвонил через пять минут.

— Неужели вы никогда не оставите меня в покое? Почему вы ничего не можете выяснить сами? — пожаловался он. — Я сделал все, о чем вы просили...

— Мы хотим лишь поговорить, — заверил его Лукас.

— Я дал вам все, что вы пожелали, — не унимался рассерженный торговец.

— Джейки... десять минут, пожалуйста. Позавтракай с нами, мы платим.

Смит согласился встретиться с ними в кафе отеля «Сент-Мориц». Они поймали такси и двинулись на север, сражаясь с утренними пробками. Водитель высунул руку в окно и принялся насвистывать. День снова обещал быть жарким; на небе уже появилась белесая дымка, а когда они вышли из машины напротив Центрального парка, Лукас увидел, что

листья на деревьях свернулись от зноя.

Смит сидел за металлическим столиком, ел круассан со взбитыми сливками и пил кофе. Когда они подошли к нему, он не встал.

— Ну и что теперь? — угрюмо спросил он.

— Мы хотим тебя поблагодарить. Имена, которые ты нам сообщил, вызвали цепную реакцию. Возможно, мы скоро сумеем взять мерзавца.

— Ничего себе. — Кажалось, торговец удивился. — И когда же вы до него доберетесь?

— Некоторые наши парни уверены, что через два или три дня, — ответил Лукас. — Но нам нужно кое о чем тебя попросить. Все мелкие перекупщики краденого, берущие товар у наркоманов, должны предупредить последних, что Беккер будет искать «ангельскую пыль», экстази и амфетамин. Возможно, ЛСД. И он будет убивать. Тот тип, до которого мы добрались с твоей помощью, воровал разные вещи в Беллвью, но он также продавал дурь. Беккер его убил. Хладнокровно. Пришел и пристрелил парня. Его больше нет.

— Я видел по телевизору. Тогда я подумал...

— Это был он, — сказал Лукас.

Смит кивнул.

— Ладно. Мне это ничего не будет стоить. Я расскажу всем, кого знаю, и попрошу, чтобы они передали другим.

— Вероятно, он живет где-то в Гринвич-Виллидж, но может объявиться в любом месте от административного центра до Центрального парка. Это почти все, что нам известно. Нужно предупредить тех, кто бывает в этой части города, — сказал Лукас.

— Это моя территория, — ответил Смит. — Что-то еще?

Лукас посмотрел на Фелл.

— Да. У меня есть еще один вопрос. Быть может, ты не захочешь говорить в присутствии еще одного свидетеля. — Лукас кивнул на Фелл. — Но если ты не против, чтобы она осталась...

Фелл нахмурилась, а Смит спросил:

— О чем речь?

— Когда я в первый раз с тобой встретился, то учинил безобразие в твоём офисе. Пытался привлечь твоё внимание...

— Что ж, у тебя получилось, — печально сказал торговец.

— Да. А два дня спустя меня сильно избили, когда я выходил от моего друга. И я хочу знать, твоих ли это рук дело. Строго между нами. Если это был ты, клянусь, никаких обид.

Смит бросил круассан на тарелку и рассмеялся.

— Господи, я тут не при делах. Я читал в газете о нападении, но за ним стоит кто-то другой.

— Точно?

— Да. И вот что я скажу: с парнями вроде тебя подобные вещи должны случаться часто, — проворчал торговец.

Лукас посмотрел на Фелл.

— Ты не могла бы выйти на пару минут?

— Я даже не знаю, — сказала она, внимательно глядя на Лукаса.

— Прощу тебя...

— Так ты из отдела внутренних расследований?

— Проклятье, нет, я же тебе говорил, — нетерпеливо ответил Лукас. — Пожалуйста,

прогуляйся.

Фелл отодвинула свой стул, взяла сумочку и с недовольным видом вышла из кафе.

— Она рассердилась, — сказал Смит, переводя взгляд с Лукаса на Фелл и обратно. — Ты с ней спишь?

Лукас проигнорировал вопрос.

— В полицейском департаменте идет борьба между большими шишками. И я оказался в нее втянут. Может быть, людей, которые на меня напали, послал кто-то из этих парней. Вот почему мне нужно знать наверняка.

— Послушай...

— Подожди минутку, — прервал его Лукас, подняв руку. — Я хочу, чтобы между нами была полная ясность. Если ты скажешь, что это был не ты, а окажется, что ты соврал, я вернусь и сделаю тебе больно. Ты меня понимаешь? Я выполню свое обещание, потому что мне необходимо знать правду. В противном случае меня могут убить. С другой стороны, если ты скажешь, что это твоих рук дело, у тебя не будет никаких проблем. Будем считать, что все забыто.

Смит покачал головой — он был заметно удивлен, и на его губах промелькнула улыбка.

— И все равно ответ — нет. Я этого не делал. Честно говоря, я не слишком обрадовался, прочитав о тебе в газете, и сразу подумал, что ты можешь прийти за мной.

Лукас кивнул, а Смит развел руки в стороны и пожал плечами.

— Я бизнесмен. Мне не нужны неприятности. Я не хочу силовых действий. И ненавижу людей с пистолетами. Теперь у каждого есть чертов ствол. — Он посмотрел на Шестую авеню. Машины ждали на перекрестке, пока загорится зеленый свет в направлении южной части Центрального парка. — Нет, это был не я.

— Хорошо. Предупреди наркоманов и дилеров о Беккере. Кроме того, можешь им передать, что за его поимку назначена награда в двадцать пять тысяч долларов.

Лукас отвернулся от Смита и вышел на улицу, где его поджидала Фелл.

— Как жаль, что я не умею читать по губам! Я бы многое отдала, чтобы узнать, что ты ему сказал.

— Я спросил, не он ли послал парней, которые пытались меня избить.

— И что он ответил?

— Нет. И я не работаю в отделе внутренних расследований.

Они провели день на улицах Гринвич-Виллидж и Сохо: заходили в магазины, беседовали с информаторами Фелл, болтали с патрульными на площади Вашингтона, смотрели выступления на Бродвее. Они нашли книжный магазин, где видели Беккера, — длинное узкое помещение с маленьким высоким окном и дверью с облупившейся краской, к которой вели три ступеньки. На дверях висела табличка: «Открыто круглосуточно 365 дней в году».

Продавец, который обслуживал Беккера, в этот день не работал, но подъехал на велосипеде через несколько минут после того, как они пришли. Худощавый мужчина с козлиной бородкой и книжкой стихов, он был похож на старого битника. Когда он начал свой рассказ, его лицо заметно оживилось.

— Он выглядел как привлекательная женщина, вот что я вам скажу, — заявил продавец. — Обычно мне достаточно посмотреть на покупателя, чтобы определить, какую книгу он возьмет, но с ней — с ним — я ошибся. Пытки и тому подобное. Тогда я подумал:

наверное, она профессор Нью-Йоркского университета или что-нибудь в этом роде, вот почему сделала такую странную покупку...

— Думаю, он действительно видел Беккера, — сказала Фелл, когда они вышли на улицу.

— Согласен, — кивнул Лукас. — Этот псих сюда заходил. — Он оглядел окружающие здания из красного кирпича с железными крылечками и петуниями в окнах. — Мне кажется, Беккер где-то рядом. Он не стал бы ездить на машине в книжный магазин. Я чувствую запах этого сукина сына.

Лукас привел Фелл в ресторан, около которого застрелили Петти. Они сели и заказали кока-колу, и он едва не рассказал ей все.

— Симпатичное место, — заметил Лукас, осматриваясь.

— Да, мне нравится.

— А ты здесь бывала? Ведь твой участок совсем рядом.

— В десяти кварталах, — ответила Фелл, опуская соломинку в кока-колу. — Слишком далеко. Кроме того, здесь никто не торопится, а полицейскому всегда нужно куда-то бежать.

— Да, я понимаю, о чем ты говоришь.

Позднее, днем, когда Фелл изучала журналы возле стойки, Лукас подошел к телефону-автомату, бросил двадцать пять центов и нашел Лили в машине О'Делла.

— Ты сейчас где?

— В Морнингсайд-Хайтс.

— А где это?

— Возле Колумбийского университета.

— Мне надо с тобой поговорить. Сегодня. Наедине. Это не займет много времени.

— Хорошо. Тебя устроит в девять, у меня?

— Договорились.

Когда Лукас повесил трубку, Фелл оторвалась от изучения «Кантри хоум» и спросила:

— Ты не хочешь пообедать?

— Сегодня вечером мне нужно поговорить с Лили, — сказал он. — Но позднее я с удовольствием поужинаю с тобой.

Фелл бросила журнал на стойку.

— Мне не нравится, когда ты встречаешься с этой женщиной.

— Меня с ней связывают исключительно деловые отношения, — заверил ее Лукас. — Послушай, не могла бы ты заехать в участок и взять досье на Беккера? Мы целый день болтались по городу, слушали всякую чушь... Может быть, мы сумеем извлечь что-то новое из отчетов.

— Хорошо. Я отвезу их к себе домой.

Лили сидела на стуле в гостиной, ее туфли на высоких каблуках стояли посреди ковра, а обнаженные ноги она положила на подушечку, накрытую парчовым шарфом, — Лукасу показалось, что в нем есть нечто русское или от Старого Света. Лили потягивала диетическую кока-колу, под глазами у нее залегли темные тени.

— Садись. По телефону твой голос показался мне встревоженным, — сказала она. — Что случилось?

Она откинула голову. Черные волосы идеально обрамляли бледный овал ее лица.

— Ничего, во всяком случае сегодня. Просто мне нужно с тобой поговорить. — Лукас

присел на край стула со слишком жестким сиденьем. — Я хочу, чтобы ты рассказала мне о своих отношениях с Уолтером Петти.

Лили еще сильнее откинулась на спинку стула и постаралась удобнее устроиться, а потом прикрыла глаза.

— Могу я спросить, зачем тебе это нужно?

— Пока нет.

Лили открыла глаза, бросила на него внимательный взгляд и спросила:

— Робин Гуд?

— Я не уверен. Расскажи о Петти.

— Мы с Уолтером знакомы очень давно, — заговорила Лили, глядя в пустоту. — Мы родились в одном квартале в Бруклине, где жили обеспеченные люди из среднего класса. Я была ровно на один месяц старше. Первое июня и первое июля. Наши матери дружили. Полагаю, я впервые увидела Петти, когда мне исполнилось пять или шесть недель. Мы росли вместе, ходили в один детский сад, оба попали в группу для одаренных детей. Где-то в шестом или седьмом классе он увлекся математикой и наукой — такое иногда случается с мальчишками, а меня занимали проблемы общения. После этого мы стали видеться значительно меньше.

— Но остались друзьями...

Она кивнула.

— Конечно. Мы с ним разговаривали, когда встречались на улице, но только не в школе. Почти всю свою жизнь он был в меня влюблен. Пожалуй, и я его любила, но в сексуальном отношении Уолтер меня не интересовал. Как в чем-то неполноценный брат.

— Неполноценный?

Она аккуратно поставила стакан на стол и пояснила:

— Да, с социальной точки зрения он был неполноценным. Ходил с логарифмической линейкой на поясе, не умел вести себя за столом, терялся в присутствии девушек. Ну, ты знаешь таких людей. Неудачливые, не от мира сего. Впрочем, он был милым. И нетерпеливым... слишком нетерпеливым.

— Да. Чудак. Зануда. Из тех парней, которых девушки любят изводить.

— Совершенно точно. Из тех, кого унижают, — сказала Лили. — Но мы были друзьями. И когда мне что-то нужно было сделать — ну, ты знаешь, помочь с ремонтом или что-то починить, — я звонила Уолтеру и он бросал все свои дела и спешил ко мне. Я принимала это как должное. Он постоянно находился рядом, и я думала, что так будет всегда.

— Почему он стал копом?

— Потому что мог им стать. Эту работу можно получить, если ты способен пройти тест, а у твоей семьи есть связи. Он блестяще сдал тесты, и у него были связи.

— Петти был хорошим полицейским?

— Он совершенно не умел носить форму, — сказала она. — Ему не хватало... холодной точки. Или горячей точки. Не знаю, как это выразить. Он не умел давить на людей — ты должен это хорошо понимать.

— Да, пожалуй. — Лукас усмехнулся. — Вот только я не знаю, какая это точка. Но вернемся к Петти...

— На улице от него было мало толку, и его посадили в кабинет. Он стал заниматься караульными нарядами и тому подобными вещами. Потом его попытались использовать в отделе наркотиков. И тут он себя нашел. Никто не мог поверить, что он коп. Он осуществлял

контрольную закупку, группа брала дилера, а тот так и не понимал, что произошло. Чудак не может быть полицейским под прикрытием. Иногда ему не верили даже судьи. Так или иначе, но эта работа стала у него получаться. У Уолта открылся актерский дар. Потом он заинтересовался расследованиями, работой на месте преступления. И здесь у него выходило очень неплохо. Уолт оказался одним из лучших. Он приезжал на место преступления и видел все. А потом складывал куски головоломки. Когда появились компьютеры, оказалось, что он и здесь на высоте. — Она рассмеялась, погрузившись в воспоминания. — Чудак, который прежде все портил, вдруг всем стал нужен. Тем не менее он остался добрым старым Уолтом. Когда мне требовалось покрасить что-то, его не приходилось просить дважды. И у него была замечательная открытая улыбка, немного странная, но искренняя. Если он говорил, что рад тебя видеть, так оно и было; он весь светился. А если сердился, то начинал кричать, даже мог заплакать.

У Лили задрожали губы, она сняла ноги с подушки и опустила голову.

— А как получилось, что он начал заниматься Робин Гудом?

— Он знал компьютеры и работал с О'Деллом, и мы добились, чтобы его включили в нашу группу. Уолт мог нам помочь, а для него это был шанс выйти на новый уровень. Возможно, я на него повлияла — он работал вместе со мной. Как я уже говорила...

— Да. Я понимаю, что ты имеешь в виду.

— Звучит как высокомерие или тщеславие.

Лукас покачал головой.

— Вовсе нет. Обычная жизнь. Ты думаешь, он сумел близко подобраться к Робин Гуду?

— Весьма возможно. Но на самом деле... я не знаю. Господи, когда его убили, я плакала целую неделю. Сексуальное влечение отсутствовало, но когда я вспоминала о том, каким он был все эти годы, как сохранял мне собачью верность, как любил меня... Это было похоже... даже не знаю, как объяснить. Я его любила. И вот как все закончилось.

— Хм.

Лукас смотрел на Лили, опираясь локтем на подлокотник и положив палец на подбородок.

— Почему тебя это интересует? — спросила она.

Усталость исчезла, теперь Лили внимательно смотрела на собеседника.

— Вы с О'Деллом использовали меня в качестве приманки, — сказал он. — Сблизили меня с людьми, которых подозреваете. Я хочу знать, кто они.

После долгого молчания Лили сказала:

— Фелл. Насколько мне известно, это она.

— Чепуха.

— Вовсе нет, — возразила Лили. — Она все, что у нас есть.

— Этого не может быть.

— И тем не менее.

— А тебе известно все, что делает О'Делл?

— Да, я контролирую его график. Впрочем, он может что-то предпринять по своей инициативе.

— Боюсь, ты меня предаешь, — произнес Лукас после короткой паузы.

Лили была обижена и оскорблена.

— Будь оно все проклято!

— Я знаю, это делаешь ты — или кто-то другой. О'Делл наверняка, и ты с ним...

— Расскажи мне, — попросила она, вновь откинувшись на спинку стула.

Лукас взглянул на Лили и сказал:

— Во-первых, Фелл не имеет к этому никакого отношения.

— Но почему?

— Я уверен, тут не может быть ошибки, — заявил он.

— Лукас, что бы ни подсказывали тебе инстинкты, существуют материалы судебных дел, а они не могут лгать, — продолжала Лили. — И она замешана практически во всех случаях.

— Я знаю. Она — сигнал тревоги.

— Что?

— Она — проволока, натянутая поперек дороги, — ответил Лукас. — Когда Фелл работала в отделе ограблений и играла роль приманки, она познакомилась с половиной преступников Мидтауна. Вот почему Робин Гуд использовал ее как связующую нить и выбирал мерзавцев, которых она знала. Потом они следили за ней. И если кто-нибудь оказывался рядом, они сначала подбирались к ней...

— Ну, я не знаю, — сказала Лили, качая головой.

Она не поверила ему.

— Устроить все это мог только очень крутой сукин сын, — продолжал Лукас. — Когда вы сняли Фелл с ее обычной работы и поставили меня к ней в пару, прозвучал сигнал тревоги. Был убит Петти, официальное расследование зашло в тупик — и тут Лили Ротенберг и Свенгали^[39] департамента притащили на веревочке меня. И предложили мне работать с Фелл. Они ни на секунду не поверили, что мы занимаемся Беккером. С самого начала они читали нас, как открытую книгу.

— Кто?

— Есть искушение назвать Кеннета, — после короткого колебания произнес Лукас.

— Чепуха. — Лили помотала головой. — Я бы знала. Более того, я задавала ему этот вопрос. Он считает, что Робин Гуда не существует.

— Но нам известно, что это не так. И мне все равно приходит в голову имя Кеннета. О'Делл поставил меня в пару к Фелл, и я постоянно имею дело с Кеннетом. Может быть, заместителю начальника известно, что это Кеннет, но у него нет доказательств.

Лили обдумала слова Лукаса, внимательно глядя на него.

— Но это...

— Маловероятно. Согласен. Конечно, существуют и другие возможности.

— Ты имеешь в виду меня?

По ее лицу промелькнула холодная улыбка.

— Да, — кивнул Лукас. — Один из вариантов.

— И что ты по этому поводу думаешь?

Он покачал головой.

— Это не ты, значит...

— А почему ты так уверен? — спросила она.

— По тем же причинам, по которым я исключил Фелл. Я видел, как ты работаешь.

— Большое тебе спасибо, — проворчала Лили.

— М-да... Таким образом, у нас остается последняя возможность.

— О'Делл?

— Да. У него есть доступ к тому, что необходимо, чтобы организовать группу. Он знает

всех, кто работает в полиции, может выбрать подходящих кандидатов для ударных команд. И он способен залезть в компьютер и найти нужных преступников, а также использовать Фелл в качестве тревожного сигнала.

— В твоих рассуждениях есть слабое место, — быстро возразила Лили. — У него такое выгодное положение, что ему не нужен сигнал тревоги.

— А отдел внутренних расследований? О'Делл может не знать о ходе их операций.

Она прикусила губу.

— Ладно, продолжай.

— Благодаря превосходному владению компьютером Петти мог выйти на О'Делла. Так или иначе, но дело Петти стал вести именно заместитель начальника, оставив в стороне отдел внутренних расследований...

— Он сказал, что там замешана политика, — задумчиво проговорила Лили.

— Да. Затем О'Делл привлек к работе меня, поставил в пару к Фелл и подтолкнул к Кеннету. И знаешь, что я тебе скажу? Фелл и Кеннет оказались единственными, на кого могли пасть мои подозрения — если судить по тем документам, которые ты передала мне. Все это полнейшая ерунда. Каменная стена. Выглядит внушительно, но за ней ничего нет.

— Почему О'Делл выбрал именно Кеннета?

— Потому что он должен умереть, — жестко сказал Лукас. — Предположим, все улики будут указывать на Кеннета, а потом он... умрет. Из-за сердечного приступа. И если все согласятся, что за этим стоял Кеннет, расследование свернут, а настоящий организатор будет вне подозрений.

Лицо Лили стало белым, как бумага.

— Он не мог... Маловероятно.

— Но почему?

— Я не думаю, что у него хватило бы смелости. В буквальном смысле. Он бы испугался тюрьмы.

— Тут многое зависит от того, как все организовано. Может быть, исполнители не знают О'Делла.

— Но не следует забывать: если за этим стоит заместитель начальника, он не стал бы ставить тебя в пару к Фелл. Если она является сигналом тревоги... он же знает, зачем ты в Нью-Йорке.

— Верно. И ему хорошо известно, что Фелл никуда меня не приведет, ведь она не имеет отношения к Робин Гуду. В то же время ситуация будет выглядеть правдоподобно. Фелл действительно знала убитых парней. Кроме того, Петти общался с тобой и с Фелл, а если учесть, что ее имя постоянно выскакивает из компьютера...

— Может быть, — задумчиво проговорила Лили.

— Как ты познакомилась с Кеннетом? — неожиданно спросил Лукас.

— На одном из общих совещаний.

— И ты уже была ассистенткой заместителя начальника?

— Господи, Лукас, — пробормотала Лили.

— Так это он? Ведь он знал вас обоих. Мог ли он предвидеть...

— Понятия не имею. Ты же знаешь, они друг друга недолюбливают. — Лили привстала и принялась ерзать на месте, как собака, которая пытается устроиться удобнее. — Знаешь, ты сумел создать теорию, не имея ни одного реального доказательства...

— Мне известен один очень любопытный факт, о котором никто не знает, — ответил

Лукас, в свою очередь холодно улыбаясь.

— Какой?

— Я знаю, что О'Делл пытается подставить Кеннета. Знаю наверняка. Вопрос лишь в причине: быть может, Кеннет виновен и это единственный способ до него добраться? Или заместитель начальника ищет козла отпущения?

— Чушь собачья, — пробормотала Лили, но Лукас видел, что она шокирована.

— Я нашел Рыжего Рида в Чарльстоне, Южная Каролина, — продолжал Лукас. — Он старый знакомый О'Делла по Колумбийскому университету.

И Лукас рассказал ей почти все, за исключением странной вещи, сказанной миссис Логан, когда они беседовали с ней в ее квартире, расположенной этажом ниже Петти.

Лили смотрела, как Лукас звонит Фелл, и наблюдала за его лицом, когда он назначал ей свидание. Лукас почти сразу же ушел, а она осталась стоять у окна с сумочкой в руках, глядя на улицу. Он остановил такси, посмотрел вверх, увидел Лили, указал на ее сумочку и помахал рукой.

А потом уехал.

Она прошла по квартире, прикасаясь к разным вещам. Ее преследовало жуткое ощущение, что в ее жизни происходят серьезные перемены.

Кеннет? Нет. Но и представить себе, что это О'Делл, Лили не могла. Неужели он способен хладнокровно убрать одного из своих людей?..

Наконец она набрала номер телефона на яхте Кеннета.

— Лили, — сказал он, взяв трубку.

Польщенная, она спросила:

— А как ты догадался, что это я?

— Я подумал: может быть, это любовь, — ответил он. — Ты чувствуешь себя одиноко?

— Ты читаешь мои мысли.

— Река сегодня очень красивая...

Река спокойно несла воды, пахло тиной, нефтью и солью. Фал позвякивал об алюминиевые мачты. Ночной шквал ушел вдоль побережья на северо-восток, и далеко за огнями Манхэттена они видели в небе вспышки молний.

Когда Лили и Кеннет занимались любовью, для нее наступил момент полной ясности. Она слышала печальную песню группы «Crash Test Dummies» — звуки доносились с соседней яхты, приглушенные бесконечным шумом набегающих волн.

Позднее, в кубрике, Кеннет тихо сказал:

— Господи, я сижу здесь и порю чепуху, а ты устроилась напротив и плачешь. — Он осторожно вытер ей щеки. — Что с тобой?

— Я просто смотрела на реку и думала, какая красота кругом и как здесь чудесно. А потом вспомнила о Уолте — он никогда больше этого не увидит.

— Петти?

— Да. Будь оно все проклято.

— Этот парень притягивал тебя к себе, моя дорогая, — сказал Кеннет, стараясь, чтобы его голос прозвучал небрежно: он хотел разговорить Лили.

— А ты знаешь почему? — спросила она, принимая его приглашение.

— И почему же?

— Потому что мы были очень жестоки к нему. Мы, девочки-школьницы. Лукас заставил меня вспомнить прошлое...

— Мне трудно представить тебя жестокой, — заметил Кеннет.

— Тогда я об этом не думала. Проблема в том, что Уолт всегда был готов мне помочь. И неизменно делал это с радостью. А когда мы учились в школе — и даже потом, уже в те времена, когда я работала в полиции, — мы отвечали ему насмешками, дразнили за неумение одеваться, потешались над манерами, над авторучками, которые он всегда носил с собой. Мы превращали его в клоуна, а он им не был. Но всякий раз, когда он пытался быть

серьезным, мы ему не позволяли. Мы причиняли Уолту боль. Вот о чем я сейчас думала — как девочки обижали его в старших классах и про несчастный взгляд, который появлялся на его лице, когда он пытался что-то сделать, отыскать контакт, а над ним смеялись. Он не понимал... О господи...

Она неожиданно разрыдалась, и Кеннет принялся беспомощно поглаживать ее по спине.

— Боже мой, Лили...

Немного успокоившись, она сказала:

— Ты католик. Ты веришь в знамения? В Деву Марию, в ее беседу с пастухами?

— Я бы хотел увидеть это своими глазами, — сухо произнес Кеннет.

— Дело в том, что я постоянно вижу Петти... — Она рассмеялась коротким печальным смешком и толкнула Кеннета в бок. — Нет, нет и нет, он не летает по моей спальне. Передо мной возникает его образ...

— Ничего себе!

— И картина получается такой четкой. Уолт бежит по улице, его напмаженные волосы тщательно приглажены, но уши все равно торчат... Господи! Уолт был единственным человеком, который меня любил и ничего не хотел в ответ. Ни секса, ни детей, ни одолжений; для счастья ему было достаточно просто находиться рядом.

Кеннет не нашел что ответить. Они молча сидели, поджав ноги, и смотрели на темную реку. Через какое-то время Лили снова заплакала.

Лукас позвонил Фелл от Лили и извинился за позднее время.

— Я собираюсь спуститься в бар, — сказала она. — Почему бы нам не встретиться там?

Он остановил такси. Лили с улыбкой смотрела на него из окна. Лукас помахал ей, она подняла вверх левую руку с сумочкой, а правую засунула внутрь и нащупала рукоять пистолета. «Помнить прошлый раз?»

Когда машина остановилась возле бара, Лукас вытащил двадцатку из зажима для денег и получил у водителя два доллара сдачи за поездку, которая стоила восемь. Фелл устроилась в дальней кабинке, перед ней стояло пиво и тарелка с арахисом. Она читала бесплатную газету.

— Привет, — сказал он, входя в кабинку.

— Привет. Узнал что-нибудь новое у Ротенберг?

— Нет.

— Хорошо, — сказала она.

Лукас потряс головой.

— Господи. — Потом он добавил: — Мне нужно заказать пива.

Он помахал официантке, выразительно посмотрел на стакан Фелл и сделал двумя пальцами знак победы.

Пока они ждали, смуглый мужчина в светло-голубой спортивной куртке и брюках цвета хаки подошел к их кабинке и обратился к Фелл, не слишком удачно имитируя Богарта:

— Привет, милашка. Видел твое имя в газетах.

— Здравствуй, Томми. Присаживайся. — Фелл похлопала по стулу рядом с собой и указала на Лукаса. — Это Лукас Дэвенпорт, он полицейский.

— Я знаю, кто он, — сказал человек, входя в кабинку. — Но меня почему-то не внесли в список приглашенных на интервью.

— Лукас, — продолжала Фелл, — это Томми Кантор, репортер из «Виллидж войс».

Они немного поговорили о деле, а потом Кантор пригласил к их столику внештатную журналистку, свою подругу. Они предложили ей стул и заказали еще пива. Вскоре появилась еще одна женщина, телевизионный продюсер, и заговорила с Фелл.

— Из тебя получится штучный товар, — сказала она.

— Совершенно с вами согласен, — с непроницаемым видом заявил Лукас.

— Мерзкий Дэвенпорт... — проворчала Фелл.

Они вернулись в квартиру Фелл в два часа ночи, провели десять мыльных минут в душе, а потом оказались в ее постели.

— Я получил удовольствие, беседуя с этими людьми, — признался Лукас. — Если только твой приятель Кантор не устроит нам неприятности.

— Он всегда держит в тайне свои источники информации, — заверила его Фелл. — Все будет хорошо. Меня удивило, что ты с такой легкостью общался с журналистами...

— По большей части они мне симпатичны, — признался он. — Некоторые из них немного глуповаты, а половина готова убить за пару долларов, но лучшие из них мне нравятся.

— А это тебе нравится? — спросила она.

— О-о-о-о, думаю, да, — ответил Лукас. И добавил чуть позже: — Я в этом уверен.

На следующее утро он вышел из душа, вытирая волосы махровым полотенцем, и услышал голос Фелл из гостиной. Она прошла по коридору в спальню, пока он натягивал нижнее белье. Все еще обнаженная, Фелл встала на цыпочки, чтобы поцеловать Лукаса.

— Я только что говорила с Картером. Ничего нового.

— Хорошо. Ты принесла досье?

— Документы в гостиной на полу, — ответила она.

— Я некоторое время посижу и прочитаю, а потом съезжу в отель и переоденусь. Мне бы хотелось находиться рядом, когда его возьмут.

— Чушь собачья. Ты бы отдал левое яйцо, чтобы взять его самому. Как и я.

— Ты готова отдать мое левое яйцо? — с возмущением спросил Лукас.

— Ну... Хочешь рогалик со сливочным сыром и чесноком и сок?

— Да, если уж на то пошло.

Они читали досье и разговаривали, а около часа Лукас загнал ее обратно в спальню, и они оставались там до двух.

— Я поеду в отель, — сказал он, надевая куртку. — Почему бы нам не встретиться в Мидтауне в четыре тридцать, чтобы сделать очередной обход?

— Хорошо...

Он посмотрел на пол у ее ног, где лежали копии фотографий Уайтчерча, убитого в больнице. Несколько жалких двадцаток торчали из-под его тела, как символ жадности.

— Коней на переправе не меняют, иначе ты плохо кончишь, — сказал он.

— Что?

— Старинная пословица. Мать часто повторяла мне ее.

— Чепуха.

— Ты называешь мою мать лгуньей?

— Проваливай отсюда, Дэвенпорт. Встретимся в половине пятого.

Он спустился на лифте вниз, кивнул охраннику, который сразу понял, что здесь делал Лукас, вышел в холл и заметил остановившееся у тротуара такси. Из него вышел пассажир, и Лукас похлопал себя по карману, где лежал бумажник.

— Проклятье, — пробормотал он.

— Что такое? — Охранник поднял голову и удивленно посмотрел на Лукаса.

— Извините. Я не вам... кое-что забыл наверху.

Он поднялся и постучал в дверь. Завернутая в полотенце Фелл впустила его в квартиру.

— Ты можешь дать мне займы двадцатку? — спросил он. — У меня осталось два доллара. Я оставил все дорожные чеки в отеле.

— О черт... — Она нашла сумочку, открыла ее и вытащила деньги. — Всего шесть долларов. — Потом ее лицо просветлело, и она снова принялась копаться в сумочке. — И кредитка. В конце квартала есть банкомат. Я доверю тебе мой код, но сменю его, если ты меня обманешь.

Он посмотрел на карточку, и тут его взгляд снова упал на пол, где лежали фотографии мертвого Уайтчерча. Из-под трупа торчало несколько двадцаток. Деньги, деньги... Беккер!

— Одевайся, — резко скомандовал Лукас. — И ради бога, поторопись.

Возле тела Уайтчерча были найдены три двадцатидолларовые банкноты. Они вытащили их из пластикового пакета и разложили на стойке под пристальным взглядом охранника.

— Номера последовательные? — нетерпеливо прошептала Фелл.

Она с трудом сдерживала волнение. Лукас посмотрел серийные номера.

— Да, на двух банкнотах, — ответил он и переписал числа в свой блокнот. — А теперь пообщаемся с федералами.

У Террела Скоупса из Федерального резервного банка имелась процедура на все случаи жизни, в том числе и для тайн серийных номеров.

— Я не могу впустить вас сюда.

Он махнул рукой, словно хотел показать, что они не соответствуют неким стандартам.

Лукас выглядел изрядно помятым, волосы Фелл растрепались и окружали голову ореолом.

— Если у нас уйдет несколько часов для получения нужных нам сведений, а Беккер вырежет сердце еще кому-нибудь, то ваша фотография появится на первой странице «Нью-Йорк таймс» рядом с убийцей, — прорычала Фелл, наклоняясь над его столом.

Служащий, и без того бледный, стал еще бледнее.

— Одну минутку, — пробормотал он. — Мне нужно кое-что уточнить.

Через некоторое время он вернулся и сказал:

— Ситибанк.

В Ситибанке с ними сразу согласились сотрудничать, но процесс занял немало времени.

— Деньги были получены из банкомата на Принс, но чтобы узнать, когда именно и с какого счета их сняли, нам потребуется время, — сообщила круглолицая служащая банка по имени Элис Буонокаре.

— Это очень срочно, — сказал Лукас.

— Мы делаем все возможное, — бодро ответила Буонокаре. — Нам необходимо совершить множество операций — нужно отследить путь банкнот с записанными вами номерами. К сожалению, многое приходится делать вручную. Мы не подготовлены к решению подобных задач, к тому же речь идет о двадцати тысячах позиций.

— А как насчет фотографий?

— У них не слишком хорошее качество, — призналась Буонокаре. — Если вам известно только, что у него светлые волосы, то на пленке мы найдем тысячи блондинок... Легче сначала получить данные о серийных номерах, а потом искать видеозапись.

— Хорошо, — сказал Лукас. — Сколько вам потребуется времени?

— Точно не знаю: час или даже два. Кроме того, близится время закрытия банка.

— Послушайте...

Лукас начал злиться.

— Я пошутила, — усмехнулась Буонокаре и подмигнула Фелл.

Им потребовалось три часа. В процессе была обнаружена ошибка: возник еще один банкомат на Хьюстон-стрит.

— А теперь, — сказал один из операторов в шесть часов, — нам нужно еще двадцать минут, чтобы уточнить, кто именно снимал деньги. Если вы хотите посмотреть прямо сейчас, я могу предложить вам группу от восьми до десяти человек — девяносто процентов, что он окажется среди них.

— А как насчет видеозаписи?

— Мы готовы предоставить вам пленку.

— Давайте посмотрим эти десять счетов, — предложила Буонокаре.

Пальцы программиста затанцевали по клавиатуре, и на зеленом экране появился номер счета. А потом еще и еще. Всего десять, шесть мужчин и четыре женщины. Они сразу исключили одного мужчину и одну женщину, которые жили не на Манхэттене.

— Нельзя посмотреть, какие суммы снимались с этих восьми счетов в последние два месяца? — спросила у оператора стоящая за его плечом Буонокаре.

— Не проблема.

Он застучал по клавишам, и на экране появились сведения о первом счете.

— Ничего необычного, — через минуту заметила Буонокаре. — Давайте следующий.

— Нам нужно торопиться, — сказала Фелл. — Еще немного и я обмочусь.

Счет Эдит Лейси оказался пятым.

— О-о-о, — протянула служащая и тут же попросила оператора: — Покажите, что было раньше.

— Конечно...

Когда на мониторе появился полный отчет, Буонокаре нажала на несколько клавиш и стала перелистывать страницы. Затем она обернулась и посмотрела на полицейских.

— Вот взгляните: шесть недель назад на ее счету было сто тысяч, а потом она начала снимать по пятьсот долларов практически каждый день. И даже сейчас делает это три или четыре раза в неделю.

— Возможно, это он, — возбужденно воскликнул Лукас. — Давайте посмотрим фотографии. У вас есть имя и адрес этой женщины?

— Эдит Лейси.

— В Сохо. Да, это подходящий вариант, — сказала Фелл, указывая на экран.

— А как насчет видео?

— Минутку... — ответила Буонокаре.

Она записала число на листке, и служащий банка тут же унес его в архив. Очень скоро нужную кассету поставили в магнитофон, и Буонокаре начала просматривать запись, сверяя номера.

— Вот, — сказала она.

На экране появилась блондинка, ее лицо было опущено.

— Ничего не видно, — проворчала Фелл. — Клянусь богом, я сейчас описаюсь.

— Давайте попробуем посмотреть, как она снимает деньги в другой раз.

Буонокаре перемотала пленку и вновь начала поиск. Наконец ей удалось найти еще одну блондинку.

— Подонок, — выругался Лукас, не отводя взгляда от экрана. — Рад снова тебя видеть, Майк.

— Это он? — спросила Фелл, вглядываясь в изображение. — Какой симпатичный.

— Да, это он, — ответил Лукас.

Беккер улыбался в камеру, его светлые волосы были скромно убраны со лба.

Беккер проснулся в полдень, сразу направился в ванную комнату и посмотрел на себя в зеркало. Хорошенькая блондинка. Впрочем, с нею покончено.

Он плакал, сидя на краю ванны, но понимал, что выхода нет — это необходимо. Беккер обрил голову. Он взял большие ножницы с желтыми ручками из коробки для шитья миссис Лейси и срезал тонкие светлые волосы. Потом смочил все, что осталось от былой роскоши, шампунем и сбрил короткие волоски безопасной бритвой. Беккер дважды порезался — розовая кровь на коже...

Он вздохнул.

Беккер обнаружил, что стоит перед зеркалом и мыло вокруг ушей успело засохнуть. Волос больше нет... Из глаз хлынули слезы. Его голова стала слишком маленькой, болезненно белой, как мрамор. Где Красавица?

Он посмотрел на себя взглядом надсмотрщика Саймона Легри.^[40] Лысый. Слишком бледный. Ничего хорошего. Даже в Гринвич-Виллидж цвет кожи головы будет привлекать внимание, тут никакой грим не поможет.

Шрамы... они выдадут его. Беккер прикоснулся к лицу, нащупал неровную плоть, изборожденную рубцами. Ему требовалось новое амплуа. Он рассчитывал, что побреется и вновь станет мужчиной, но ничего не получилось. К тому же у женщин больше возможностей для перевоплощения. Придется вернуться к парикам, которыми он пользовался, пока не отросли его собственные волосы.

Беккер прошелся по квартире и по пути к лестнице остановился, чтобы коснуться пауков, висевших над письменным столом. Такие изящные, такие красивые...

Нужно идти. Надеть парик, одеться — он до сих пор этим не озаботился. Одежда казалась неудобной и сковывала движения. Беккер ускорил шаг — «пи-си-пи» вел его, — расправил плечи, напустил на себя важный вид, но тут его внимание привлек пенис, подпрыгивающий, как слишком большой и дряблый нос, сводя на нет все его усилия. Беккер прижал член к бедру, но ритм торжественного шага был нарушен...

Из автомата падает очередной шарик жевательной резинки. Откуда это? Пятидесятые? Комик из шоу Эда Салливана? Да. Маленький человечек смотрит в коробку для сигар и беседует с доносящимся оттуда голосом... «Нормально? Нормально». Кажется, так звучали слова? Да.

Беккер прошел мимо кухни, но остановился и решил туда зайти. Открыл холодильник и заглянул внутрь.

— Хотите колу, мистер Беккер?

— Благодарю.

— Нормально? Нормально.

Очень смешно! Он расхохотался...

Держа в руке бутылку с колой, он нетвердой походкой вернулся к телевизору, включил Си-эн-эн и несколько минут смотрел на экран. О Беккере шла речь в одном из утренних выпусков новостей, показывали фотографии женщины по фамилии Карсон. Над ним смеялись: диктор сказал, что ореол над головой Карсон получился из-за отпечатков пальцев на фотобумаге. Что это значит? Ошибка в методологии? Ему уже трудно было вспомнить...

Он смотрел, рассчитывая снова увидеть этот сюжет, но в новом цикле новостей его

вырезали.

Беккер спустился вниз, все еще босой и обнаженный, аккуратно переступил через мусор в мастерской на первом этаже и направился в подвал. Отыскал темный парик с короткой стрижкой, вернулся в ванную комнату и надел его. Голове сразу стало тепло, словно это был мех, кожу немного покалывало. Впрочем, смотрелся он неплохо. Теперь следовало поработать над бровями и ресницами. Может быть, подправить цвет лица...

Миссис Лейси была слишком старой, чтобы использовать изощренную косметику, ей вполне хватало румян для пары розовых пятнышек на щеках, как у Рональда Рейгана. Но у нее нашелся карандаш для бровей. Беккер взял его, подошел к туалетному столику, смочил грифель языком и занялся ресницами. В зеркале стало появляться новое лицо...

Он рискнул выйти из дома в пять тридцать, когда солнце еще ярко светило, и осторожно двинулся в сторону площади Вашингтона. Беккер успел отвыкнуть от солнечного света, и ему приходилось щуриться, обостренное наркотиками зрение не справлялось с интенсивностью прямых солнечных лучей. Он захватил с собой сумочку и старый блокнот, найденный в комодке миссис Лейси.

Пешеходов было совсем немного — как движущихся на север, так и на юг. Беккер выбирал тенивые стороны более узких улиц, стараясь держать голову опущенной. Темные волосы, темные брови, темная блузка, джинсы, спортивные туфли. Несколько мужеподобно. Чересчур мужественная для женщины. Тут важна установка.

Когда он проводил первую разведку в городе, Беккер заметил, что на площади происходит немало интересного. Он сразу распознал дилеров. Мешочки с травой и наличные. Он ощущал присутствие пластиковой коробочки в кармане джинсов, таблетки тихонько перекачивались внутри. Осталось всего шесть, шесть между ним и... Беккер не мог об этом думать. У него было пять тысяч долларов и пистолет — на всякий случай.

Теперь ему требовалось немного удачи.

У Оливио Диаса было при себе десять таблеток экстази и десять «спида». Чтобы их продать, оставалось около двух часов. Сегодня вечером намечалась вечеринка; на вырученные деньги он купит себе кокаин. Кокаин круче, чем «спид». Если принять достаточно «спида», Оливио мог попасть куда угодно. А с кокаином он уже находился там.

Дилер пересек южную сторону площади и увидел Беккера — тот сидел на краю бетонной стены и что-то рисовал в блокноте. Издалека Диас принял женщину за симпатичную пуэрториканку — его ввели в заблуждение черные, как смоль, волосы. Подойдя ближе, он решил, что это ирландка с темными волосами и бледной кожей.

Художница не обращала на него внимания, склонив лицо над блокнотом. Карандаш сновал по бумаге. При этом Беккер незаметно поглядывал по сторонам.

— Эй, Оливио, приятель...

Диас повернулся, и на его лице появилась привычная улыбка. Он знал типа по имени Шелл. Молодой белый парень с разбитым лбом и голубыми глазами, подернутыми дымкой. Бейсболка «Метс» повернута козырьком назад. У Оливио была теория: ум парня измерялся тем, как далеко повернут козырек. Полностью назад — значит, это полнейший придурок, если только он не бейсбольный кетчер. Этот тип носил бейсболку козырьком назад.

— Эй, приятель! — повторил Шелл и поднял руку для приветствия.

— Дружище, что происходит?.. — спросил Оливио.

Шелл работал в мастерской, где меняли крышки, и у него иногда водились наличные.

Он быстро посмотрел направо.

— Ты продаешь?

— Что тебе нужно?

На лице Диаса тут же возникла улыбка. Он считал себя профессионалом, уличным Миком Джаггером, и улыбался каждые десять секунд. Улыбка — непременная часть сделки.

— Мне нужно расслабиться...

— У меня есть десять порций очень крутого дерьма из Майами, приятель...

Беккер сидел на стене и старался изобразить пожарный гидрант; как ему казалось, он делал это неплохо. Он научился этому в медицинском колледже, что оказалось полезным умением для патологоанатома. Рисунки позволяли лучше понять строение тела, все упрощали. Он продолжал работу, одновременно наблюдая за болтовней Оливио и белого парня — те кружили на месте и все время озирались, нет ли рядом полицейских. Наконец пластиковый пакетик перешел из рук в руки.

Беккер огляделся. Он увидел копов, но они находились далеко, в противоположном конце площади, возле арки. Три синих «плимута» были припаркованы рядом, полицейские сидели на капотах или опирались о бамперы и мирно беседовали. Беккер взял свою сумочку и, как только белый парень ушел, лениво приблизился к дилеру.

— Продаешь? — пропищал Беккер.

Диас подскочил на месте. Он увидел женщину с опущенной головой, держащую в руке блокнот. Лицо оставалось в тени, но Оливио сразу понял, что не будет ей ничего продавать. «Что-то не так. Полиция?»

— Отвали от меня.

— У меня полно наличных, — заявил Беккер все тем же тонким голоском. Ему самому казалось, что это пищит мышь. — И я в отчаянии. Я не коп...

Слово «наличные» остановило дилера. Он понимал, что ему нужно уходить. Оливио это твердо знал, он давно уже взял за правило не продавать товар незнакомцам. Но все же спросил:

— Сколько?

— Много. Мне нужен «спид», или «ангелы», или и то и другое...

— Вонючий коп...

— Нет...

Беккер оглядел улицу, посмотрел в сторону полицейских автомобилей, а потом вытащил из сумочки конверт, набитый банкнотами.

— Я могу заплатить. Прямо сейчас.

Диас огляделся, облизнул губы и ответил:

— А как ты выглядишь, мамочка?

Он протянул руку, схватил Беккера за подбородок и попытался заглянуть в лицо. Но Беккер вцепился в его запястье и вывернул. Диас ощутил силу и понял — это мужчина. Беккер оттолкнул Диаса и поднял голову, его глаза широко раскрылись, он оскалил зубы.

— Сволочь... — пробормотал дилер, отшатываясь сторону. — Ты тот самый убийца!

Беккер отвернулся и зашагал по улице, он почти бежал, его разум отчаянно пытался найти выход, взывал о помощи...

У него за спиной Оливио повернулся в сторону патрульных машин, стоящих на дальнем краю площади.

— Эй! — выкрикнул он, перевел взгляд с полицейских на Беккера, потом снова посмотрел на копов и помчался к ним, крича и размахивая руками. — Эй, это он, это он!..

Беккер побежал. В спортивных туфлях это не составляло труда, но вокруг было полно полицейских, и если они появятся достаточно быстро и начнут спрашивать о пробежавшей женщине...

В мусорном баке у входа в переулок копался бродяга. На нем была мятая шляпа и грязный плащ с погончиками, достигающий до колен.

На тротуаре валялась половинка кирпича, остатки бетона окружали его, точно глазурь морковное пирожное.

Беккер оказался в узком переулке, на целый квартал вокруг никого не было, в их сторону никто не смотрел.

Он на бегу подхватил кирпич. Бомж поднял голову, выпрямился и отступил на шаг в сторону. Когда Беккер ударил его кирпичом в грудь, в глазах несчастного появилось удивление. Бродяга ударился о мусорный бак и упал на спину.

— О-о-о, — простонал он.

Убийца дважды ударил его кирпичом между глаз. Он нависал над ним, рыча, точно питбуль, чувствуя, как закипает в его жилах кровь...

Послышался вой сирены, потом еще одной.

Беккер сорвал с бродяги шляпу и плащ, натянул его на себя, спрятал под ним сумочку, снял парик, надел шляпу и глубоко надвинул ее на лоб. Бездомный захрипел, на его губах запузырилась кровь. Все еще живой... Беккер рванулся обратно к выходу из переуллка, готовясь исполнить новую роль нищего.

Из-за его спины раздался булькающий звук. Он обернулся: один глаз на изуродованном лице был широко раскрыт. Бродяга умирал. Беккер узнал булькающий хрип. В его сознании зазвучал холодный далекий голос: «Черепно-мозговое кровоотечение, множественные переломы теменной кости».

И уставившийся на него глаз. Бомж умрет, а потом вернется и будет за ним наблюдать. Беккер быстро огляделся по сторонам и поспешно вернулся к бездомному. Он вытащил перочинный нож и нанес несколько быстрых ударов. Глаза исчезли. Бродяга застонал, но он все равно уже умирал.

Обломок кирпича лежал рядом с головой бомжа, убийца поднял его и засунул в карман. Хорошее оружие. Пистолет слишком шумный. Тем не менее он вытащил «дерринджер» из сумочки и переложил в карман плаща.

Он вышел на улицу. Нужно пройти шесть кварталов. Беккер заметил проезжающий мимо патрульный автомобиль. Раздался скрежет тормозов, машина остановилась на перекрестке, и полицейские принялись осматривать улицу через окна. От плаща воняло застарелой мочой. К горлу Беккера подкатила тошнота, он представил, как на его тело перебираются вши. Со всех сторон доносился вой сирен, кругом было полно копов. Беккер ускорил шаг...

Он свернул на Грин-стрит, пошатываясь, точно пьяный. Драный плащ волочился по тротуару. Навстречу шла какая-то женщина. Беккер перешел на другую сторону. Перед глазами у него потемнело, время сделало прыжок вперед: он уже приближался к дому Лейси. К входной двери квартиры подходила старуха...

Что?..

На мгновение его охватила паника. В голове все смешалось. Что ей нужно?

Равнодушные фронтоны зданий смотрели на него сверху вниз. Падает шарик жевательной резинки. Он красный, заряжает гневом. Те люди собирались наказать его — человека с талантами. Пожилая женщина стояла вполоборота и смотрела на окна дома.

В голове прозвучал далекий голос: «Бриджит. Бриджит Ленд. Пришла с визитом...»

Он расправил плечи, перешел улицу, удаляясь от старухи. Она вставила ключ в замочную скважину, повернула его и толкнула дверь. Бриджит Ленд, он совсем о ней забыл... Она не должна знать.

Старуха с видимым трудом распахнула дверь и сторбившись — сказывался возраст — вошла внутрь. Охваченный гневом Беккер увидел, что у него появился шанс, и рванулся вперед. Пространство и время исчезли. Он врезался плечом в дверь и ударил Бриджит.

Беккер двигался стремительно, как может двигаться только тот, кто полон «ангельской пыли», быстрее, чем полузащитник в американском футболе. В следующее мгновение обломок кирпича впечатался в лицо старухи. Она упала со странным хриплым криком, как ворон, получивший пулю в крыло.

Окончательно потеряв осторожность, Беккер захлопнул за собой дверь, схватил Бриджит за волосы и потащил вниз по лестнице.

Он забыл об одежде бомжа и не обращал внимания на женщину, которая визжала, словно чихуа-хуа с костью в горле. Беккер затащил ее в комнату и привязал. Ее ноги начали дергаться. Беккер засунул ей в рот кляп и примотал его проволокой; он работал с лихорадочной быстротой, склонившись над своей жертвой...

Буонокаре нашла видеозаписи еще двух эпизодов. Всякий раз Беккер уверенно позировал, яркая красивая блондинка была отчетливо видна даже на пленке низкого качества.

— Господи, я бы сама не отказалась так выглядеть, — заметила Буонокаре. — Интересно, кто занимался его волосами?

— Нужно позвонить Кеннету, — сказала Фелл и наклонилась через стол, чтобы взять телефон.

— Нет. — Лукас заглянул ей в глаза и покачал головой. — Нет.

— Мы должны...

— Поговорим позже, — перебил ее Лукас, понизив голос.

— Что?

— На улице. — Лукас посмотрел на служащую банка. — Я не могу ничего обсуждать здесь. Соображения безопасности...

Фелл взяла свою сумочку, а Лукас куртку, и они поспешили к выходу.

— Я узнаю о том, что будет дальше, из новостей? — спросила Буонокаре, когда провожала их мимо охранника к двери.

— Вы сами окажетесь в новостях, если это он, — пообещала Фелл, когда перед ними распахнулась дверь.

— Тогда удачи. Надеюсь увидеть вас по телевизору, — сказала служащая. — Я бы хотела пойти с вами...

На улице начал моросить теплый дождь. Лукас махнул рукой, пытаясь поймать такси, но оно промчалось мимо. Следующее тоже не остановилось.

Фелл схватила его за локоть и спросила:

— Что ты делаешь, Лукас? Нам нужно немедленно позвонить...

— Нет.

— Послушай, я и сама хочу там быть, но у нас нет времени. Сейчас такие пробки...

— Что? Пятнадцать минут? Плевать, я сам его возьму.

— Лукас... — простонала она.

Такси подъехало к тротуару, и Лукас поспешил к нему, на три секунды опередив женщину, которая бросилась к машине от соседней двери. Лукас забрался в такси, оставив дверцу открытой. Фелл остановилась перед ней.

— Залезай! — нетерпеливо крикнул Лукас.

— Мы должны позвонить...

— Тебе далеко не все известно, — сказал Лукас. — Я не из отдела внутренних расследований, но речь идет о серьезных тайнах.

Фелл смотрела на него несколько долгих мгновений, а потом произнесла:

— Я знала.

Она забралась в машину. Такси отъехало от тротуара, а бежавшая за ним женщина вернулась к своей двери, показав им средний палец.

Они медленно продвигались по забитым машинами улицам, а дождь заметно усиливался. Фелл молчала, с трудом сдерживая волнение. Наконец такси добралось до Хьюстон-стрит, и Лукас расплатился с водителем. Мимо проехал патрульный автомобиль,

полицейские внимательно оглядели Лукаса и только после этого умчались вперед. Фелл и Лукас заскочили в магазин, успев промокнуть под теплым летним дождем.

— Ладно, — сказала Фелл, уперев кулаки в бедра. — Карты на стол.

— Я не знаю, что произойдет, но события могут развиваться странно, — начал Лукас. — Я пытаюсь вывести на чистую воду Робин Гуда. Именно по этой причине меня вызвали сюда из Миннеаполиса.

Она открыла рот в изумлении.

— Ты спятил?

— Нет. Ты можешь помочь или остаться в стороне, но я не хочу, чтобы ты все испортила.

— Я с тобой, — сказала Фелл. — Но Робин Гуд?.. Расскажи.

— Как-нибудь в другой раз. Мне нужно позвонить.

Лили была с О'Деллом, они только что въехали на Манхэттен через Бруклинский мост и находились в десяти минутах от полицейского участка.

— Ты слышал? — спросила Лили.

— О чем?

— Беккера заметили на площади Вашингтона, но он сумел ускользнуть. Это произошло около трех часов. Наши люди оцепили район, но больше его не видели...

— Звучит весьма правдоподобно. Мне кажется, мы знаем, где он. Он обосновался в Сохо.

— Что? — Лукас услышал, как Лили говорит: — Дэвенпорт утверждает, что он нашел Беккера.

Из трубки послышался голос заместителя начальника:

— Где ты находишься?

— Мы застряли в Ситибанке. Я полагаю, что Беккер прячется у пожилой женщины в Сохо, но полной уверенности у меня нет. Я отправляюсь туда, чтобы провести небольшую разведку, после чего вызову подкрепление. Я просто хотел поставить Лили в известность, чтобы исключить любые накладки.

— К тому же если бы ты позвонил сразу, при том что вы с Фелл застряли в центре, вся слава за арест досталась бы Кеннету, — сказал О'Делл с хриплым смешком. — А вы не спугнете убийцу своими действиями?

— Нет. Но у нас уйдет некоторое время, чтобы добраться до места. Здесь идет дождь, и поймать такси практически невозможно.

— Да, тут тоже дождь. Ладно, действуй. Но будьте осторожны. Почему бы тебе на всякий случай не дать мне адрес, а я отправлю Лили за ордером на обыск. И это позволит объяснить, почему ты не позвонил сразу.

— Хорошо...

Лукас сообщил адрес, и трубку взяла Лили.

— Будь внимателен, — сказала она. — После того как вы осмотритесь, позвони нам. Мы будем ждать с подкреплением.

— А теперь объясни, что происходит? — спросила Фелл, когда Лукас повесил трубку.

— Некоторое время мы будем наблюдать.

— Наблюдать? За кем?

Мимо проехала еще одна полицейская машина, и вновь их внимательно оглядели.

— Для начала мы издали присмотримся к дому Лейси. Беккер меня знает, и я не хочу,

чтобы он меня увидел.

— Теперь я понимаю, как мы можем получить приказ об увольнении, — сказала Фелл. — Должно быть, его уже составляют.

Они добежали от дверей до навеса, стараясь не попасть под дождь. Наконец Фелл завела Лукаса в магазин мужской одежды, который, похоже, не менял клиентов с тысяча девятьсот шестьдесят девятого года. Все мужчины в магазине, кроме Лукаса, носили бороды, а три из четырех женщин были в одежде из тканей в этническом стиле, модных во времена хиппи. Лукас купил кожаную шляпу с круглой плоской тульей и загнутыми кверху полями, которая ему совсем не подходила. Он посмотрел на себя в зеркало и пришел к выводу, что похож на исследователя Амазонки в представлении модельера-хиппи.

— Кончай ворчать, при правильном освещении ты будешь превосходно выглядеть, — поторопила его Фелл.

— Я при любом освещении выгляжу как идиот, — ответил Лукас.

— Ну что я могу тебе сказать? Ты же не собираешься позировать для «Эсквайра».^[41]

Дождь стал слабее, но тротуар оставался мокрым и скользким, от него пахло двухсотлетней грязью, напитавшейся водой ливня. Они отыскиали здание, где жила Лейси, и обошли его со всех сторон. Кирпичная задняя стена была глухой. Здесь находилась пристройка, которую использовали как навес для машин. Дом был окружен оградой из металлической сетки. Ворота недавно открывали, и они увидели две колеи, оставленные среди сорняков колесами автомобиля.

Лукас подошел к ограде, откуда ему было хорошо виден навес.

— Ты только посмотри, — сказал он.

Фелл заглянула сквозь проволочную ограду. Из-под навеса торчал круглый хромированный бампер.

— Черт возьми, это «жук», — выдохнула она и сжала его руку. — Лукас, мы должны позвонить.

— Лили и О'Делл обо всем позаботятся, — ответил он.

— Я имею в виду Кеннета. Он наш начальник. Господи, мы игнорируем босса...

— Мы свяжемся с ним, — обещал Лукас. — Я хочу подождать еще несколько минут.

Они вернулись на улицу, и Лукас выбрал магазин на противоположной стороне и в сотне футов от дома Лейси. Здесь продавали африканские ковры и сувениры. Владелицей оказалась пышногрудая ливанка в черном шелковом платье с высоким воротом. Она нервно кивнула, увидев их значки, и сказала:

— Да, конечно.

Хозяйка принесла стулья. Лукас и Фелл устроились возле книжных полок за занавесками у окна, откуда им была хорошо видна вся улица.

— А что, если он сбежит через черный ход? — спросила Фелл.

— Он останется дома. Повсюду полно полицейских. Беккер будет прятаться.

— Тогда чего мы ждем?

— Робин Гуда и его славных товарищей. Если в течение ближайшего получаса ничего не произойдет, мы войдем в дом...

— Хотите печенье? — с тревогой спросила ливанка.

Она судорожно сжимала пальцы, и Лукас подумал, что она ужасно похожа на злую мачеху-ведьму из «Белоснежки», если он еще не забыл диснеевский мультфильм.

— Или пахлаву? — добавила хозяйка магазина.

— Нет, спасибо, — отказался Лукас. — Ничего не нужно. Возможно, нам потребуется позвонить.

— Да, конечно.

Женщина указала на черный телефон рядом с кассой и ушла в дальнюю часть магазина, где села на высокий стул, продолжая нервно потирать руки.

— Съешь ее богом проклятую пахлаву, и твои яйца окажутся запечатанными в бутылке с джинном, — пробормотал Лукас.

Фелл оглянулась и прошептала:

— Ш-ш-ш. — Но потом улыбнулась и покачала головой. — Дурные белые парни со Среднего Запада, наверное, у вас там что-то носится в воздухе.

— Смотри, — перебил ее Лукас.

Двое мужчин в спортивных куртках и брюках шли по улице, не глядя в сторону дома Лейси. Один был толстым, другой худощавым. Их куртки показались Лукасу слишком плотными для жаркого нью-йоркского лета; в такой демисезонной одежде некомфортно летом и недостаточно тепло зимой. Толстый двигался скованно, словно у него было что-то не в порядке со спиной; на левой руке худого Лукас заметил гипс.

— Полицейские? — предположила Фелл. — Они похожи на полицейских.

— Думаю, что сукин сын с гипсом — один из тех, кто на меня напал, — сказал Лукас.

Фелл сделала шаг к двери, но он поймал ее за руку и остановил.

— Подожди, подожди...

Он отошел к стойке и поднял телефонную трубку, продолжая наблюдать за полицейскими. Оживленно беседуя, они, не торопясь, прошли мимо дома Лейси, но их поведение показалось Лукасу фальшивым. Возле угла следующего здания они остановились.

Лукас набрал номер телефона в кабинете Лили.

— Я около дома Лейси...

— Как тебе удалось туда...

— Я солгал. Ребята из Робин Гуда только что появились, мы наблюдаем за ними с противоположной стороны улицы. Значит, это О'Делл...

— Не может быть. Он не прикасался к телефону.

— Что?

— Я рядом с ним. В его офисе.

— Вот черт...

Между тем мужчины развернулись и направились к двери дома Лейси. Один из них достал пистолет, а другой вытащил из-под куртки кувалду с длинной рукоятью.

— Мне нужна поддержка, — сказал Лукас. — Господи, они входят! Подкрепление требуется немедленно!

Лукас бросил трубку на рычаг и сказал Фелл:

— Пошли! Возьми меня под руку, сделаем вид, что мы крепко набрались.

Они вышли из магазинчика, Лукас надвинул шляпу на лоб, обнял Фелл за плечи, а сам прижался щекой к ее плечу. Двое копов замедлили шаг, перед тем как пройти мимо окон дома Лейси, еще раз огляделись и заметили парочку, стоящую в пятидесяти ярдах от них. Лукас толкнул Фелл бедром на стену, а свободной рукой попытался схватить ее за грудь. Она его отпихнула, двое мужчин потеряли к ним интерес и подошли к двери.

Лукас и Фелл побежали.

Коп с кувалдой остановился, повернулся и принял стойку игрока в гольф. Инструмент взлетел над его головой.

Удар пришелся в дверь возле ручки, дерево треснуло, стекло со звоном посыпалось внутрь.

Полицейский в гипсе вошел в дом; второй бросил кувалду и вытащил пистолет. Потом он осторожно последовал за своим напарником, держа оружие наготове.

— Вперед, — сказал Лукас.

Его сорок пятый был уже в руке, Лукас оказался возле двери через три секунды. Он проскочил в дом и увидел обоих полицейских, которые держали под прицелом лестницу. Сделав пару шагов, Лукас закричал:

— Полиция, не двигаться!

— Мы свои, мы свои...

Тот, что стоял ближе к Лукасу, продолжал держать лестницу под прицелом.

— Бросай оружие, немедленно, или я вышибу твои паршивые мозги, бросай пистолет!

— Мы копы, болван...

Тучный мужчина повернулся к Лукасу, но его пистолет все еще был направлен в сторону лестницы.

Черный блестящий мощный «глок» калибра девять миллиметров. Этот парень не пользовался табельным оружием.

— Бросайте пушки!

За спиной Лукаса появилась Фелл, она искала подходящую цель, и боковым зрением он увидел вороненое дуло кольта тридцать восьмого калибра.

— Бросай оружие! — снова закричал Лукас.

Худой мужчина, стоящий ближе к двери, бросил пистолет, и Лукас сосредоточился на его напарнике, который продолжал с сомнением поглядывать в сторону лестницы. Обезоруженный коп сказал:

— Господи, придурок, мы полицейские в штатском, пришли за Беккером...

Лукас не обращал на него внимания, он сосредоточился на грузном мужчине с пистолетом.

— Я же сказал, бросай пушку, болван! Однажды вам, сволочам, удалось вытрясти из меня дерьмо, но сейчас я не намерен с вами разговаривать. Спущу курок, и дело с концом!

Грузный наклонился, положил оружие на пол и быстро взглянул на напарника.

— Послушай...

— Заткнись. — Лукас посмотрел на Фелл. — Не убирай пистолет, Беккер где-то рядом.

— Лукас, господи... — пробормотала она, но прятать оружие не стала.

Лукас жестом приказал полицейским подойти к радиатору парового отопления и бросил им наручники.

— Я хочу услышать, как они щелкнут, — сказал он.

— Ах ты, гад, я тебя изуродую, — пригрозил Грузный.

— Если дернешься, я тебя пристрелю, — спокойно ответил Лукас. — Наручники.

— Козел...

Впрочем, они приковали себя к батарее. Лукас посмотрел на лестницу.

— Что теперь? — спросила Фелл.

— Помощь на подходе.

Лукас продолжал держать обоих мужчин на прицеле.

— Ты вляпался, — сказал Грузный.

— Расскажи это О'Деллу, — ответил Лукас.

— Что? — недоуменно спросил полицейский.

Лукас подошел к нему сзади и прижал дуло пистолета к его уху.

— Я собираюсь взять твои документы, так что не вздумай шевелиться... — Он засунул руку во внутренний карман его куртки и вытащил значок в футляре. — А теперь ты, — сказал он худому полицейскому.

Когда у него в руках оказались оба жетона, он отошел назад и прочитал фамилии.

— Сержанты Клемсон и Джиз... — Лукас посмотрел на мужчину с гипсом — это был Клемсон. — Так вот что ты кричал: «Джиз»! А я думал, что ты поминал Иисуса...

— А вот и подкрепление, — сказала Фелл.

Возле двери остановился голубой «плимут», и они услышали скрежет тормозов второго автомобиля. В дверь вбежал полицейский в форме, с пистолетом в руке.

— Дэвенпорт и Фелл, — сказал ему Лукас, показывая свой значок. — Работаем с Кеннетом и его командой, которая ищет Беккера. Эти парни также копы, но на них наручники не без причины. Я хочу, чтобы они оставались здесь, вы меня поняли?

— Что происходит? — спросил полицейский в форме.

Он был сержантом, ему бы следовало сбросить несколько килограммов, и он чувствовал себя неуверенно. Возле дома, взвизгнув покрывками, остановился еще один автомобиль.

— Политика, — пояснил Лукас. — Кое-кто сильно вляпался, и теперь большим шишкам придется во всем разбираться. Но учтите, эти парни пристрелят вас без колебаний, если у них появится шанс. Они уже убили одного полицейского...

— Врешь, гад, — сказал Грузный.

— ...так что будьте настороже. Их оружие на полу, но я их не обыскивал, у них почти наверняка есть кое-что про запас.

— Я не знаю...

Появились еще двое патрульных в форме и с пистолетами в руках.

— Смотри-ка, через пять минут здесь будет половина департамента, — сказал Лукас. — Если мы ошиблись, то всегда можем принести свои извинения. Но сейчас держите все под контролем.

— А как быть с этими парнями? — спросил сержант.

— Мы поднимаемся вверх. Вы остаетесь здесь. Никого не впускать и не выпускать. Следите за этой парочкой и соблюдайте осторожность. Возможно, Беккер внизу, он вооружен.

— Беккер?

— Да, — подтвердил Лукас и кивнул Фелл. — Пошли, пора его брать.

Лили позвонила дежурному лейтенанту из пятого участка и приказала послать помощь к дому Лейси.

— Там Беккер, — сказала она. — Ваши люди должны отправиться туда немедленно.

Она бросила трубку и тяжело опустилась в кресло для посетителей в кабинете О'Делла, пытаясь понять, что произошло.

«Мы были в машине...»

Заместитель начальника наклонился над своим дорогим письменным столом и пристально посмотрел на Лили.

— Что все это значит? — спросил он. — Звонил Дэвенпорт? Похоже, прозвучало мое имя.

Его голос был властным и холодным.

Лили покачала головой.

— Я хочу знать, что он сказал, лейтенант! — рявкнул О'Делл.

— Заткнитесь. Я думаю, — ответила Лили.

Глаза заместителя начальника сузились, и он откинулся на спинку кресла. О'Делл пять десятилетий вращался в политических кругах и инстинктивно отреагировал на предупреждение, прозвучавшее в словах Лили. Очевидно, баланс сил мог измениться, а он не знал, где именно. О'Делл решил бросить пробный шар.

— Только не надо играть со мной в игры, лейтенант, — сказал он, делая упор на ее чине. — Возможно, тебе больше подойдет работа на уровне участка.

Взгляд Лили был направлен на противоположную стену, губы слегка шевелились. Наконец она посмотрела на О'Делла.

— Вам следовало уничтожить требование на заказ билета для Рыжего Рида, которого вы отправили в Южную Калифорнию, Джон. У меня есть запрос с вашей подписью. А также документальное подтверждение того, что Рид посещал ваши лекции в Колумбийском университете. Кроме того, мне известно, что вы по меньшей мере однажды помогли ему выйти на свободу после ареста за хранение наркотиков. Так что не начинайте насчет работы в участке.

О'Делл кивнул и удобно устроился в кресле. С этим он мог справиться. Тот, кто умеет ждать, решает любые проблемы. Заместитель начальника молча смотрел на стену у себя над головой. Через некоторое время Лили стерла со щеки одинокую слезу и сказала:

— Мне нужна ваша помощь с компьютером.

— А как насчет Рыжего Рида?

— Видит бог, я не собираюсь использовать то, что мне известно. Точнее, не могу себе представить, при каких обстоятельствах я это сделаю. Просто... мне удалось кое-что обнаружить.

О'Делл не сумел сдержать усмешку. Теперь оставалось решить, кто будет руководить процессом.

— Дэвенпорт, — сказал он. — Ты говорила мне, что не следует его недооценивать. Но он выглядел просто драчуном с этим своим шрамом на лице, да и то, что он сделал с Беккером...

— Два парня из компании Робин Гуда только что появились в доме, где прячется

Беккер. Лукас намерен их взять.

— Что? — растерялся О'Делл.

— Вы поможете с компьютером?

— Расскажи мне, что происходит...

— Я хочу, чтобы вы проверили, что связывает Копленда и Кеннета.

О'Делл задумался, его влажные губы задвигались как у младенца, слышались неприятные причмокивания.

— О нет, — пробормотал он, повернулся к клавиатуре компьютера, включил его, набрал пароль и начал процесс поиска.

Ему потребовалось десять минут. Двойная колонка дат и часов появилась на экране.

— Когда-то, — монотонным голосом начал О'Делл, читая список, — вероятно, они были как отец и сын. Копленд всему его научил, когда они служили патрульными полицейскими. Он был крутым, настоящим профессионалом. В свое время Копленд произвел множество арестов.

— Кеннет приставил его к вам. Когда это произошло?

О'Делл пожал плечами.

— Пять лет назад. Он возит меня все это время. Должно быть, в моей машине есть микрофон или жучок либо он просто слушает наши разговоры. Проклятье, все, что мы говорили, становилось ему известно. — Он посмотрел на Лили. — Как?

— Дэвенпорт изучил все материалы и пришел к выводу, что Робин Гуд — это вы или Кеннет. Он поверил мне, когда я сказала, что это не Кеннет. Во всяком случае, сделал вид, что поверил.

— Я даже польщен тем, что он такого высокого мнения о моих способностях, — усмехнулся О'Делл. — Значит, ты и Дэвенпорт устроили мне ловушку?

— Он предложил, чтобы я контролировала ваши звонки по телефону и при случае передала вам кое-какую информацию, а затем посмотрела, к чему это приведет. Мы не решили, что будем делать дальше, и собирались все обсудить сегодня вечером. А потом события начали стремительно разворачиваться. Когда Лукас сообщил нам по телефону о Беккере, он находился вовсе не в Ситибанке. Он уже вел наблюдение за домом, где прячется убийца. Дэвенпорт предполагал, что вы сразу позвоните и пошлете кого-нибудь из отряда Робин Гуда. И они появились. Но я все это время находилась рядом с вами...

— И что теперь?

По лицу Лили вновь покатались слезы, но казалось, она их не замечает.

— В каком смысле?

О'Делл вопросительно развел руками. При этом на его лице появилось удовлетворенное выражение.

— Складывается впечатление, что сейчас ты контролируешь ситуацию. Так что же мы будем делать?

Несколько мгновений она молча смотрела на него, а потом сказала:

— Вызовите Картера с группой Кеннета.

— Да?

— Объясните Картеру, какова ситуация с Беккером, но прикажите ему отсечь от этой информации Кеннета.

— А что будешь делать ты?

— Не спрашивайте, — ответила Лили, встала и побрела к двери собственного

кабинета. — Проклятье, не задавайте мне таких вопросов, потому что я и сама не знаю.

Беккер замер, склонившись над Бриджит Ленд. Он сжимал в руке скальпель и тихонько напевал...

Когда треснула входная дверь, Беккер вернулся к действительности, посмотрел на себя, словно хотел убедиться, что он все еще здесь, затем перевел взгляд на лежащую на столе женщину, скальпель и записывающее оборудование. Послышались шаги и крики.

Слишком быстро. Они пришли слишком быстро, когда он так близок...

По его щеке скатилась слеза. Вся жизнь прошла под знаком непонимания, его притесняли и не ценили. Бриджит Ленд оставалась в сознании, несмотря на полученные ранения, и беззвучно пыталась вырваться.

«Чтобы закончить с ней, потребуется всего несколько минут», — подумал он. Если только он сумеет взять себя в руки и копы не придут слишком быстро.

Но Дэвенпорт уже рядом. «Пистолет». Беккер повернулся, держа скальпель перед глазами. Оружие осталось в другой комнате.

В нем боролись два желания. Одно толкало к пистолету, чтобы разобраться с Дэвенпортом, другое заставляло сначала закончить с Ленд. Возможно, это будет новый уникальный опыт...

— Не прострели мне задницу, — попросил Лукас.

Он осторожно поднимался по лестнице, Фелл шла за ним, отставая на два шага. На ее побледневшем лице застыло решительное выражение, она держала пистолет на уровне пояса Лукаса, отвернув ствол влево.

— Не смещайся в левую сторону, — сказала она.

— Ладно.

От стен шел сильный запах марихуаны и еще чего-то. Лукас принялся и нахмурил лоб. Кошачья моча? Запах наркотика был застарелым, Беккер тут ни при чем. В любом случае, его не интересовала травка.

Поднявшись на один пролет, Лукас увидел, что дверь на второй этаж приоткрыта. За спиной дышала Фелл, и он ощущал ее аромат на фоне запахов марихуаны и кошачьей мочи...

Он медленно пересек площадку, прижимаясь спиной к стене. Кончиком дула пистолета он распахнул дверь. За ней оказался коридор с дверью в кладовку, еще дальше находилась гостиная; он разглядел левую часть экрана телевизора. Никакого движения или шума. Лукас не ощущал чужого присутствия — нет, здесь никто не прятался.

— Входим.

Он начал подниматься по второму пролету лестницы. Здесь все было забито картонными коробками, покрытыми многолетней пылью и облупившейся штукатуркой.

— Давай, — прошептал он Фелл.

Она кивнула и проскользнула мимо него, направив ствол в проем.

— Теперь ты.

Лукас пригнулся, сделал глубокий вдох и стремительно проскочил в открытую дверь, вытянув вперед руку с пистолетом. Он ловил любое движение, любой шорох... Ничего.

Лукас выпрямился, поднял руку, призывая Фелл сохранять осторожность, вновь оглядел гостиную и только после этого двинулся дальше. Убедившись, что в комнате никого нет, он

поманил за собой Фелл. Проверив гостиную и столовую, они обнаружили возле дивана очки с толстыми бифокальными линзами. Очки пожилой женщины. Быстро проверили шкафы. Ничего.

Кухня оказалась маленькой, здесь сильно пахло вареной свеклой и морковью, а еще кашей. Возле холодильника образовалась лужа. Дверца была закрыта неплотно, и изнутри вытекала вода. Фелл указала на холодильник и прижала палец к губам.

Лукас протянул руку, кивнул и распахнул дверцу.

— О черт, — пробормотала Фелл, отшатываясь.

Миссис Лейси с трудом поместилась в тесном пространстве, но Беккер умудрился решить эту задачу. Голова женщины была повернута к правому плечу, идущий сзади свет сиял, словно извращенная реклама. Вместо глаз остались кровавые дыры. Вокруг тела Беккер аккуратно расставил дюжину банок с кока-колой, одну засунул между рукой и грудью. Две мертвые кошки лежали в пластиковом контейнере для мяса, хвосты свисали наружу.

— Господи, господи... — Лукас отступил назад. — Давай проверим следующий этаж, но сделаем это быстро.

— Ты думаешь, он наверху? — с сомнением спросила Фелл.

Она посмотрела на холодильник и судорожно сглотнула.

— Нет. Если он все еще в доме, то внизу — здесь я ничего не чувствую.

— Да, слишком тихо, — заметила Фелл. — Давай прикрой меня...

Она поднялась на третий этаж мимо картонных коробок, оставляя следы на пыльных ступеньках. Наверху оказались три спальни и старомодная ванная комната. Они быстро проверили шкафы, душ, заглянули под кровати. Никого.

— Теперь вниз, — велел Лукас.

— А крыша?

— Туда мы пошлем пару полицейских. Впрочем, Беккер ищет нору, а не насест.

Шестеро сотрудников рассредоточились по первому этажу. Все с опаской посмотрели на торопливо спускающихся Лукаса и Фелл.

— Он убил пожилую женщину и засунул тело в холодильник, — сказал Лукас сержанту, указывая большим пальцем в сторону лестницы.

Двое из отряда Робин Гуда были все еще прикованы к батарее и молча буравили взглядами Лукаса.

— Мы осмотрели оба этажа, там никого нет. Пошлите двоих парней наверх, пусть поищут выход на крышу. Это мы не проверяли. И скажите им, чтобы соблюдали осторожность. Он вооружен.

— Я пойду сам...

— Нет. Вы останетесь здесь. Ваш чин позволяет удерживать этих типов. — Лукас кивнул в сторону Клемсона и Джиза. — Скоро придет подкрепление, вам осталось продержаться совсем немного. Мы сейчас спустимся в подвал...

— Тогда будьте осторожны, — сказал сержант, еще раз с сомнением посмотрев в сторону двух мрачных полицейских, прикованных к батарее.

Эта часть лестницы была чистой — очевидно, ею часто пользовались. Пока Лукас осторожно спускался вниз, выставив перед собой пистолет, Фелл оставалась наверху, держа под прицелом нижнюю площадку. Если Беккер будет выходить, она увидит его раньше Дэвенпорта. Но как только напарник окажется внизу, он перекроет ей линию огня.

Спустившись, Лукас поднял руку, призывая Фелл быть внимательной.

На последней ступеньке он пригнулся и выглянул за угол. Короткий коридор с бетонным полом заканчивался зеленой деревянной дверью. Над ней висела голая лампочка. Лукас на ощупь нашел выключатель — через мгновение загорелся свет.

Лукас встал, поманил к себе Фелл, и она осторожно спустилась вниз.

— Сходи за кувалдой и приведи человека, который умеет ею пользоваться.

— Я скоро вернусь, — кивнула Фелл.

Лукас ждал, направив дуло пистолета на ручку двери. Если Беккер в подвале, он уже понял, что в доме полицейские. Но если он вооружен, то важно, чтобы он не догадался, когда распахнется дверь...

Фелл вернулась с сержантом, который нес кувалду.

— Группа захвата уже на подходе, — торопливо зашептал тот. — У них бронежилеты...

Лукас покачал головой.

— К дьяволу. Я возьму его сам...

— Послушайте, эти парни справятся с ним без проблем...

— Я не буду ждать, — сказал Лукас и повернулся к Фелл. — А ты?

— Я тебя прикрою или пойду первой, как скажешь...

— Проклятье, вы подставляете свои задницы, — прошептал сержант.

— Дай кувалду, — потребовал Лукас.

— Послушайте меня...

— Дай мне кувалду!

— О черт... — Сержант тряхнул головой и перехватил рукоять. — Я махну кувалдой, а вы, придурки, меня прикроете. Я ударю один раз, а потом брошусь на пол.

— Давай, — сказала Фелл.

Беккер блуждал по темному подвалу, пытаясь вспомнить, почему он ищет диван. Ему в голову пришла песня:

«Иисус меня любит, я это знаю, так говорит мне Библия...»

Когда-то он слышал, как ее пели на похоронах, помнил бронзовый гроб, находившийся выше его головы, и пение хора. Воспоминание было удивительно ярким, словно он только что вошел и все это увидел...

Его щеку задел паук, ему стало щекотно, и картина похорон исчезла. Наверху послышался глухой удар. Вот оно! Звуки. Он должен подойти к дивану из-за шума наверху.

Диван был отодвинут от стены, Беккер обошел его и сел на ковер. Пистолет ждал — дешевая хромированная сталь. Заряжен. Два патрона. Беккер взял оружие.

— Привет, — сказал он и засунул ствол в рот, как курильщик — трубку.

Некоторое время он просидел так, затем вытащил пистолет и посмотрел на дуло.

Привет...

Его указательный палец напрягся, он ощутил сопротивление спускового крючка... и в голове внезапно прояснилось. Все стало прозрачным, как вода в озере. Он увидел себя, скорчившегося в углу подвала. Вот входит Дэвенпорт. Беккер представил себя со скрещенными на груди руками, опущенными плечами и склоненной головой.

Дэвенпорт подходит ближе, кричит на него. Сам Беккер стоит, перекатываясь с носка на пятку. Он ощутил пистолет в прижатой к груди руке — другая рука его полностью скрывала. Увидел, как коп тянется к нему, приказывая повернуться. Дэвенпорт ничего не

подозревает, ни о чем не думает, не ждет. Беккер представил, как неожиданно приставляет «дерринджер» к груди полицейского и спускает курок, выстрел — и лицо Дэвенпорта...

Сержант посмотрел на Лукаса и приподнял бровь. Готовы? Лукас кивнул. Сержант сделал вдох, поднял кувалду над головой, немного помедлил, а потом нанес сокрушительный удар. Дверь вышибло внутрь, сержант упал на пол. Из темноты не раздалось выстрелов, и сержант, нащупывая свой пистолет, отполз обратно мимо Фелл.

— Я слишком стар для такого, — пробормотал он.

— Фонари, — сказал Лукас, не отрывая взгляда от подвала.

— Что?

— Нам нужны фонари...

Осторожно выглядывая из-за угла, они поняли, что в подвале не абсолютная темнота. Где-то находился источник света, но что-то заслоняло его; казалось, слабый лучик просачивается сквозь щель в приоткрытой двери или падает от ночника в комнате ребенка. Лукас и Фелл, глядя вперед через прицелы своих пистолетов, видели темные очертания мебели в форме прямоугольника — возможно, книжный шкаф.

— Принес, — сказал сержант.

— Направь свет из-за угла на высоте головы. Постарайся отвести руку как можно дальше. Скажи, когда будешь готов, я начну стрелять на вспышки. — Лукас посмотрел на Фелл, увидел испарину на ее лице и улыбнулся. — Жизнь в большом городе.

Сержант кивнул.

— Готовы?

— Конечно.

— Сейчас.

Сержант вытянул руку за угол и включил фонарь, а Лукас, четырем футами ниже, направил в проем пистолет и осторожно заглянул внутрь. Все тихо. Сержант немного сместился вперед и повел лучом, освещая весь подвал.

— Я иду, — сказал Лукас.

— Давай, — отозвалась Фелл.

Лукас просунул голову в дверь, лег на пол, прополз вперед, вытянул руку, нащупал выключатель и зажег свет. Загорелась единственная лампочка. Никакого движения. Он присел на корточки, чувствуя, что сзади находится Фелл.

— Что это? — прошептала она.

Лукас прислушался.

— Иисус любит меня...

Нет, это не был голос ребенка. Но и взрослому он не мог принадлежать. «В нем отсутствует все человеческое», — подумал Лукас. Что-то из мира кино, какой-то жуткий спецэффект, от которого стынет кровь.

— Потому что так говорит мне Библия...

— Беккер, — прошептал Лукас. — Кажется, он там...

Лукас уже находился внутри подвала и передвигался вперед приставным шагом, держа пистолет обеими руками. Всякий раз, когда он переводил взгляд, он направлял туда же дуло. За его спиной Фелл прошептала:

— Я беру правую сторону.

— Справа вас прикрою я, а ты следи за темной дверью, — сказал сержант, входя со

своим жалким пистолетом тридцать восьмого калибра.

— Поняла.

— Беккер в углу, — сообщил Лукас.

Он выпрямился, разглядывая обитый велюром диван. Он был отодвинут от стены, и неземной голос доносился именно оттуда.

— Беккер, — позвал он.

— Иисус любит меня...

— Встань!

— Я это знаю...

Лукас сосредоточил все внимание на диване и стал медленно приближаться, держа пистолет в вытянутых руках. Вскоре он увидел верхнюю часть головы Беккера, гладкую, бритую, подрагивающую в такт простому мотиву песни.

— Вставай, гад! — заорал Лукас и повернулся к Фелл и сержанту: — Он здесь, я его нашел!

— Возможно, он вооружен, осторожно...

Продолжая держать на прицеле макушку Беккера, Лукас обошел диван и посмотрел на убийцу сверху вниз. Тот поднял глаза и встал, держа руки скрещенными на груди, продолжая раскачиваться и напевать.

— Повернись спиной! — закричал Лукас.

Фелл подошла и оказалась рядом с ним.

— Чертов псих, — прошептала она.

— Следи за ним, следи...

Она шагнула в сторону, чтобы иметь лучший угол обстрела, а потом шлепнула себя ладонью по лицу несколько раз подряд и провела рукой над головой.

Лукас искоса посмотрел на нее.

— Что такое?

— Я запуталась...

Голова Беккера повернулась, словно шар, вращающийся в выемке.

— Пауки...

Сержант, стоявший до этого у кухонной двери, медленно приближался к ним. Он щелкнул выключателем, и Фелл слабо застонала, отбиваясь от каких-то предметов, висящих у нее над головой.

— Убирайтесь, — прохрипела она. — Отвалите...

Они болтались на черных нитях, привязанных к проволочным вешалкам для одежды. Теперь они описывали орбиты вокруг головы Фелл. Маленькие высохшие разноцветные ресницы были столь же ухожены, как в тот день, когда их отрезали вместе с веками...

Фелл отшатнулась от них, широко раскрыв рот.

— Я его взял, — сказал Лукас.

Ствол его пистолета находился в трех футах от пустых глаз Беккера.

Сержант двинулся вперед. Из-за спины Фелл сквозь приоткрытую дверь кухни просачивался свет. Он был жестким, ярким и профессиональным. Когда сержант сделал еще один шаг, Фелл распахнула дверь.

Беккер повернулся к Лукасу, продолжая держать руки скрещенными на груди.

— Пау...

На кухонном столе лежала пожилая женщина, она была связана, во рту кляп,

зафиксированный проволокой. Глаза, неспособные закрыться, смотрели в потолок, кожа на груди содрана...

Она была жива.

— Проклятье! — закричала Фелл.

Она развернулась, наводя пистолет.

— Нет!.. — успел сказать Лукас.

— ...ки, — закончил Беккер.

Одна его рука упала вниз, вторая начала подниматься. Он направил «дерринджер» в грудь Лукаса...

...И Фелл выстрелила. Одинокая пуля вошла в переносицу Майкла Беккера и снесла заднюю часть гладкой бритой головы.

Стены кабинета Лили растаяли, и возник Петти, его взрослый образ, наложенный на детский.

А потом появилось лицо Кеннета.

Оно оставалось в темноте, в спальне Лили. Кажется, была зима: она купила рождественскую елку, когда возвращалась откуда-то из штата Мэн, заехала на стоянку на Шестой авеню, и сейчас отчетливо помнила хвойный запах в квартире во время их разговора.

Никакого секса, они просто спали вместе. Кеннет шутил по этому поводу, но чувствовал себя несчастным. После сердечного приступа прошло совсем мало времени.

— Ты возишься с ненормальным, — сказал он. — Не могу в это поверить. Тебе мало меня, тебе нужен еще и чокнутый на стороне.

— Он вовсе не чокнутый, — возразила она.

— Ладно. Придурок. Зануда. Реванш всех зануд, лично добравшийся до Ричарда К. Кеннета. Придурок может разводиться занудство с моей женщиной. Или нет, зануда дурит с моей женщиной. Или подожди...

— Заткнись, — с шутовой суровостью прервала его Лили. — Или я займусь твоими деликатными частями, а потом брошу — когда у тебя будет все в порядке со здоровьем, естественно.

— Лили...

Его голос изменился. Думает о сексе.

— Нет. Извини, что я это сказала.

— Ладно, тогда вернемся к придурку...

— Он не придурок. Уолт очень хороший человек, и если он сумеет решить поставленную перед ним задачу, то пойдет на повышение.

Да, она говорила о Робин Гуде. Говорила в постели. Рассказала о парнях из отдела сбора информации, которые вышли на него, сообщила Кеннету, что к делу привлечен Петти, и много рассуждала о компьютерах.

Она выложила всю информацию далеко не сразу. Это происходило постепенно, шаг за шагом. Болтовня в постели. Но Кеннет знал практически все. А если добавить то, что подслушивал Копленд, то картина у них получилась почти полной.

Образ Уолта парил у нее перед глазами: гладкие волосы зачесаны вниз, но не скрывают красных ушей, он бежит по тротуару в Бруклине, держа над головой листок бумаги, и так счастлив ее видеть.

— Это я тебя убила, — сказала она, и ее голос прозвучал как карканье ворона в разгар зимы. — Я убила тебя, Уолт.

Река была темной, как чернила, но вода казалась густой, маслянистой и беспокойной, словно ее что-то подталкивало на последних милях в сторону моря. На востоке встала полная луна, красная и огромная, частично скрытая городским смогом. Лили подождала, когда пожилой ночной сторож и его собака окажутся в дальней части пристани, а потом открыла ворота своим ключом.

Как и всегда, места у причала были забиты лодками. Пристань освещалась тускло — желтые фонари стояли слишком далеко друг от друга. Якорные огни на мачтах полудюжины яхт на приколе отражались в воде. Тут и там в иллюминаторах поблескивал свет, легкий бриз заставлял фалы постукивать об алюминиевые мачты, и раздавался приятный звон, словно ветер играл колокольчиками. Аромат марихуаны висел над маленькой парусной шлюпкой «Капри», из крошечной кабины доносился мужской смех. Лили вышла из марихуанового облака, и ей в ноздри ударил запах реки: сочетание гниющей рыбы и тины.

— Лили. — Голос Кеннета донесся из темноты, когда она подошла к «Лестрейду». Он сидел у штурвала и курил сигарету. — Я не знал, придешь ли ты.

— Ты слышал о Беккере?

— Да. И о том, что меня отстранили от операции.

Лили вошла в кубрик, села и посмотрела на Кеннета. Его лицо оставалось спокойным и серьезным; он не отводил глаз.

— Ты Робин Гуд.

— Чушь собачья, — устало ответил он и швырнул сигарету в воду.

— На мне нет записывающих устройств, — сказала она.

— Встань и повернись.

Лили послушалась, и Кеннет провел руками по ее телу, затем скользнул ладонью по ногам.

— Дай мне сумочку.

Он открыл сумочку, включил электрический фонарь, закрепленный на бакштаге, и заглянул внутрь. Порывшись, он вытащил из кобуры пистолет сорок пятого калибра, вынул из него обойму и один за другим бросил патроны в воду. Затем отвел затвор, чтобы проверить, нет ли патрона в стволе, — пусто.

— Тебе следует досылать патрон, — посоветовал он.

— Я здесь не для того, чтобы обсуждать, как обращаться с оружием, — сказала Лили. — Я намерена поговорить о Робин Гуде — и о тебе. О том, как ты использовал меня в качестве марионетки, чтобы шпионить за О'Деллом. И об убийстве Уолта Петти.

— Я не обманывал тебя, — резко возразил он. — Я начал с тобой встречаться, потому что ты мне нравилась и я тебя полюбил. Ты красивая и умная, ты из полиции, а на свете совсем немного женщин, с которыми я могу общаться.

— Я не сомневаюсь, что нравлюсь тебе, — парировала Лили, приготовившись к бою. — Но это не мешало тебе получать от меня полезные сведения. По дороге сюда я вспоминала, как мы здесь лежали на койке и ты предавался диким фантазиям о том, как О'Делл занимается сексом. Ты не забыл? Должно быть, ты заранее все продумывал, чтобы заставить меня говорить об О'Делле. А до этого — об Уолте. Когда я вспоминаю о вещах, которые тебе рассказывала, мне становится очевидно, что я чувствовала себя здесь в полной безопасности.

Ты был моим любовником и собратом-полицейским. Господи, всякий раз, когда мы оказывались в постели, ты выкачивал из меня информацию.

— О чем ты, Лили?.. Лили, если ты что-то и говорила про О'Делла или Петти... то это было лишь побочным результатом. Я спал с тобой вовсе не для того, чтобы что-то вытягивать из тебя. Боже мой...

— Заткнись! — Лили протянула руку и выключила фонарь на бакштаге. Кубрик вновь погрузился в темноту. — Я хочу знать кое-какие подробности. Мы взяли Джиза и Клемсона, их задержал Дэвенпорт, и нам известно о Копленде...

— Я не сомневался ни секунды, что Дэвенпорт опасен, — хладнокровно заявил Кеннет. — Не могу сказать, что я его недооценивал. Я понял, что Дэвенпорт по-настоящему хитрый сукин сын, когда он обратил внимание на Гогена и заговорил о моем галстуке. Но я ничего не мог с собой поделаться — он мне нравился.

— Так вот почему твои парни пытались его избить, вместо того чтобы прикончить?

Кеннет ухмыльнулся — она увидела его зубы. Улыбка получилась невеселой.

— Еще одна ошибка, — сказал он. — Ты начинаешь думать, что Нью-Йорк — это нечто особенное и парень из маленького городка не сумеет справиться с двумя настоящими спецами. Мы собирались сломать ему пару ребер, чтобы он выбыл из строя на месяц. Парни сказали, что он оказался быстрым, как профессиональный боец. Мои люди были по-настоящему напуганы — если бы они немного помедлили, он бы их прикончил. Дэвенпорт уже почти вытащил пистолет...

— Да, им повезло, — сказала Лили. — А почему ты не предпринял новой попытки?

Кеннет пожал плечами.

— На тот момент мы поняли, что нужно либо расправиться с ним, либо оставить его в покое. Нам показалось, что он слишком далек от разгадки, чтобы его убивать. К тому же я не уверен, что они согласились бы сделать это. Уже и с Петти было непросто их уговорить. Сообщение Дэвенпорта заместителю начальника, которое перехватил Копленд, было ловушкой?

— Не совсем. Именно Лукас нашел Беккера. Он поставил в известность О'Делла, чтобы проверить, не появятся ли убийцы. Так оно и вышло, но я все время находилась рядом с О'Деллом. Он никому не звонил. И тогда я стала размышлять.

— Проклятье. Я думал о том, чтобы не трогать Беккера.

— Да, тебе так и следовало поступить.

— Но я не мог. Я не знал, что он скажет о...

Кеннет смолк, погрузившись в воспоминания.

— О парнях, которые на глазах у Беккера застрелили Уолта, — продолжила за него Лили. — Джиз и Клемсон. Толстый и Тощий.

— Нет, — ровным голосом проговорил Кеннет. — Это не они.

— Вранье, — вспыхнула Лили. — Они подходят под описание.

— Нет. Вовсе нет.

— И кто же это сделал?

— Я тебе не скажу, но это не Клемсон и Джиз. — Он потянул себя за нижнюю губу. — Старина Копленд. Хороший парень. Что с ним будет?

— О'Делл что-нибудь придумает. Сколько вас всего? И скольких людей вы убили?

Кеннет покачал головой.

— Нас... несколько человек. Одиночки и пары. Никто из них не знает о других, а я не

стану тебе о них рассказывать.

— Мы можем поместить Джиза и Клемсона в «Аттику» — вооруженное нападение на офицера полиции. А если О'Делл захочет, он найдет способ решить проблему с пенсией Копленда. И тот проведет последние двадцать лет своей жизни, сидя на скамье в парке. Или будет спать на тротуаре, завернувшись в одеяло Армии спасения.

— Проклятье, не вздумайте так поступать, — прошептал Кеннет.

— Все происходит именно так, когда ты проигрываешь, — произнесла Лили ледяным голосом.

— Мы все делали правильно, — сказал Кеннет. — Я всех отзову. Оставьте нас в покое, и я уведу своих людей. Если захотите, уйду в отставку.

— И станешь писать для «Таймс»? Там ты будешь представлять еще большую опасность, чем на своем нынешнем месте.

— Так чего ты от меня хочешь?

— Я хочу знать все имена.

Кеннет покачал головой.

— Нет. Этого не будет никогда. Если я все расскажу тебе, то могут произойти две вещи: хороших парней вышвырнут вон или О'Делл создаст свой собственный штурмовой отряд. Я не позволю толстому продажному алкоголику сделать это, я не буду... — Его голос стал холодным. Сквозь стиснутые зубы Кеннет добавил: — Ты мне действительно нравишься. Но самое худшее в тебе то, что ты связана с этой... с этой... омерзительной шляхой О'Деллом.

— Ты все перепутал, это я шляха, — сказала Лили. — Именно от меня ты получал информацию.

— Да пошла ты! — Кеннет отвернулся. — Если хочешь что-то извлечь из этой истории, обращай в суд. И я порву тебя в клочья. А теперь проваливай с моей яхты.

— Но прежде я задам тебе еще один вопрос.

— Какой?

— Почему Уолт?

Кеннет долго смотрел на нее, достал из кармана рубашки пачку сигарет, вытряхнул одну, зажег спичку и закурил. Потом выбросил спичку за борт. Они услышали, как она зашипела и погасла.

— У меня не было выбора. Петти и его чертовы компьютеры... Когда я все это начинал, никто и понятия не имел о программах и о том, на что они способны. Они были похожи на электрические папки с досье. Смотреть в компьютер было все равно что рыться в лежащих на столе бумагах. Мы не знали, что всякий раз, обращаясь к какому-то файлу, ты оставляешь след. И Петти нас раскрыл. Нам требовалось время, чтобы все исправить. И мы это сделали вся лишняя информация стерта. — Он посмотрел на реку, на Манхэттен, сияющий над ней, на арки мостов. — Послушай, Лили. Если ты сможешь убрать пятьсот или тысячу человек с Манхэттена, то жизнь здесь станет на восемьдесят процентов безопаснее. Можно превратить его в настоящий рай.

— Только не тысячу, — возразила Лили. — Скорее десять тысяч.

— Нет, вовсе нет. Тысячи достаточно. Вероятнее всего, мы не сможем прикончить тысячу, но нам по силам многое изменить. Арвин Дэвис. Ты его знаешь? Был ли он одним из...

— Да.

— Мы думаем... по агентурным сведениям... на его совести около сотни самых разных

преступлений: нападения, ограбления, изнасилования, убийства. Он мог совершить еще столько же. Теперь он ничего не сделает.

— Ты не имеешь права принимать такие решения.

— Конечно, имею. Кто-то же должен, — сказал Кеннет, глядя на Лили. — Средний наркоман совершает от пятидесяти до ста ограблений, прежде чем его поймают, а за мелкие нарушения закона его отпускают. Происходят сделки с адвокатами, в крайнем случае он проводит за решеткой от тридцати дней до шести месяцев. Этого недостаточно. Если мы выпустим на свободу тех, кто совершил одно убийство в состоянии аффекта, и посадим всех наркоманов, Манхэттен станет цветущим садом. Даже те, кого нам удалось убрать... Господи, мы предотвратили тысячу преступлений с применением насилия в год!

— И сколько было жертв?

Он покачал головой.

— Тебе незачем это знать. Но мы так поступали именно по этой причине.

— Вот почему вы убили Петти? Чтобы у нас был цветущий сад?

Кеннет отвернулся.

— Нас не радовало, что пришлось на это пойти. Но у нас не осталось выбора. Кстати, О'Делл пытался сфабриковать против меня обвинение. У него был свидетель, который якобы видел меня, когда застрелили Уэйтса.

— Я знаю.

Брови Кеннета поползли вверх.

— Знаешь?

— Дэвенпорт нашел парня, который вроде бы тебя видел. Он отыскал его в Чарльстоне, сумел расколоть и выяснил, что показания были фальшивыми.

Кеннет улыбнулся.

— После того как Дэвенпорт вернулся в Миннеаполис, на следующий же день он вылетел в Чарльстон. Тогда мне это показалось странным для такого парня, как он.

— А как насчет остальных? Уэйтс был болтуном, но...

— Они способствовали разложению. Боже мой, посмотри сюда, на этот город, представь, каким бы он мог быть...

Она бросила взгляд на воду, на мерцающие огни, похожие на звезды Млечного Пути, только более близкие.

— И ты все это продал. А меня использовал, как паршивую туалетную бумагу.

— Чепуха, — отрезал Кеннет.

Его лицо побагровело.

— Когда убили Уолта, я пришла сюда и рыдала у тебя на плече, а ты взял все хлопоты на себя, погладил меня по голове и отвел вниз, где мы занимались любовью и ты меня утешал. Я не могу поверить, что я в этом участвовала.

— Ну да...

— Что «да»?

— Такова жизнь. — Он стиснул зубы. — А теперь уходи, Лили, иди к дьяволу.

Лили встала и сделала шаг к причалу. А потом другой — к Кеннету.

— Что... — начал Кеннет.

Она ударила его наотмашь, так сильно, что едва не сбила с ног. Он шагнул к ней, прижав ладонь к лицу, а потом схватил ее за руку.

— Проклятье, Лили!

— Отпусти меня!

Лили попыталась вырваться, но он продолжал ее удерживать. Некоторое время они боролись, и его лицо покраснело еще больше. Внезапно его плечи расслабились, и Кеннет отпустил ее руку.

Он повернулся, попытался сесть на корточки, но рухнул на колени.

— О господи! — Он задыхался. — Лили... в моей сумке, внизу...

Его таблетки. Они остались в сумке. Лили повернулась в сторону каюты.

Тело Кеннета содрогнулось, и он упал на палубу, лицо напряглось еще сильнее, на шее вздулись жилы.

— Лили...

Она остановилась. Перевела взгляд на Кеннета. А потом, не торопясь, направилась к трапу и сошла на причал. Задержалась на несколько мгновений, глядя на город, и снова посмотрела на Кеннета. Его лицо стало белым как мел, рот судорожно раскрылся, глаза уставились в пустоту. Рука скребла по палубе, словно он старался удержаться на ней.

— Лили...

— Передай привет Беккеру, — сказала она.

О'Делл сидел в полутемном кабинете. Он не скрывал удовлетворения, словно лягушка-бык, сумевшая поймать особенно вкусную муху.

— Мне плевать на то, что ты думаешь.

— А мне хочется встать и начистить тебе морду, — прорычал Лукас.

— Тюрьмы Нью-Йорка — паршивое место, — кротко ответил заместитель начальника. — Я могу предложить тебе небольшую экскурсию...

Лукас покачал головой.

— Нет, у тебя ничего не выйдет. Я слишком много времени провел с Рыжим Ридом. У нас есть свидетель. А потому я вытрясу из тебя дерьмо, и если ты посадишь меня за решетку, я расскажу газетчикам о Риде и о том, что ты скрыл свидетеля убийства известного черного политика. И ты тут же окажешься рядом со мной.

О'Делл на минуту погрузился в размышления, а потом вздохнул, и его тяжелые веки почти скрыли глаза.

— Хорошо. Если ты намерен подраться, то зачем тянуть? Я хочу спать.

Они с минуту сидели молча, затем Лукас произнес:

— Ты знаешь, что я не стану этого делать. Но, проклятье, ты мне должен. Из-за твоих подлых игр меня отделали громилы Кеннета. И я хочу знать, что именно было подстроено заранее. Ты догадался, что за этим стоял Кеннет? Была ли втянута в твои игры Лили? А как насчет Фелл? Кто еще в курсе?

— Лили не имела к этому ни малейшего отношения. Она утверждает, что, по твоему мнению, Фелл играла роль тревожной кнопки. Мне неизвестно, так ли это, но такая возможность существует.

— А Кеннет?

— Да, я знал про него и еще двух парней — откровенно говоря, ты и Лили должны были догадаться, — сказал О'Делл. — Расследование Петти не было телевизионным шоу. Он не работал в одиночку и не оставлял свои выводы для себя. Каждый день Петти приходил в мой кабинет и рассказывал о результатах. Мы засекли Кеннета и еще двух полицейских — к сожалению, среди них не было Копленда. И мы не знали, что у Кеннета имелись собственные компьютерщики. Мы считали, что можем войти в систему в любое время и распечатать доказательства. А потом Петти убили, и его документы исчезли. Когда я обратился к системе, оказалось, что все файлы вычищены. У меня осталось лишь несколько имен и никаких улик.

— И тогда ты нас подставил.

Заместитель начальника самодовольно улыбнулся.

— Да. Лили рассказывала о тебе. Говорила, что ты очень умен. И я видел одну из твоих игр. Тогда я поручил поиски Беккера Кеннету, познакомил тебя с ним, сделал вас с Фелл напарниками, а Лили предложил поддерживать с тобой связь. Создалось избыточное давление, и взрыв был неизбежен. В любом случае я ничего не терял.

Лукас обдумал его слова, встал, потянулся и, зевнув, подошел к окну. Он отвел в сторону тяжелые шторы и посмотрел на мерцающий город.

— Знаешь, это проклятое место — одна большая заплата. Я уже рассказывал о своей гипотезе большой заплаты?

— Да.

— И я оказался еще одной заплаткой.

— Да.

Лукас снова потянулся и подошел к двери.

— Классная получилась игра, — сказал он.

О'Делл посмотрел на него и рассмеялся низким долгим смехом, не скрывая удовольствия.

— Так оно и есть!

Лукас сидел за небольшим круглым столиком из искусственного дерева в отделанном пластиком баре, украшенном фотографиями старых самолетов в пластмассовых рамках. Сквозь прозрачные плексигласовые стены он видел, как пассажиры проходят через терминалы на посадку. Он посмотрел на часы — примерно три двадцать семь дня. Как выяснилось, с «Ролексом» это «примерно» всегда оставалось вполне приемлемым. Равнодушно потягивая «Будвайзер», Лукас просто убивал время.

Фелл появилась в половине четвертого, стройная, по-птичьи нескладная и сильная. Возможно, она была сердита или чем-то недовольна. Она остановилась в конце длинной очереди к терминалу, огляделась и нашла бар. У двери она помедлила, и Лукас помахал ей рукой. Фелл заметила его и стала пробираться между столиками. Увидев стоящий у его ноги чемодан, она подняла глаза и сказала:

— Значит, я оказалась женщиной на три ночи, или как там оно называется.

— Не совсем так, — возразил Лукас. — Присядь.

Фелл осталась стоять.

— Я думала, что мы можем съездить куда-нибудь вместе.

У нее на глазах выступили слезы.

— Присядь, — повторил Лукас.

— Ты скотина, — сказала она, но тяжело опустилась на стул напротив и бессильно уронила руки между коленей. — Ты говорил, что мы...

— Я хотел предложить тебе отправиться на острова вместе со мной, — возразил Лукас. — Я даже звонил в аэропорт Кеннеди и в «Юнайтед», чтобы выяснить, на какие острова мы можем полететь.

Она опустила глаза на столик и попросила:

— Говори.

— В общем, я... не могу.

Он вытащил из кармана красный спичечный коробок и бросил его на стол перед Фелл. На коробке была голова лошади. Фелл взяла спички и убрала в сумочку.

— Ты бывала в ресторане, около которого убили Уолтера Петти, — сказал он. — А мне говорила, что нет.

— Да?

— Да. Я видел спички в твоей квартире.

— Когда?

— Ну, когда мы там были...

— Ерунда, я их выбросила. Когда я подумала, что ты можешь ко мне зайти, я увидела их и подумала: «Мне нужно от них избавиться». И выбросила их. Так когда же ты их видел?

Он спокойно посмотрел на нее.

— В первый же день, когда мы начали работать вместе, я вытащил из твоей сумочки ключи и сделал слепок. А на следующий день побывал у тебя.

— Ах ты, сукин сын, — сказала она, и в ее глазах появилось понимание. — Ты записываешь наш разговор?

— Нет. Ты мне слишком нравишься. Проблема в том, что я не верю тебе. Не могу доверять полностью. Я думал о том, чтобы слетать с тобой на острова, и понял, что это невозможно. Я бы обязательно заговорил с тобой на эту тему, но потом...

Он не стал заканчивать свою мысль, а Фелл промолчала.

— Я пытался найти какое-нибудь оправдание и вернуться в Миннесоту, но ничего не сумел придумать. Впрочем, я хотел тебе все объяснить.

— Что ж, я это ценю. Но тебе не о чем было беспокоиться. Это не самая серьезная улика...

— Речь идет не только о спичках. Вся эта история была игрой, поставленной О'Деллом. У него получилось так красиво, что мне хочется смеяться. Он использовал каждого из нас. Но так или иначе, он пропустил имена жертв через компьютер. Ты слишком часто оказывалась рядом. А это уже серьезно.

Фелл нахмурилась.

— Меня возьмут?

— Нет, я так не думаю. Считается, что ты лишь тревожная кнопка.

Он все объяснил, Фелл молча слушала, глядя в пол.

— И ты не стал возражать? — спросила Фелл, когда он закончил.

— Нет. Именно я подбросил эту идею.

— Почему?

Он пожал плечами.

— Ты мой друг.

Она пристально посмотрела на него и кивнула.

— Ладно.

— Если Лили когда-нибудь узнает о твоей причастности, она может тебя убить. Вот еще одна причина, по которой я хотел с тобой поговорить...

— Она убила Кеннета? — выпалила Фелл.

— Кеннета? Нет-нет, она весь вечер была с О'Деллом.

— Проклятье, — выругалась Фелл и принялась грызть ноготь. — Когда я застрелила Беккера...

— Он успел тебя разглядеть, — сказал Лукас. — Вот почему он ничего не написал в своем письме о Тошце. Он не хотел, чтобы люди опасались убийц-женщин.

— Да, — сказала Фелл. — Но я застрелила выродка не из-за этого. Я прикончила его из-за ресниц и той женщины... и из-за всего.

— Знаю. Я верю тебе. Но почему Петти?

— Я не хотела убивать его. — Голос Фелл стал совсем тихим. — Я была там, но пыталась помешать.

— Тебе вовсе не обязательно было в этом участвовать.

— Ну... так уж вышло. Будь у меня чуть больше времени, мне бы удалось отговорить другого парня. Но Уолтер вышел из дверей немного раньше. Если бы он задержался на минуту, ничего бы не произошло. Во всяком случае, тогда. У Петти что-то было на нас. Из-за него я буду гореть в аду.

— Я в этом сомневаюсь, — сухо заметил Лукас.

— Я тоже, — сказала Фелл. — Но я бы хотела слетать на острова. С тобой.

— Да, это было бы чудесно. Но о тебе знаю только я. А ты слишком хорошо управляешься с пистолетом... и можешь начать размышлять об этом, когда я буду рядом.

— Нет, я бы не стала, — сказала она, но не сумела скрыть улыбки. — Впрочем, забавно, что ты меня побаиваешься.

— Хм, да...

Она вздохнула.

— Проклятые полицейские дамские угодники. Все вы склонны к предательству.

— Еще я хотел сказать тебе о Лили, — добавил Лукас.

— Что?

— У нее есть улики на полдюжины стрелков Кеннета. И она не остановится. Но я хочу, чтобы ты знала две вещи: во-первых, у них нет доказательств. Они лишь хотят, чтобы убийства прекратились.

— А во-вторых?

— Если кто-нибудь доберется до Лили, я вернусь в город, — пообещал Лукас.

Он пристально смотрел на Фелл, и его глаза стали жесткими, как гранит.

— Тебе бы следовало быть одним из нас...

— Передай остальным, — холодно добавил он.

— Я никого не знаю, кроме моего... напарника... и еще одного человека. Но я им скажу. Возможно, им известно больше. Мы никогда это не обсуждаем — один из принципов Кеннета. «Никто никогда ни о чем не говорит», — часто повторял он.

— Хорошее правило. — Лукас посмотрел на часы. — Скоро появится Лили.

— Здесь?

— Да, мне и с ней нужно поговорить.

— Тогда я лучше пойду.

Фелл взяла сумочку, встала и сделала шаг от стола, но потом обернулась.

— Помнишь, как ты сказал в тот день, когда мы впервые были вместе: «Это самое дрянное место Вселенной»?

— Да.

— Люди Кеннета... мы хотели изменить Нью-Йорк.

— Понимаю.

— Мы ошибались?

Он немного подумал и наконец ответил:

— Я не знаю.

Фелл ушла, а Лукас задумчиво уставился на свою бутылку с пивом, оставившую круглый мокрый след на столике. После стрельбы в подвале, после того как они дали показания, после пресс-конференции он вернулся в участок. Большинство полицейских разошлось, но он отыскал специалиста по компьютерам и попросил его найти информацию на двух сотрудников — Джиза и Клемсона.

Оператор усадил его за пустой терминал и показал, как вызвать нужные файлы. Лукас быстро прочитал их, а потом набрал имя Фелл. Когда документ открылся, он просмотрел его от начала до конца и нашел адрес ближайшего родственника: Рой Фелл, живет в Бруклине. Он набрал «Рой Фелл». Появилась надпись: «Вышел в отставку. Восстановить файл?»

(Да/Нет)».

Лукас нажал «Да». Дальше оставалось лишь сделать выбор в простом меню, и на мониторе появилось лицо отца Фелл. Крупные черты, седые волосы, седые усы и улыбка, показавшаяся Лукасу почти болезненной. Рост шесть футов и два дюйма. Родился в тысяча девятьсот тридцатом году. Беккер описал его очень точно.

— Толстый, — сказал Лукас.

— Что? — спросил оператор.

— Ничего, — ответил Лукас и выключил терминал.

Сидя в аэропорту и рисуя круги доньшком пивной бутылки, Лукас думал: «От семьи никуда не денешься...»

Лили опоздала на десять минут. Как и Фелл, она остановилась возле очереди, чтобы отыскать бар, потом вошла и сразу увидела Лукаса. Ее лицо было усталым и бледным, но она держала себя в руках.

— Ты говорил с О'Деллом, — сказала она, усаживаясь за столик.

— Да.

— Он все это организовал.

— Точно.

— Когда ты это понял? — спросила она.

— В Чарльстоне. Подозрения возникли еще раньше — все были связаны друг с другом, получалось как-то уж слишком удобно. Но я не знал наверняка, что он не Робин Гуд.

— Ты и сейчас считаешь, что Фелл была тревожной кнопкой?

— Да, я почти уверен. Но не совсем. Мне кажется, что Кеннет ее просто подставил. Ведь она участвовала в аресте тех двух парней из его отряда. Ее пистолет находился возле моего уха — она вполне могла этого не делать.

— Говорят, что Робин Гуд достал Беккера.

— А чего еще можно было ждать? Его следовало застрелить.

Лили сидела, глядя на поддельное дерево столешницы.

— Когда ты понял, что за этим стоит Дик? — спросила она.

— Заместитель начальника пытался его подставить — помнишь ту историю с седовласым мужчиной, убившим политика? Я не знал, что все это придумал О'Делл, но даже тогда подумал о Кеннете.

— Но...

— Когда мы побывали в доме, где жил Петти, женщина по имени Логан рассказала, что человек, который приходил в его квартиру, остановился, прежде чем сесть в лифт, а когда он вышел из лифта, то слишком долго не подходил к двери...

— Конечно, — сказала Лили, отводя взгляд в сторону. — Дик.

— Да, но тогда я не догадался. Я считал, что он не может сесть за руль. Так все думали, и я видел, как шофер привозил его в участок. А если он не мог водить, значит, это был не Кеннет. А если бы его возил Копленд или кто-то из других его парней, то ему бы не пришлось самому подниматься по лестнице. Он бы просто послал водителя, чтобы тот забрал все, что нужно, из квартиры Петти. В результате я на некоторое время перестал его подозревать. До того дня на реке, когда ты сказала, что он водит машину. Что Кеннет садится за руль своего мощного полноприводного автомобиля и тебя это пугает...

— Значит, я предала не только Петти, но и Дика.

— Лили, перестань распускать нюни. Ты сделала все, что было в твоих силах, в этом крысином гнезде, — ответил Лукас.

— И все умерли, — сказала она.

— Послушай... — Говорить больше было не о чем. Лукас посмотрел на свой «Ролекс». — Мне пора. Пассажиры, наверное, уже садятся в самолет.

Когда они подошли к концу очереди, Лукас сунул руки в карманы, посмотрел на Лили и сказал:

— Если бы это было кино, то сейчас последовал бы жаркий поцелуй и все стало бы хорошо.

У нее были глаза, достойные кисти Рембрандта.

— Но после фильма больше ничего не происходит, — ответила она. — Все заканчивается поцелуем, и никто не видит той части, в которой люди возвращаются к работе.

— Той части, которая рассказывает о самом важном...

— Да. По правде говоря, я думала, что жаркий поцелуй достанется Фелл. И считала, что ты отправишься с ней на острова.

— Нет. Она из Нью-Йорка, а я — нет. А кроме того...

— Что?

— На самом деле никаких островов не существует?

Лили отвела глаза, думая о Петти и Кеннете.

— Да, — сказала она после минутной паузы. — Наверное, ты прав.

Они еще немного постояли, а потом она протянула руку.

— Дай мне шанс, Ротенберг, — сказал Лукас, наклонился к ней и поцеловал в губы, вполне невинно, а потом сделал шаг к стойке регистрации. — Если появится еще один Беккер, ты только свистни. Ты умеешь?..

— Да, конечно, — сказала она, не зная, как его понимать. По ее губам скользнула быстрая улыбка. — Я умею свистеть.

Больше книг на сайте - Knigoed.net

notes

Пи-си-пи, «ангельская пыль» — наркотик, получаемый из транквилизатора для животных, появившийся в начале 1970-х гг. и распространенный преимущественно в США. Обладает галлюциногенным эффектом, нарушает координацию движений и мысли. *(Здесь и далее прим. перев.)*

Сохо — часть Манхэттена.

Битва при Литл-Бигхорне — сражение между объединенными индейскими племенами и Седьмым кавалерийским полком армии США, произошедшее 25–26 июня 1876 года у реки Литл-Бигхорн, Монтана. Битва закончилась уничтожением пяти рот американского полка и гибелью его знаменитого командира Джорджа Кастера.

Пьета (*ит.* pietà — милосердие) — в изобразительном искусстве сцена оплакивания Христа Богородицею.

Джерси — штат Нью-Джерси. Филли — город Филадельфия.

Шоколадно-арахисовые «пальчики» — печенье с начинкой из подсушенного арахисового масла.

Новая школа — университет в Нью-Йорке (в районе Гринвич-Виллидж).

Менкен Генри Луис (1880–1956) — известный американский литературный критик.

Мультсериал киностудии «Уорнер бразерс».

Богги — количество ударов на одной лунке, на один больше, чем пар (условный норматив для этой лунки).

Тряпичная Энни — вымышленный персонаж, созданный писателем Джонни Груэллом в серии детских книг (1918), которые он сам иллюстрировал.

Жилатье, или гила-монстр, — ядовитая ящерица семейства ядозубов.

Водитель намекает на своего полного тезку Аарона Копленда, американского композитора, пианиста, дирижера.

Бойсе — город, в котором находится Университет штата Айдахо.

Международная корпорация, которая предлагает различные диетические продукты и услуги по снижению веса.

Галотан (фторотан) — сильнодействующее средство для ингаляционного наркоза.

«Про боно» (от *лат.* pro bono publico — ради общественного блага) — оказание профессиональной помощи благотворительным, общественным и иным некоммерческим организациям, а также частным лицам, которые не могут оплатить подобную помощь.

Американский коктейль из виски с сахаром, толченым льдом и мятой. Подается в высоком стакане.

Иннинг — часть бейсбольного матча, во время которой команды по разу играют в защите и нападении. Как правило, матч состоит из 9 иннингов.

Герой фильма Стэнли Кубрика «Доктор Стрейнджлав, или Как я перестал бояться и полюбил бомбу» (1964).

Мобиль — подвижная абстрактная скульптура или игрушка, обычно подвесная.

Тюрьма в Нью-Йорке.

Престижный жилой микрорайон в Бруклине.

Формикация — тактильные галлюцинации в виде ощущения ползания, укусов муравьев или других насекомых.

Стереотипия — сохранение определенного положения в течение длительного времени или произвольное повторение слов, движений.

Так американцы называли южновьетнамских повстанцев во время войны во Вьетнаме (по названию букв «Виктор-Чарли» — VC, Вьетконг).

Аудиокоды английского алфавита, используемые армией США.

Игра слов: dick (*англ. сленг*) — член.

«Ирокез» — прическа, популярная в культуре панков.

Американский фильм 1984 года с Микки Рурком в главной роли.

Клуб матерей домохозяек.

Журнал, посвященный яхтам и кругосветным путешествиям. На сленге слово cruising означает также «искать партнера по сексу, приставать на улице».

«Большое яблоко» — самое известное прозвище Нью-Йорка.

Самое высокое здание в Миннесоте. Высота около 214 м.

Марка спрея, предохраняющего поверхности от коррозии и проникновения воды.

«Жизнь с отцом» — комедийный фильм, снятый по автобиографическому роману американского писателя Кларенса Дея.

Форт Самтер расположен на искусственном острове у входа в Чарльстонскую гавань. Взятие этого укрепления в 1861 году послужило сигналом к началу Гражданской войны в США.

Детская игра: игрок с завязанными глазами должен правильно приложить хвост к изображению осла.

Свенгали — гипнотизер, главный герой романа «Трильби» английского писателя Джорджа Дюморье.

Персонаж романа «Хижина дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу, жестокий, деспотичный рабовладелец.

Ежемесячный популярный журнал для мужчин.